

*Памяти Наталии Кондратьюк
посвящается*

ЕЛЕНА БУКРАБА

<Ostrakon>

РОМАН

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «АКАДЕМИЯ»

КИЕВ 2012

УДК 821.161.1(477)-312.9
ББК 84.4УКР-РОС6-445
Б90

Можно ли измерить зло, творимое людьми? Существует ли его критическая масса, за которой неотвратимо наступает возмездие? Хотелось бы думать, что да, хотя оснований для этого не так уж много.

Впрочем, ответы на эти вопросы стоит поискать в романе «Ostrakon». В нем — прелюбопытнейшие события, которые никогда и нигде не происходили.

ISBN 978-966-580-391-1

© Букраба Е., 2012
© ИЦ «Академия», 2012
© Штогрин В., дизайн книги,
обложки, 2012

Остракизм (греч. *ostrakismos* < *ostrakon* — черепок)

«Остракизм в Древней Греции — изгнание граждан, опасных для демократии и государства, решавшееся путем тайного голосования посредством черепков, на которых писались имена изгоняемых».

«Остракизм происходил так. Гражданин нацарапывал на глиняном черепке (остраконе) имя человека, которого считал опасным для государственного строя. Черепки затем собирались и подсчитывались. Если общее их число составляло менее шести тысяч, остракизм считался несостоявшимся. Если же было подано более шести тысяч, то черепки с одним и тем же именем складывались в отдельные кучки. Тот, чье имя упоминалось на наибольшем числе черепков, объявлялся изгнанным на десять лет».

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ ЗНАМЕНИТЫХ ГРЕКОВ И РИМЛЯН

Не обижайте слабых — их слишком много.

АФОРИЗМ

Рука медленно скользила вдоль рядов тусклых бронзовых кнопок. Срок истекал в полдень, и поэтому можно было не спешить.

Резкие порывы ветра и холодный осенний дождь подгоняли немногочисленных в такую рань горожан. Плотнее запахнув плащи и надвинув капюшоны, они спешили к местам исполнения Долга.

Вымокший и продрогший караул с нетерпением ждал смены. Еще пятнадцать минут — и две дюжины стражников отправятся по домам, чтобы через сорок восемь часов снова заступить на охрану Стелы Свободного Выбора.

В утренних сумерках фигура в лохмотьях почти сливалась с пейзажем Парка Защитников и Покровителей.

Начальник смены почетного караула Роб Свэнс, коренастый брюнет крепкого сложения, кареглазый и круглолицый, снискал среди друзей и сослуживцев репутацию добряка, хорошего семьянина и любителя вкусно поесть. На окружающих производил впечатление человека основательного, немало повидавшего и пережившего, но не ожесточившегося. Глядя на бродягу, которого по инструкции следовало бы давно гнать с территории взашей, он думал о том, что парковая скамья — не лучшее место для ночлега, особенно под проливным дождем. Но по сравнению с изолятором для отрешенных... Впрочем, хватит рассуждать. Неровен час, во время смены караула кто

заметит. Люди Марка Кабрива моим не чета. Донесут ведь, обязательно донесут.

Однако, оглядевшись по сторонам, он не увидел никого, кроме подчиненных. Ну и славно. Сам ушел. Понимает.

Сто пятьдесят кнопок, сто пятьдесят имен сенаторов. Еще двадцать — с именами министров. И две отдельно — премьер и Правитель. Белая рука с треугольной формы перстнем на указательном пальце ощупывает их, будто читает. Некоторые просто теплые, но таких немного. Большинство горячих, а три раскалены до кузнечного жара. Рука на мгновение замирает. Нет, сегодня только один.

Смена караула прошла как обычно. Никаких происшествий, никаких посторонних в Парке. Спите спокойно, свободные граждане.

Невесомо и бесшумно, как тень, скользила к выходу тонкая фигура Исполнителя.

* * *

Здание сената радовало изысканной простотой и строгостью линий. Построенное почти четыре века назад, оно олицетворяло согласие и понимание. Согласие народа содержать нанятую им власть и понимание властью условий найма. Тогда все было просто и ясно.

Сотни Стел Доверия располагались на улицах и площадях, и каждый желающий мог в любое время нажать любую кнопку. Потом их назвали Стелами Свободного Выбора и стали усиленно охранять от «морально разложившегося и люмпенизированного плебса». А со временем и вовсе уничтожили за ненадобностью, оставив лишь одну, мемориальную, в Парке Защитников и Покровителей.

Вик Лициус был крайне обеспокоен. Более того, он не мог найти никакого разумного объяснения случившемуся. Сидя в прохладном темном кабинете, невыспавшийся и мрачный, как грозовая туча, глава сената размышлял о странных обстоятельствах внезапной кончины одного из

старейших и влиятельнейших коллег. Как следовало из донесения полиции, сенатор Дорус Лок проснулся в пять тридцать утра. После утреннего моциона позавтракал, облачился в парадное платье со всеми регалиями и знаками отличия, а затем перерезал себе горло именным кинжалом, который неделю назад был пожалован ему за особые заслуги перед отечеством и в связи с семидесятилетием со дня рождения. Осматривая тело, полицейский медик обратил внимание на свежий ожог треугольной формы на внутренней стороне правого запястья, которого, как утверждала вдова покойного, накануне не было.

Возглавляя сенат последние девятнадцать лет, Вик Лициус многое пережил и многому научился. Давно уверившись в том, что в большой политике нет убеждений, а есть исключительно обстоятельства, он виртуозно освоил искусство ситуативного манипулирования. Мало чего страшась и не чувствуя себя никому обязанным, без явной лести демонстрируя преданность Правителю и не очень надеясь когда-нибудь занять его место, третий де-юре и второй де-факто человек в системе государственной иерархии втайне тяготился своим далеко не патрицианским прошлым. Недюжинные способности и фантастическое упорство, помноженные на хитрость, изощренный ум и врожденную интуицию, были теми инструментами, с помощью которых деревенский мальчишка преодолел долгий путь из глухой провинции к вершине пирамиды власти. Крестьянские черты его ухоженного лица выдавали тщательно скрываемое происхождение, продуманный крой платья скрывал изъяны фигуры и скверную осанку.

«Что же все-таки произошло?» — думал он. — И как это можно объяснить? Вот если бы старый пройдоха Дорус умер от разрыва сердца, кровоизлияния в мозг или, в крайнем случае, угодил под экипаж, — все было бы понятно и логично. Но перерезать себе горло, ни свет ни заря, при полном параде, на глазах домочадцев и челяди. Бред какой-то, честное слово. Да еще и этот странный ожог... Неужели “механизм” снова заработал. Но как?»

Мыслительный процесс Вика Лициуса был прерван появлением дежурного офицера внутренней охраны.

— Докладывай, — коротко бросил первый сенатор.

— Начальники всех трех смен почетного караула утверждают, что за последние сутки никто из посетителей Парка не пытался нарушить охраняемый периметр и не приближался к Стеле Свободного Выбора.

— Свободен.

Первый сенатор медленно поднялся из-за стола и шаркающей походкой зашагал по периметру своего необъятного кабинета. Так ему легче думалось.

* * *

Роб Свэнс терзался мыслями о том, правильно ли он поступил, не доложив начальству о ночном посетителе Парка. «Но, в конце концов, если разобраться, то и докладывать было практически нечего. Вопрос ведь как стоял — никто ли не нарушал периметр и не подходил к Стеле? Я и ответил — никто. Это, между прочим, — чистая правда. Может, вообще померещилось. Ведь, кроме меня, никто и не заметил. Даже собаки не заволновались. А раз так, значит, точно никого не было.

Да, озлобилось начальство, остервенилось. Уж бедному человеку и в общественный парк не зайти, и на скамье не посидеть, не передохнуть. А куда ж ему идти-то, болезному, коль жилья нет, от исполнения Долга отрешили — значит и жалованья тоже нет, гонят все, как прокаженного?..»

— Робби! Ну сколько можно звать. Жаркое стынет. Пиво греется. Ты сегодня какой-то странный. С дежурства пришел, а есть не спешишь. Для кого я, спрашивается, стараюсь? — привычно укоряла супруга пышнотелая, веселая и домовитая Мэрион Свэнс. — Телятина сегодня — хоть куда. А грибная подлива — пальчики оближешь. Садись скорей. Знаешь, Робби, у меня утром чуть не сгорел луковый пирог. Твой любимый. А все почему? Приходит соседка, золовка булочника, у которого племянник полотором в сенате, и что по секрету рассказывает — будто старый Дорус Лок нынче на рассвете помер. И не просто помер, а сам себя порешил. По горлу чик

ножом — и все. И нет сенатора. А богатства-то сколько осталось, сколько богатства... подумать страшно. Но луковый пирог, хвала богам, не сгорел.

— До чего дошло, — вынырнул из раздумий Роб. — Уже сами себя изничтожать начали. Грех так говорить, конечно, но мало кто будет горевать о старике. Кровушки он у всех попил. Еще и сколько. Жена и дети его ненавидели. Теперь, небось, из-за наследства перегрызутся. Прислуге какое ни есть, а все-таки облегчение. А людям, гражданам что? Одним больше — одним меньше... — мрачно заключил командир и отхватил изрядный кусок телятины.

Теперь все его внимание было поглощено обильной и, как всегда, отменно вкусной трапезой.

* * *

На площади перед резиденцией Правителя было весьма оживленно. Дворцовые гвардейцы не спеша пропускали экипажи вельмож, приглашенных на ежегодную Встречу Равных. Лакеи, незаметно перемещаясь между гостями, предлагали им изысканные напитки и закуски. Дамы демонстрировали новые наряды и украшения, кавалеры — политическую значимость и награды на парадных мундирах.

Хотя от давней традиции осталось одно название, форма ее по-прежнему соблюдалась неукоснительно.

— Вам есть что сказать? — вот уже триста с лишним лет торжественно вопрошали стражи ворот.

Раньше, услышав утвердительный ответ, они пропускали на площадь всякого, пожелавшего участвовать во Встрече и имевшего что предложить для укрепления всеобщего блага.

Теперь круг участников был ограничен списком приглашенных, который составлялся в сенатских и министерских кабинетах, а затем утверждался Правителем.

Тех, кому было что сказать, как правило, уже не было в списках, а тем, кто был в списках, как правило, уже нечего было сказать.

* * *

Тщедушная фигура Тита Брицилла терялась в глубине внушительных размеров кресла. Глубоко посаженные колючие глаза подчеркивали злой рисунок морщин, а опущенные углы рта почти забыли, что такое улыбка. Жидкий венчик его седых волос был тщательно уложен придворным парикмахером.

Сидя за массивным письменным столом, Правитель непрестанно кусал свои бескровные губы. Он всегда кусал их, когда нервничал. А накануне этих ненавистных ему ежегодных встреч истискивал в лохмотья.

Будучи по натуре пессимистом и брюзгой, Правитель редко бывал доволен жизнью, погодой, женой, подданными... За исключением обожаемой дочери Юлии и верного пса Дуката, он никого не любил и никому не верил.

Тит Брицилл свободно владел словом в быту и в узком кругу приближенных. Публичные выступления всегда давались ему с трудом. Не помогали ни занятия с лучшими риториками, ни сеансы обучения под гипнозом.

Сегодня все не нравилось ему больше обычного. Суставы ног болели из-за обострившейся подагры. Текст ежегодного обращения к народу, подготовленный бестолковыми секретарями, казался серым и безвкусным. Запомнить его никак не получалось, а читать было стыдно.

Беззвучно шевеля губами, он поднялся, подошел к окну и, выглянув на площадь, окончательно вышел из себя.

— Понаехали, скоты безмозглые, твари, шаркуны паркетные! Кроме как плести бездарные интриги да воровать — ничего не умеют.

Вдруг взгляд его, настороженный и жесткий, остановился.

— А вот эти трое, пожалуй, умеют.

* * *

Троица, привлекая внимание Правителя, оживленно обсуждала странные обстоятельства кончины сенатора Лока.

— Вот Вы, господин начальник тайной полиции, говорите, что у Доруса было много недоброжелателей, — горячился премьер-министр Гай Сервий — представительный шатен с отменной выправкой, волевым лицом и располагающей белозубой улыбкой. — А у кого их мало? У меня? У Вас? У первого сенатора? Получается, все мы — потенциальные покойники. Чушь! Вам, Квинт, повсюду мерещатся злоумышленники. Старик, конечно, был редкой сволочью, но убийством здесь и не пахнет. Типичный суицид на почве старческого маразма и нечистой совести.

— Мы, к сожалению, действительно потенциальные покойники, — с мрачной иронией заметил Вик Лициус. — Это, господа, всего лишь вопрос времени.

— Вы, Гай, исходите из очевидного, — мягко возразил премьеру начальник тайной полиции Квинт Юст. — Да, все свидетели показывают одно и то же: Дорус Лок перерезал себе горло без посторонней помощи. Они видели это собственными глазами. Но это поверхностный взгляд. А что если кто-то приказал ему это сделать. Не станете же вы отрицать, например, возможностей гипноза.

— На все воля богов, друзья мои, — подытожил первый сенатор. — А теперь идемте поближе к центральной трибуне. Скоро выход Правителя. Кстати, дорогой Квинт, может быть, стоит все-таки усилить его охрану? Время смутное. Недовольных много. Это не будет лишним, как Вы полагаете?

— Я приму все необходимые меры, — с легким поклоном ответил Квинт Юст. — Но это, Вик, скорее не ко мне, а к министру финансов. Вы же знаете, — улыбнулся он, — правители могут спать спокойно, пока подданные хорошо помнят, как выглядит их профиль на монетах.

Оставив своих собеседников, начальник тайной полиции поспешил еще раз лично проверить готовность подчиненных к торжественному выходу Правителя, до которого оставались считанные минуты.

Квинт Юст был молод, хорош собой, умен, честолюбив и чрезвычайно удачлив. Он пользовался расположением

первых лиц государства и неизменным успехом у женщин. Казалось, сами богини судьбы — мойры — покровительствовали ему. Это был тот редкий случай, когда масштаб амбиций был соразмерен потенциалу личности.

С кошачьей грацией лавируя в толпе придворных, Квинт Юст думал о том, что еще ни одному правителю, независимо от количества охраны, не удавалось пережить своего преемника.

* * *

Одежды, головные уборы и обувь должностных лиц государства различались по цвету согласно субординации. Пурпурная ткань разнообразных оттенков — от розового до фиолетового — всегда была привилегией семьи Правителя.

Трагический аметистовый пурпур наряда его любимой дочери подчеркивал безупречную белизну кожи и блеск иссиня-черных локонов, увенчанных бесценной диадемой. Холодная любезная улыбка и скучающий взгляд зеленых миндалевидных глаз не оставляли сомнений в том, что она не расположена к общению.

Почтительно кланяясь, ее провожали — кто восторженными, кто завистливыми взглядами. «До чего хороша», — вздыхали кавалеры. — «До чего высокомерна», — перешептывались дамы.

Сегодня, выполнив все предписанные этикетом обязанности, Юлия ускользнула из дворца, никем не замеченная. Отец с утра повторяет свое выступление, матушка — занята примерками, придворные без конца суетятся и путаются друг у друга под ногами. На площади масса гостей. Они едят, пьют, с упоением сплетничают и злословят в ожидании новых наград и назначений. Мужчины и женщины незаметно обмениваются многозначительными взглядами, понятными им одним. Воздух густ от адреналина.

Отец постоянно повторяет, что у нее мужской склад ума и не девичьи увлечения — астрономия, стрельба из лука, метание ножей. Ну и что в этом плохого? Да, дей-

ствительно, ей не нравятся рукоделие, игра на арфе и клавикордах, скучные трагедии, где все то и делают, что рыдают, умирают или клянутся друг другу в вечной любви. Ее утомляет нудное позирование для парадных портретов, официальные торжества и пышные балы, пустая болтовня экзальтированных дам и выпренные речи напыщенных кавалеров, неуклюжая лесть и назойливое внимание.

Несмотря на то что очаровательный Квинт Юст сходит с ума от «ее фокусов», Юлия любит, переодевшись в мужское платье и избавившись от охраны, побродить по улицам, где обитают ремесленники и бедняки, закупить в лавках булочников и кондитеров гостинцев для детишек из приюта, пообедать в трактире, послушать, что говорят люди.

Родители считают это, во-первых, небезопасным, а во-вторых, крайне неприличным. Ну и пусть. В конце концов, ей семнадцать лет, она достаточно самостоятельна и знает, что делает.

* * *

В таверне «Праведный путь» было прохладно и тихо. Запахи специй, пряностей и солений возбуждали аппетит. Немногочисленные посетители вели себя пристойно и были трезвы. Уже больше двух лет указом Правителя запрещалось употреблять крепкие напитки в дневное время. Это отвлекало граждан от выполнения Долга.

Те, кто мог позволить себе обед в городе, предпочитали именно «Праведный путь». Здесь были умеренные цены, обильные порции и всегда свежая еда.

За угловым столом, справа от стойки, расположился скромно одетый молодой сероглазый блондин приятной наружности. Коротко стриженные волосы придавали его усталому бледному лицу выражение открытости и незащищенности. Единственным украшением, которое он, видимо, мог себе позволить, был простой перстень треугольной формы на указательном пальце правой руки. Не глядя по сторонам и не прислушиваясь к разговорам в

таверне, неприметный посетитель терпеливо ждал заказанное жаркое.

«Как все однообразно, — думал Исполнитель, — что там, что здесь. Там — Интернет, айфоны, айпады, атомные станции, космическое оружие, терроризм, продукты питания, от которых можно умереть, непригодная для жизни атмосфера. Здесь — благодатная среда обитания — чистые воздух и вода, нормальная человеческая еда без ГМО, нитратов, нитритов и прочей дряни. А люди, в сущности, одни и те же. Что ими движет? Алчность, зависть, корысть, честолюбие. Иногда любовь и сострадание. Наверное, именно любовь помогла им уберечься от окончательного вырождения.

И там, и здесь борьба за власть — как болезнь, от которой нет лекарства. Политики в большинстве своем абсолютно бесполезные для общества. Честолубцы, мечтающие править миром, но пресмыкающиеся в грязи раболепства. Они рвутся к власти, получают ее, пользуются ею, теряют ее, растрачивая на это бесценный и невозполнимый ресурс времени. Их время заканчивается бесславно и бездарно. История все смешивает и путает. Грешников и праведников, героев и предателей. Проходят тысячи лет. Ничего не меняется».

Невысокий юноша хрупкого сложения, закутанный в плащ с опущенным на глаза капюшоном, вошел в таверну, остановился, огляделся. Приметив свободный стол подалее от входа, под лестницей, не спеша направился к нему, оставляя за собой легкий аромат жасмина.

* * *

— Ничего, абсолютно ничего не понимаю, — обреченно простонал Эрий Прат. И без того унылая физиономия главного хранителя государственных архивов была покрыта крупными каплями пота и выражала сложную гамму чувств, в которой преобладали недоумение, растерянность и страх.

Только что его, как мальчишку, отчитал начальник тайной полиции. А с ним, как известно, шутки плохи. Перед этим приходил первый помощник главы сената — мерзкий невоспитанный тип. Кричал, топал ногами и тоже требовал эти злосчастные документы. А вчера премьер-министр изъявил желание с ними ознакомиться.

— Да что же это за напасть такая, Барти! — возопил главный архивариус, обращаясь к своему заместителю. — Они что, все с ума посходили? Ну, скажи на милость, зачем им понадобились эти допотопные бумаги, будь они неладны? Что в них такого важного? И где они могут быть? Не молчи, умоляю. Ты же всю жизнь просидел в этом архиве. Тебя здесь даже мыши знают. Сделай же что-нибудь!

— Да не убивайся ты так, Эрий, — пытался ободрить своего начальника Барти. — Найдем мы их. Обязательно найдем. Начальник тайной полиции дал на поиски еще двое суток, а за это время я найду даже то, чего здесь никогда не было.

Барти Круз — сухонький седой старичок, похожий на быстро состарившегося ребенка, — был действительно всей душой предан архивному делу. Казалось, он родился среди этих пожелтевших от времени бумаг и обретет среди них вечный покой. Обладая острым умом и феноменальной памятью, он безошибочно ориентировался в десятках тысяч документов и мог, не заглядывая в реестры, сказать, в каком хранилище, на какой полке и в какой папке находится та или иная бумага.

Так вот он, Барти Круз, мог бы поклясться, что за шестьдесят лет работы не только не видел искомым документов под грифом «совершенно секретно», но и не слышал о них. Более того, якобы существующая папка с маркировкой «механизм доверия» не значилась ни в одном реестре, а значит — не имела поискового кода.

Старейший архивариус страны был уязвлен. Страдали его самолюбие и профессиональная гордость. — Ну что ж, мы еще посмотрим, — прошептал он, обращаясь неизвестно к кому.

— Знать бы только, зачем они всем вдруг понадобились, эти бумаги, тогда было бы легче искать, — задумчиво заключил Барти и, утешительно похлопав по плечу окончательно раскисшего Эрия Прата, решительно заседал в направлении главного хранилища.

* * *

Первый сенатор неспроста пригласил на обед Квинта Юста. Начальник тайной полиции был, пожалуй, единственным человеком, который пользовался доверием и расположением многоопытного и подозрительного Вика Лициуса. Когда-то их семьи были очень дружны, и после трагической гибели родителей Квинта тогда еще молодой сенатор взял на себя все заботы по воспитанию и образованию осиротевшего мальчугана. Это было едва ли не единственное доброе дело, последствия которого Вик Лициус не просчитал на много ходов вперед. Не имея своих детей, глава сената втайне гордился успехами воспитанника и немало сделал для его карьерного роста.

Не помня родительской любви, Квинт Юст с детства искренне привязался к своему опекуну. Завоевав не без помощи последнего достойное положение в обществе, молодой человек стал блестящим лоббистом идей Вика Лициуса, надежным подспорьем во всех его начинаниях.

— Вы ничего не едите, друг мой, а ведь здесь все, что вы любите, — мягко укорял своего визави первый сенатор. — Глядите-ка, фрикасе из кролика в винном соусе, грибной пудинг, салат из моллюсков. А на десерт нам подадут миндальный пирог и фрукты. Угощайтесь же.

— Не сомневайтесь, Вик, я воздам должное всему, что есть на этом столе, тем более что я голоден, — с благодарной улыбкой ответил Квинт Юст. — Но еда утоляет лишь физический голод, а общение с вами — духовный, что намного важнее.

— Хитрец, хитрец и умница, — рассмеялся покрасневший от удовольствия Вик Лициус.

Удобно расположившись в атриуме, собеседники не спеша трапезничали и, лишь добравшись до десерта, заговорили о том, что занимало их мысли и подлежало серьезному обсуждению.

— Вы действительно полагаете, что эти бумаги существуют, — осторожно усомнился Квинт Юст. — Но тогда скажите на милость, кто их видел? Эти смешные старики в архиве, хоть и напуганы до смерти, но в один голос твердят, что таких документов никогда не было. Они предъявили мне все секретные реестры за последние двести лет. Ничего похожего. Может быть, этот «механизм» — просто плод чьей-то фантазии, выдумка, обросшая за века жуткими подробностями. Согласитесь, люди любят страшные истории.

— Люди любят разные истории, Квинт. Но более всего — со счастливым концом, — задумчиво произнес Вик Лициус. — В этой истории счастливого конца не будет, вы уж мне поверьте. И «механизм», к сожалению, не выдумка. И документы, подтверждающие это, существуют. Я видел их собственными глазами. Правда, очень давно.

— Но не могли же они исчезнуть бесследно, — недоуменно поморщился начальник тайной полиции.

— Конечно, не могли. Мы просто должны понять, кому, когда и для чего эти бумаги понадобились. Тогда все прояснится. Располагайтесь поудобней, и я поделюсь с вами информацией, которой располагаю. Только ничему не удивляйтесь...

— Вы наверняка знаете, — начал свой рассказ первый сенатор, — что все исторические хроники и летописные предания повествуют о существовании некогда государств с абсолютным демократическим устройством. Они были невелики и обозримы — не больше современного города. В принятии ответственных решений участвовали все жители — свободный демос. Взрослые мужчины и женщины собирались на рыночной площади и поднятием рук голосовали за избрание правителя или его отставку, принятие или отмену законов, увеличение или снижение налогов. В те времена государство существовало для

человека, а человек не мыслил себя вне государства. Каждый гражданин был уверен, что без его активного участия в жизни страны что-то может пойти не так, как следует, и спустя какое-то время негативно отразится на благополучии его семьи, будущем его детей. Эта схема работала без сбоев до тех пор, пока в результате захватнических войн, роста населения и его миграции города-государства не укрупнились до таких размеров, что их граждане уже не помещались на рыночной площади и должны были делегировать полномочия тем своим представителям, которым более всего доверяли. Так закончилась эпоха прямой демократии.

Тогда люди не стремились во власть. Это было обременительно и отнимало самое ценное в жизни — время. Нужно было чем-то заинтересовать граждан, избранных для осуществления властных функций. Этим «чем-то» стала система льгот и привилегий. Никто не думал, что со временем она безгранично развратит их.

Я злоупотребляю вашим вниманием, Квинт, не так ли? Тем более что вы все это знаете не хуже меня. Однако, внимание, друг мой, внимание. Наступили времена, когда люди стали ценить власть и деньги больше времени, то есть больше вечности. Реальная демократия умерла. И тогда боги создали «механизм», способный погасить жажду власти у всякого, кто стремился к ней ради нее самой и использовал ее для личного обогащения. Никто не знает наверняка, когда и как появились Стелы Доверия и кто научил людей ими пользоваться. В летописях об этом нет ни слова. Скорее всего, эту информацию оттуда просто вымарали. Но в молодости в мои руки попали весьма любопытные бумаги. И хотя их достоверность внушает сомнения, других источников у нас просто нет. Так вот, существуют якобы свидетельства очевидцев, что во время полного лунного затмения, случившегося то ли пятьсот, то ли тысячу лет назад, с неба спустились некие светящиеся капсулы с живыми существами, которые установили Стелы и запустили «механизм». Говорят, это были посланцы богов. Предполагается, что они же и обучили немногих избранных тайным знаниям,

дающим огромную силу и позволяющим мгновенно перемещаться во времени и пространстве. Многие века Стелы Доверия, как их тогда называли, считались священными реликвиями, и выбор неугодных богам тоже был священным. Первым, кто посмел посягнуть на право выбора, стал правитель Кратал. После того как «механизм» забрал жизнь его единственного, горячо любимого сына, правитель, в приступе безумия, приказал крушить Стелы. Вскоре, придя в себя, он ужаснулся содеянному и стал ждать неминуемой кары богов. Но ничего не произошло. Тогда в обстановке строжайшей секретности были уничтожены все Стелы, кроме единственной, которую, по преданию, сами посланцы богов установили в Парке Защитников и Покровителей. Демосу же внушили, что боги, убедившись в превосходстве существующей власти над всеми предыдущими, сами приняли такое решение, оставив одну Стелу в память о временах несправедливости и насилия.

— Погодите, Вик! Но как же оно работало? Неужели это не легенда?

— Отнюдь. Сведения, дошедшие до нас в виде легенд и преданий, гласят, что когда-то чиновники, облеченные государственной властью, носили на груди знаки отличия с божественными письменами, а их имена были начертаны на кнопках Стел Доверия. И каждый гражданин, недовольный деятельностью того или иного чиновника, мог нажать кнопку с его именем. Никто не знал, какова критическая масса этих нажатий. На то была воля богов. Когда наступал предел их терпению, знаки отличия убивали своих владельцев. Они каким-то образом останавливали сердце. И всегда после этого на внутренней стороне правого запястья покойного проявлялся красный треугольный след, как от ожога. Это был знак божественного возмездия.

— Как у сенатора Доруса Лока, — задумчиво продолжил Квинт Юст, внимательно следивший за ходом повествования.

— Именно так. Когда Стелы демонтировали, все до единого знаки отличия собрали и переплавили. Во что —

неизвестно. Вот и получается, что знаков отличия, которые убивают, — нет, а покойник у нас есть. Если «механизм» действительно заработал, то кто и каким образом его запустил? Не помню наверняка, но в тех самых документах, кажется, говорилось о том, что волю богов могли приводить в действие Исполнители из числа избранных, наделенных когда-то тайными знаниями. Поэтому я и распорядился немедленно разыскать эти бумаги. Честно говоря, никогда не относился к этому слишком серьезно, но после смерти сенатора... Учтите, Квинт, информация, которой я с вами поделился, — абсолютно секретна. И я почему-то думаю, что смерть сенатора Лока — не последняя. Судя по всему, отношение демоса к покойному было, мягко говоря, негативным. Что из этого следует — пока не знаю. Я прошу вас, Квинт, задействовать лучших агентов для сбора сведений о настроениях граждан относительно высших должностных лиц государства, включая меня. Вы слышите, это чрезвычайно важно. Мы должны попытаться понять, как будут развиваться события, должны просчитать, кто может оказаться следующим. И еще, Квинт, если Исполнитель действительно существует, то сейчас он, наверняка, должен быть где-то здесь, в пределах страны. Хорошо было бы для начала попробовать его обнаружить.

* * *

В этой таверне Юлия любила бывать с детства. Сначала ее сопровождали няня и учитель латыни, он же воспитатель, потом — пес Дукат, любимец отца и ее преданный друг, которому можно было поведать самые сокровенные тайны и быть уверенной в его молчании. Все происходило, конечно же, без ведома родителей. Узнай они об этом — всем было бы несдобровать, кроме разве что Дуката. Но, хвала богам, обходилось без неприятностей. Те люди, которые посещали «Праведный путь», никогда не бывали во дворце, придворным и в голову не пришло бы отправиться в таверну, а челядь и слуги ни за что ее не выдали бы.

Разве можно было дома поесть грибную затируху или полакомиться густым ароматным киселем из лесных ягод, отведать жаркое с красной фасолью, которое варили в огромном черном чугуне, а ели из раскрашенных глиняных мисок? Дукат с большим аппетитом угощался чудесными сахарными косточками, которые предпочитал отборному мясу с дворцовой кухни. Запах трав и смолянистых дров, сушеных грибов и свежесмолотых специй приятно щекотал ноздри.

Эти мысли вызывали прилив нежности и грусти. Няня давно умерла, воспитатель обучает теперь латыни и хорошим манерам детей премьеры, а Дукат состарился и предпочитает утомительным для него прогулкам здоровый сон во дворце.

Детство закончилось как-то неожиданно, без предупреждения, и взрослая жизнь тут же предъявила много новых требований, казавшихся ей глупыми и обременительными. Родители уже давно подыскивают Юлии достойного жениха. Это ужасно раздражает, тем более что ни один из рассматриваемых кандидатов ей ничуть не нравится.

До чего здесь уютно и тихо. Никто не мешает, не пытается обратить на себя внимание, не пристает с дурацкими разговорами. Посетители не спеша и с удовольствием едят, толкуют о безбожных ценах на рынке, высоких налогах, своих успехах у женщин, понизив голос до шепота, ругают власть.

Вот и мысли сероглазого юноши, сидевшего в одиночестве справа от стойки, наверняка витали где-то далеко. Он, судя по всему, никого не ждал и никуда не спешил.

«Интересное лицо, — отметила про себя Юлия, — волевые черты и какая-то отрешенность во взгляде или, может быть, усталость. Он не похож на остальных посетителей. Наверное, чужестранец».

Тут же ее внимание переключилось на новых посетителей. Четверо мужчин в длиннополых плащах вошли в таверну, огляделись и, подойдя к стойке, заказали пиво. Пили они стоя, хотя было много свободных столов.

«Что-то здесь не так, — думала девушка, пытаюсь разглядеть лица, наполовину скрытые полями низко надвинутых шляп. — Они ведь явно знакомы, но почему-то не общаются. Да и заказали только пиво, а время — обеденное. И не присаживаются. Хотя какая мне разница, кто и что заказывает. Это все дружба с начальником тайной полиции. Ему повсюду мерещатся изменники и злоумышленники. Вот уж действительно, с кем поведешься...»

В ту же секунду один из подозрительной четверки легко перемахнул через буфетную стойку и, повалив на нее хозяина, приставил к его горлу кинжал.

— Никаких лишних движений, иначе ему конец. Всем медленно, очень медленно достать деньги и выложить на столы.

Трое грабителей уже успели извлечь из складок одежды оружие и теперь двигались вдоль стен так, чтобы держать в поле зрения сидящих за столами.

Когда один из них поравнялся с Юлией, ее рука уже крепко сжимала рукоять стилета, припрятанного на поясе, готовая в любую секунду выхватить его из ножен. «Заколоть его я, конечно, успею, — лихорадочно соображала она, — но тогда тип за стойкой убьет хозяина. Нет, нельзя».

— Эй ты, мелюзга, чего сидишь, глазеешь? Ну-ка, помоги собрать монеты у свободных граждан. Пошевеливайся, чего застыл. И капюшон с глаз подними, чтоб лучше видеть. Послушай, парень, ты что, глухой, — рассвирепел бандит, принимая молчание за неповиновение.

Он схватил девушку за шиворот и резко дернул со скамьи. Ткань затрепала, капюшон съехал назад, и спрятанные под ним локоны рассыпались по ее плечам.

— Да ты, оказывается, девка, — осклабился грабитель, — что ж, тем лучше, сама напросилась. Теперь у нас будет десерт...

Он и трое поделщиков одобрительно загоготали.

— А ты чего сидишь, пялишься в окно? Кошелек на стол, живо!

Тот, к кому были обращены эти слова, молча повернул голову и посмотрел на говорившего долгим и каким-то отстраненным взглядом. Лицо злоумышленника внезапно побледнело, замерло, потом исказилось гримасой нечеловеческой боли. Как подкошенный, он упал под ноги молодому человеку, который тем временем невозмутимо вернулся к трапезе.

Приземистый детина с мечом и кинжалом наизготовку, явно не понимая, что происходит, двинулся в их сторону. Как только он оказался спиной к Юлии, девушка выхватила из поясных ножен стилет и, коротко замахнувшись, метнула его. Почувствовав какое-то движение сзади, громила резко развернулся, и лезвие лишь скользнуло по его шее, слегка оцарапав. В бешенстве он бросился на Юлию с занесенным над головой мечом.

Тут же посетитель, у ног которого лежал бездыханный злодей, чуть приподнявшись из-за стола, сделал еле уловимое движение правой рукой, и бандит, уже занесший над девушкой смертельное оружие, с хрипом повалился на пол.

Не дожидаясь продолжения, двое остальных, охваченные суеверным ужасом, бросились наутек.

Поспешно убрав волосы и запахнув плащ, Юлия двинулась к выходу. Потом резко обернулась и стремительно направилась к столу, за которым, ничем не выказывая своего волнения, продолжал сидеть сероглазый бледный юноша.

— Вы, сударь, только что, кажется, спасли мне жизнь.

Незнакомец немедленно поднялся и изысканно поклонился. Легкая улыбка тронула его бескровное усталое лицо.

— Я не знаю, как за это благодарят, но почла бы за честь считать вас своим другом, — твердо и искренне произнесла Юлия, подумав, что этот молодой человек очень мил и совсем не похож на простолюдина.

— Не стоит благодарности, сударыня. И, поверьте, не стоит впредь подвергать себя такой опасности. Вы повели себя храбро, но весьма безрассудно. Может быть, вы ищете приключений? Если нет, то позвольте мне

проводить вас. Скоро здесь появится полиция — как-никак разбойное нападение, два трупа. Вам это, наверное, ни к чему, не правда ли?

В подтверждение его слов за окнами послышались приближающийся шум и ржание лошадей.

— Отказаться от этого предложения было бы крайне невежливо, — согласилась Юлия. Да и не хотелось отказываться. Молодой человек из таверны был ей интересен.

* * *

Накануне выходных дней каретная мастерская Лоя Мария, которую сам хозяин гордо именовал экипажной фабрикой, превращалась в некое подобие клуба. Ближе к вечеру, отпустив всех работников по домам, он доставал купленные днем пышный ржаной хлеб, увесистое кольцо копченой колбасы, сыр, свежие или квашенные овощи, нарезал их крупными аппетитными ломтями и, разложив по тарелкам, терпеливо ждал прихода гостей. Строго говоря, назвать гостями двух закадычных друзей Лоя можно было только условно. Здесь они чувствовали себя как дома, а процесс подготовки к еженедельным посиделкам давно приобрел ритуальный характер. Роб Свэнс всегда приносил изрядную бутылку домашней сливовой настойки, а Руфус Филч — горячую сдобу из своей кондитерской. Как ни странно, гастрономические ароматы удивительно гармонично смешивались с запахами свежей стружки, кожаной упряжи, каретного лака и отменного табака, которым командир смены почетного караула традиционно угощал приятелей. Основательно подзаправившись и захмелев, повеселевшие собеседники оживленно обсуждали последние новости. Героем недели, конечно же, был признан кондитер, ставший одновременно очевидцем и участником драматических событий, разыгравшихся накануне в таверне «Праведный путь».

— Ох, и натерпелся я страху, — неизвестно в какой раз повествовал о своих приключениях Руфус Филч. Сейчас он выглядел под стать своим фирменным пирогам. Весь кругленький, сдобный, разрумянившийся

от обильной трапезы и жутковатых воспоминаний вчерашнего дня. — Когда один из них Рута, хозяина таверны, на стойку повалил, я решил, что все, вот он, мой последний час, пришел. Сейчас, думаю, Рута зарежут, потом сразу меня. Я ведь ближе всех к стойке сидел. Угрозило тоже, дурака, нашел где сесть. Да и денег с собой, как назло, — аккуратно за обед заплатить. Думаю, обозлятся разбойники, что денег-то нет, и зарежут, как пить дать зарежут.

— Да ладно тебе жаловаться, не зарезали ведь, — перебил его Роб Свэнс. — Лучше рассказывай про девицу и незнакомца, который грабителей будто бы положил. А то ведь разное болтают. В толк не возьмешь, где правда, где враки.

— Да уж, — поддержал товарища Лой Марий, — как тебя чуть было не порешили, мы уже слышали, ты, это — дальше давай.

— Ну что тут скажешь, — нисколько ни обидевшись, вздохнул кондитер и таинственно понизил голос. — Если бы собственными глазами, вот этими, — для убедительности он отложил пирог с ливером, выразительно поморгал и указательными пальцами обеих рук дотронулся до век, — не видел, как все было, в жизни не поверил бы. Эх, мне бы так научиться...

— Да что ты все к себе поворачиваешь, — начал раздражаться Роб Свэнс. — После о тебе поговорим.

Тут Руфус Филч приосанился, распрямил спину, подобрал живот и расширил глаза, насколько позволили складки его пухлого лица.

— Вот так он сидел, — со значением заговорил преобразившийся кондитер, — сидел и просто смотрел в никуда. Сам бледный как смерть. Как больная смерть.

— Ну ты и загнул, — восхищенно хмыкнул каретник.

— Так вот, — продолжал Руфус, — все, кто был в таверне, перепугались, конечно, а этот сидит себе, жаркое ест, в окно поглядывает, будто и не происходит ничего. А когда бандит к незнакомцу подскочил, тот просто посмотрел на него, — тут рассказчик вперил немигающий

взгляд в полупустую бутылку сливовой настойки. — И все. А потом на другого посмотрел, который на девушку переодетую бросился, и еще будто бы рукой на него указал. И тоже все.

— Что все? — в один голос воскликнули слушатели.

— Все — это значит: очурились оба. Вот так. Налил бы кто, а то в горле першит уже от этих рассказов, — закапризничал кондитер.

Лой Марий с готовностью разлил по чашам оставшийся напиток, и друзья принялись оживленно обсуждать, как в таверне могла оказаться девушка и что за времена такие настали, когда девушки, да еще и переодетые в мужское платье, сами по значным местам расхаживают. Всегда наблюдательный кондитер, видимо из-за испуга, не очень хорошо ее запомнил и не мог толком описать.

В это время за окнами послышался топот копыт, а потом раздался стук дверного молотка.

— Кто бы это на ночь глядя? — удивился хозяин. Он, кряхтя и потирая поясницу, поднялся, не спеша подошел к двери и отворил ее.

За порогом, придерживая коня под уздцы, стоял высокий юноша в темном плотно запахнутом плаще.

— Простите великодушно за беспокойство в столь позднее время, — тихо промолвил он, — однако обстоятельства вынудили меня нарушить ваше уединение. Я бы хотел приобрести экипаж. Немедленно. Не тревожьтесь, деньги у меня есть, — заметив недоверчивый взгляд каретника, заверил его ночной посетитель. А если вы поможете мне найти лошадей — я заплачу вам вдвойне.

— Что ж, проходите, — Лой Марий посторонился, пропуская странного покупателя, — сейчас посмотрим, чем можно вам помочь.

Роб Свэнс подумал, что где-то уже видел этого молодого человека, только вот где? А может, просто похож на кого-то.

Руфус Филч глядел на вошедшего, не отрываясь и не мигая. Он даже перестал жевать и прикрыл рот рукой.

— Это ведь точно незнакомец из таверны. О боги, только бы Лой его не расстроил, только бы не рассердил.

Премьер-министр был влюблен тайно и безнадежно. Более того, он ревновал, не имея ни малейших оснований, и, понимая, как это глупо, чувствовал себя прескверным образом. Наличие любящей жены и двух прелестных детишек не казалось ему таким уж непреодолимым препятствием на пути реализации своих плотских потребностей. Супруга давно смирилась с его женолюбием и простит все, что угодно, а дети... Впрочем, при чем тут дети. Вся загвоздка была в предмете его страсти. Сорокапятилетнего Гая Сервия, имевшего в высших кругах светского общества репутацию весьма разборчивого ловеласа, угораздило по уши влюбиться в семнадцатилетнюю девушку, которая не могла принадлежать ему уже по той простой причине, что была единственной обожаемой дочерью Правителя Тита Брицилла. Сама же первая невеста государства даже не представляла, что вызывает столь пылкие чувства у одного из столпов общества, почетного главы семейства, который, как кажется всем девушкам ее возраста, годился ей в дедушки.

Сабина, жена премьера Гая Сервия, была умна, прекрасно образована, малопривлекательна и не очень общительна, а главное — фанатично предана семье. Обожаемый муж и горячо любимые дети составляли смысл ее земного существования. Ради них она жила, дышала. Ради них, не задумываясь, отдала бы жизнь. Здравый смысл и трезвый расчет помогли ей со временем превозмочь сердечную боль и примириться с частыми романтическими увлечениями супруга. Бороться с этим было бесполезно. Ну что ж, все семьи счастливы по-разному. В конце концов, Гай внимателен к ней и сыновьям. Он регулярно посещает ее спальню, дарит дорогие украшения, постоянно балует малышей. Благодаря его многолетним трудам они очень богаты, а она, Сабина, стала второй дамой государства. Нужно уметь радоваться тому, что есть, а не отравлять себе жизнь бессмысленной и разрушительной ревностью. Издержки семейной жизни существуют всегда. Наверное, это налог на любовь. И платить его должен каждый.

Родственники с обеих сторон считали этот брак весьма удачным и перспективным. Деньги преуспевающего, но не имевшего приличной родословной жениха, помноженные на девять поколений знатного, но изрядно обедневшего рода невесты и связи ее семьи, дали отменные результаты. За шестнадцать лет Гай сумел вырасти от перспективного помощника сенатора до премьер-министра. Он был хорош собой, покладист, приятен в общении, эрудирован, хоть и не глубок, умел быть полезным, ловко избегал ситуаций, в которых выглядел бы невыигрышно. Политический конформизм помогал ему эффективно сотрудничать с представителями различных партий в сенате, а поддержка Вика Лициуса добавляла уверенности в себе. Научившись ладить с придворными, не раздражать Правителя и даже дружить с его любимым псом Дукатом, Гай, казалось бы, обеспечил себе режим максимально благоприятного существования в государственном политикуме, что удавалось далеко не каждому.

И вот теперь внезапно вспыхнувшая страсть к красавице Юлии отравляла все его существование. Чувства заглушали разум. Он все прекрасно понимал, но ничего не мог с собой поделать. Казалось, боги послали ему испытание, преодолеть которое он был не в силах.

* * *

Любовь зачастую возвышает человека, придает ему благородства и доброты, но иногда оглушает, заставляя совершать поступки не лучшего свойства. Гай Сервий, желая знать все, что только возможно, о предмете своего тайного вожделения, организовал постоянную слежку за Юлией. Его соглядатаи следовали за девушкой повсюду, рискуя в любой момент быть обнаруженными людьми Квинта Юста, которые по долгу службы охраняли дочь Правителя.

Марк Кабрый — начальник одной из смен почетного караула и по совместительству платный осведомитель премьера, гордился тем, что сегодня доложит патрону нечто из ряда вон выходящее. Обычно его подопечная,

ускользая из дворца, ограничивалась посещением ремесленных и продуктовых лавок, где накупала уйму гостинцев для сироток из приюта. Иногда позволяла себе, переодевшись в мужское платье, отобедать в таверне «Праведный путь». Такие дни особенно нравились Марку, который, не жалея средств нанимателя, заказывал самые дорогие блюда и не забывал пропустить стаканчик вина за его здоровье. Но вчера ему было не до обеда и уж тем более не до выпивки.

— Ну, рассказывайте, Марк, рассказывайте, у меня через час важная встреча в сенате, — поторапливал его Гай Сервий, не переставая перелистывать бумаги.

Марк Кабрий откашлялся, приосанился и, не жалея красок и эпитетов, живописал события в таверне.

— О боги! Она была там и подвергалась такой опасности, — воскликнул смертельно побледневший премьер, вмиг забыв о своих документах и встрече в сенате. — Мне докладывали об этом жутком происшествии и о девушке, переодетой мужчиной. Но я и подумать не мог, что речь идет о Юлии. Немедленно свяжусь с начальником тайной полиции. Интересно, где были его люди, как они допустили?

— Ваша милость, — с трудом вклинился в этот эмоциональный монолог встревоженный, однако вполне довольный произведенным эффектом Марк, — не нужно начальника тайной полиции. О том, что досточтимая госпожа Юлия участвовала в этих ужасных событиях, никто не знает, ну, разумеется, кроме нас с вами. Она не была узнана и покинула место происшествия до прибытия полиции. Так что все полагают, будто переодетая девушка, испугавшись наказания за свой маскарад и за использование оружия, просто сбежала.

— Да, логично, — несколько успокоившись, согласился Гай Сервий, — но как это легкомысленно с ее стороны, как неосмотрительно. Надеюсь, вы убедились в том, что госпожа без приключений добралась до дворца?

— В том то и дело, что нет, — уже без прежнего энтузиазма промямлил Марк Кабрий. — Госпожа скрылась с тем самым незнакомцем, который каким-то

непостижимым образом, без оружия, даже не поднимаясь из-за стола, расправился с двумя грабителями и обратил в бегство остальных.

— Что ты болтаешь? — премьер из бледного стал пунцовым. — И когда же она появилась во дворце?

— Ближе к ночи, ваша милость, — прошелестел Марк. — Все ведь были заняты. Сначала Встреча Равных, потом торжественный ужин, фейерверк. Беготня, суета. Вот никто и не хватился.

— И что, никто его прежде не видел, никто не опознал? — еле сдерживая ярость, расспрашивал Гай Сервий. — Как он хотя бы выглядел?

— Как выглядел... — задумался Марк. — Ну, он молодой, коротко стриженный, светловолосый и бледный такой, как смерть. А еще смотрит как-то странно, будто бы сквозь человека. Жутковато от этого становится.

— Ну что ж, — вполне овладев собой, подытожил премьер, — придется вам, Марк, незамедлительно заняться поисками этого таинственного незнакомца. За отдельную плату, разумеется.

* * *

Эта девушка была так неправдоподобно похожа на Анну, что в первый момент у него возникло ощущение дежавю. Те же зеленые миндалевидные глаза, фигура, походка, голос и, что самое невероятное, — легкий обволакивающий аромат жасмина.

Не нужно было с ней говорить, да еще и набиваться в провожатые. Но ведь она сама подошла и стала благодарить за спасение, а потом предложила свою дружбу. Не мог же он бросить ее в таверне, не предложив своего покровительства. Нет, на его месте так поступил бы каждый нормальный мужчина.

Он, конечно, лукавил, но не хотел себе в этом признаться. Знал, что есть воспоминания, к которым нельзя прикасаться. Но мысли об Анне — самой большой потере всей его бесконечно долгой жизни — упрямо всплывали в памяти, преодолевая табу рассудка.

Девушку звали Юлия. Ей, как и Анне, было семнадцать. Он хотел попроситься к ней и навсегда вычеркнуть эту встречу из памяти, но не смог, прекрасно понимая, что это противоречит правилам. Но, в конце концов, из каждого правила могут быть исключения. И сегодня как раз такой случай.

Покинув таверну за считанные секунды до появления полиции, они незаметно растворились в потоке горожан, спешивших занять лучшие места для родственников и соседей на праздничное действо с бесплатным угощением и фейерверком по случаю Встречи Равных.

Юлия еще никогда не чувствовала себя так комфортно, общаясь с мужчиной. В его поведении не было ни единой фальшивой ноты, он знал массу интересных вещей, не пытался понравиться и произвести впечатление. Ей даже думать не хотелось о том, что через несколько часов он может просто исчезнуть из ее жизни. Поэтому, когда, прощаясь, он предложил в ближайшие дни организовать пикник, Юлия согласилась сразу же, без кокетства и сомнений, даже не подумав о том, как это может выглядеть со стороны и как она сумеет снова покинуть дворец незамеченной.

Он не узнавал себя. Впервые за много лет всегдашняя ледяная отстраненность уступила место веселому праздничному возбуждению. Вечером следующего дня, отправившись в каретную мастерскую, он приобрел отменный экипаж с мягкими сидениями и договорился о лошадях. Купил посуду, скатерти и салфетки. Заказал в лучших бакалейных лавках и кондитерских массу всякой снеди. Мысленно составил букет, который цветочник соберет завтра. И... остался доволен собой. Ни сегодня, ни завтра он не будет вспоминать об истинной цели своего пребывания здесь.

* * *

Из окон кареты открывался изумительный вид. Лес, окрашенный в благородные цвета осени, с трудом удерживал на ветвях деревьев отяжелевшую листву.

Безоблачное небо щедро дарило яркую глубокую синеву убегающему горизонту. Пахло утренним дождем и грибами.

Юлия никак не могла надышаться. Этот хрустальный воздух имел не только запах, но и удивительный вкус, который хотелось запомнить и сохранить. Она старалась не думать о том, что сегодняшний день когда-нибудь закончится и вместе с ним угаснет ощущение счастья, не покидавшее ее с самого утра.

Дастин (так звали ее спасителя) действительно оказался чужестранцем. В наших краях — по делам и ненадолго. Как жаль. Всего два дня знакомства, а кажется, будто они встретились давным-давно и с тех пор не расставались. Если бы он только пожелал остаться. Отец сделает для нее все, что угодно.

Он так редко с кем-то общался, что давно забыл, как звучит собственное имя. Впрочем, оно ведь тоже не настоящее. Когда-то его звали Ингвар. Как неправдоподобно давно это было. В восемнадцать лет, став избранным и получив имя Дастин, он потерял все: семью, друзей, Анну. Его время остановилось.

— Какой восхитительный букет, — Юлия улыбалась, любуясь творением цветочника. — Теплый, радостный. Как жаль, что он завянет. Зачем, скажите, нужна такая красота, если ее нельзя сохранить?

— Иначе ее не ценили бы. Взгляните вокруг. Задумайтесь. Все, что мы имеем, все, что нам дорого, — увы, временно. И все же мир радует нас. Завтрашнее увядание — не повод для печали сегодня.

— Вы, пожалуй, правы, — задумавшись, согласилась девушка. — Нужно уметь радоваться. Солнечному дню, пейзажу за окном, тому, что осталась живой, там, в таверне. Кстати, Дастин, — сменила тему Юлия, — интересно, как вам удалось расправиться с грабителями? Я сама неплохо бросаю ножи, стреляю из лука, но ничего подобного не видела. Неужто действительно можно убивать одним лишь взглядом?

— Да полноте, Юлия. Почему вы вообразили, что я имею к этому отношение? Только лишь потому, что один из разбойников скончался около моего стола? Но ведь

второй-то испустил дух возле вашего. И что из этого следует? Ровным счетом ничего.

— То есть как это ничего? Кто-то же их обоих убил. А вы так странно смотрели, будто приказывали умереть.

— Но вы ведь тоже на них смотрели. И не только смотрели, если помните. Вы были вооружены стилетом и воспользовались им, а ведь кто-то из посетителей мог быть вооружен, ну, например, трубкой с отравленными иглами или чем-то подобным. Допускаете? Грабители просто в неподходящее время оказались в неподходящем месте, где их настиг перст судьбы. В общем-то, они получили по заслугам. Не думайте об этом. Полиция во всем разберется. Да и вообще, не пора ли нам перекусить?

* * *

— Пыль была всегда, — назидательно произнес Барти Круз, балансируя на верхней ступеньке раздвижной лестницы под сводчатым потолком хранилища древних рукописей.

Судя по всему, он обращался к многочисленным мышам, которые были единственными живыми свидетелями его самоотверженной борьбы за сохранение своего статуса — лучшего архивариуса страны. Вот уже вторые сутки, потеряв сон и аппетит, упрямый старик практически не покидал здание архива. Он знал наверняка, что старинные документы, якобы имеющие гриф «совершенно секретно» (если они действительно существовали), не могли пропасть бесследно. То есть пропасть они могли, но след этой пропажи или кражи обязательно должен был остаться. И он действительно остался. Вековая пыль, покрывавшая изъеденные шашелем стеллажи редко посещаемого хранилища, была неоднородна. Отметив для себя все места, где ее толстый слой нарушался, Барти сверил наименования расположенных там папок с записями в журнале выдачи и возврата документов из этого хранилища за последние пятьдесят лет. Он обнаружил, что записей было на одну меньше, чем мест с потревоженной пылью. На верхней полке многоярусного стеллажа, под

самым потолком, явно чего-то не хватало. И это что-то относилось к периоду примерно пятивековой давности.

— Эрий, Эрий!

Весь перепачканный пылью и паутиной, но весьма довольный собой, Барти Круз появился на пороге кабинета своего начальника, который тем временем предавался унынию и терзался мыслями о неотвратимости наказания, если эти злосчастные документы так и не найдутся.

— Эрий, друг мой, я все-таки нашел то, чего нет, представляешь, нашел! — с гордостью возвестил старый архивариус. Его переполняли эмоции.

— Так где же оно, они, ну, словом, то, что ты нашел? — радостно встрепенулся Эрий Прат.

— Видишь ли, я нашел не документы, а обнаружил их отсутствие. Отсутствие документов пятисотлетней давности, которые, насколько я помню, никогда и секретными-то не считались. Даже не уверен, имеют ли они непосредственное отношение к так называемому «механизму доверия». Ума не приложу, зачем все их разыскивают. Если не ошибаюсь, это какие-то древние сказания и легенды. На первый взгляд абсолютно ничего интересно-го, поверь мне.

— Это тебе неинтересно, а вот начальнику тайной полиции, премьеру и первому сенатору почему-то очень интересно. И что, скажи на милость, мы им предъявим? То, чего нет? Не смеши меня, Барти.

— Мы предъявим документы, — невозмутимо ответил старик. — Можешь быть в этом абсолютно уверен.

Главный хранитель государственных архивов видимо не разделял оптимизма своего заместителя и начинал терять терпение.

— Да говори же, наконец! Что ты тянешь! — не выдержал он. — Срок, отведенный нам, истек. Вот сейчас заявится сюда Квинт Юст, и будут нам и сказания, и легенды.

— Послушай, Эрий, лет десять назад в сводах хранилища древних рукописей образовались трещины, через которые понемногу прокапывала вода. Когда это заметили, оказалось, что часть документов отсырела, а некото-

рые основательно подмокли. Тогда я велел переписчикам изготовить их копии. Представь, как нам повезло. Течь была как раз над той полкой, где я сегодня обнаружил недостачу. Сейчас эти копии нужно доставить сюда. Их должно быть ровно на одну папку больше, чем оригиналов на полке. О чем это говорит?

— О чем? — все еще недоумевал Эрий Прат.

— Да о том, что папка, записи о которой не будет в журнале выдачи и возврата документов, и есть та, которую все почему-то ищут. Понимаешь?

— Кажется, начинаю понимать, — просветлел лицом главный хранитель. — Барти, да ты просто гений! — восторженно воскликнул он. — Нет, ты не просто гений, ты... ты — наш спаситель.

Барти Круз смущенно потупил взор, но возражать своему начальнику не стал.

* * *

Когда Квинт Юст, дав все необходимые указания по организации расследования происшествия в таверне «Праведный путь», уже собирался отправляться в государственный архив, ему доложили о прибытии гонца с чрезвычайным донесением. Суть его состояла в том, что сегодня, в семь тридцать утра, глава сенатского комитета общественных финансов и священных щедрот Тур Витий вышел из своего особняка, сел в карету и направился к месту исполнения гражданского Долга — сенат. По дороге, со слов кучера и выездного лакея, ехавшего на запятках, карета нигде не останавливалась. Возле здания сената Тур Витий был обнаружен в ней повешенным на шелковом шнуре, закрепленном на багажных крючьях. При первичном осмотре места происшествия не было выявлено признаков насильственной смерти. На внутренней стороне правого запястья покойного виднелся свежий ожог треугольной формы, который, по мнению полицейских, не имел отношения к разыгравшейся трагедии.

Едва дочитав донесение, начальник тайной полиции направил посыльных в сенат и кабинет министров. Он

был не на шутку озадачен и, прежде чем отправляться с докладом к Правителю, счел необходимым встретиться с главой сената и премьером, дабы обсудить случившееся и выработать единую тактику. Совершенно очевидно, что Тит Брицилл будет вне себя от ярости. Только вчера он потребовал немедленно разобраться со странной кончиной Доруса Лока, и вот уже глава сенатского комитета Тур Витий найден повешенным в собственной карете. В обоих случаях присутствуют совершенно одинаковые следы ожогов. Такие же обнаружены на телах грабителей из таверны. Что ж, после разговора с первым сенатором все эти странные события виделись в совершенно ином свете. А если принять во внимание, что сенаторы Лок и Витий были, пожалуй, самыми одиозными фигурами в государственном политикуме... Его размышления были прерваны появлением Гая Сервия и Вика Лициуса.

— Не знаю, чем занимаются ваши подчиненные, господин начальник тайной полиции, — прямо с порога заявил премьер. — Но если так дальше пойдет, через полгода у нас сенат заседать не сможет. Не будет кворума. А через год вообще заседать некому будет. Вы сомневаетесь?

— Подумаешь, — поднявшись из-за стола навстречу пришедшим, невозмутимо отозвался Квинт Юст. — Объявим досрочные выборы. Вы бы, Гай, лучше подумали, что будет, если эта, с позволения сказать, эпидемия, перекинется на кабинет министров. При нынешних темпах естественной убыли сенаторов ваше правительство прекратит свое существование в течение месяца.

— Вы, друзья мои, нашли не самое подходящее время для шуток, — хмуро прервал их первый сенатор. — Я, конечно, понимаю, что мало кто облачится в траур и прольет слезы по сенаторам Локу и Витию...

— Я точно не пролью, — цинично вставил Гай Сервий. — Таких отпетых негодяев, как наши покойнички, еще поискать нужно было.

— Не перебивайте меня, Гай. Ситуация действительно очень непростая. Мои худшие опасения, к сожалению,

подтверждаются еще и событиями в таверне «Праведный путь». Вы обратили внимание? Два трупа грабителей. Ни единой царапины. Никаких следов насилия. Только ожоги, как у сенаторов. Хотел бы я знать, кто умеет так убивать, где этому учат и какой логикой руководствуется убийца. Хотя, кажется, я догадываюсь. Поверьте, эти смерти — не случайное совпадение. Скорее всего, это начало серии. Серии, связанной с возобновлением работы «механизма». Вы оба знаете, о чем идет речь. А я могу с высокой долей вероятности предсказать, кто будет третьим.

— И я могу, — отозвался Квинт Юст. — Следующим, как мне кажется, будет министр финансов. Я угадал, Вик? — глава сената молча кивнул. — А вы согласны, Гай?

— Однозначно согласен, — бесстрастно ответил премьер-министр. Казалось, он ничуть не озаботился возможной печальной участью одного из членов своего кабинета. — Всегда хотел от него избавиться. Ну, не физически, конечно. Но увы. Ему нынче покровительствует Правитель, вернее его супруга. А значит, он пока неприкасаем. Знали бы вы, господа, сколько он украл... — Гай Сервий выразительно закатил глаза и покачал головой.

— Мы-то знаем, в общих чертах, конечно, — скептически заметил начальник тайной полиции. — Это ведь ваш подчиненный, Гай. Насколько я информирован, он в скором времени лишится высокого патроната. Тогда вы сможете с ним попрощаться. И кстати, «украл» — какое-то плебейское слово. Украсть можно кошелек у прохожего, а ограбить, например, посетителей таверны. Министр финансов может присвоить. «Присвоил» — звучит значительно благородней. Хотя суть одна.

— Если суммировать все, что, как вы изволили выразиться, «присвоили» два покойных сенатора, пока здравствующий министр финансов и еще несколько коллег, может получиться сумма, вполне сопоставимая с государственным бюджетом, — подытожил Вик Лициус. — А теперь, — продолжил он, — давайте обсудим, что и, главное, как мы будем докладывать Правителю. Особенно принимая во внимание его взрывной характер.

«Почему люди, — размышлял Исполнитель, — используя насилие, обман или служебное положение отбирают деньги у себе подобных, проще говоря, грабят? Интересно, что общего и какие различия между грабителями в таверне и грабителями в масштабе государства? И еще: склонность к воровству — это врожденное, наследственное или приобретенное, социальное? Кто-то сказал, что лишних денег не бывает. Следует ли из этого, что их может только не хватать? И является ли это необходимым и достаточным условием для того, чтобы грабить?»

Впрочем, людям всегда чего-то не хватает — времени, денег, смирения. Деньги вторичны в принципе. Они могут быть средством, но не целью. Когда деньги превращаются в цель, жизнь теряет смысл. Ценно то, что ты можешь унести с собой и в себе. Это ведь так просто. По иронии судьбы деньги часто переживают своих хозяев или находят новых. А вещи, купленные за деньги, живут своей жизнью. Заметив вчера на девушке драгоценное ожерелье, он вспомнил, что уже видел его дважды. Один раз оно украшало лебединую шею египетской принцессы. Второй, много позже, дополняло траурный наряд вдовы президента США.

Вещи часто бывают долговечнее людей и могут управлять теми из них, кто, не видя конца пути и его истинного смысла, взвешивает на одних весах время и деньги. Станные люди. Время всегда дороже. Ему нет цены. Оно не покупается и не продается. Его нельзя даже украсть. Его можно или наполнить или оставить пустым и потерять безвозвратно. Наполняемость времени, наверное, и составляет смысл жизни. Со временем приходит и смирение. На рассвете жизни кажется, что невозможно пережить боль невосполнимой утраты, позор, несправедливость, унижение. Оказывается, — возможно. Живущие долго, умеют принимать потери со смирением. Они понимают, что так устроена жизнь. Каждый должен испытать свою

чашу до дна. И никто не волен пронести ее мимо, даже избранные. Если бы человек жил несколько тысяч лет, он проклял бы свое долголетие и молил бы о смерти, как о милости».

* * *

Более всего Тит Брицилл боялся приступов одиночества. Случались они, как правило, в полнолуние или после официальных торжеств, где приходилось выступать перед омерзительной толпой черни или ненавистными ему придворными.

С наступлением ночи, горло сжимал спазм смертельной тоски. Чувство беспомощности и собственного ничтожества перед вечностью и вселенной заполняло его существо. Вспоминались обиды, унижения и потери всей жизни. Хотелось плакать вслух оттого, что уже никогда он не будет молод, счастлив и любим. В такие часы Правитель поверял свои печали единственному бескорыстному другу, верному Дукату, будучи уверенным в его любви и молчании.

Хорошо зная цену лести и подбострастию, кожей чувствуя зависть и ненависть, всегда ожидая подножки или удара в спину, предавая сам и подозревая в измене всех и каждого, он упорно карабкался вверх.

Вступив в последнюю треть жизни и поднявшись на вершину государственной пирамиды власти, Тит Брицилл обнаружил там лишь холодную пустоту. Чего стоило ему это восхождение, — лучше не вспоминать.

Он читал о великих правителях, оставлявших власть и уходивших от мира ради познания сущности и гармонии. Это не для него. Он никуда не уйдет и ничего не уступит до тех пор, пока кто-то не обыграет его в вечной человеческой игре, именуемой борьбой за власть.

После бессонной мучительной ночи Правителю всегда было трудно сосредоточиться. Мысли становились расплывчатыми и нечеткими. Видеть никого не хотелось. Кроме Юлии, конечно. Странно, что ее до сих пор нет. Каждое утро любимая дочь, его единственная в жизни

радость, гордость и надежда, заходит поцеловать отца и пожелать ему удачного дня. После этого на душе становится теплее, а лицо на какое-то время озаряет редкая гостья — улыбка. Он знает, что именно эти часы министры, сенаторы и придворные считают самыми удачными для аудиенций. Что ж, они, пожалуй, правы. Наверняка все прибывшие с утренним докладом ждут прихода Юлии.

Дочь вошла стремительно, распахнув руки для объятий. Нежно поцеловала в щеку. Уткнулась носом в его морщинистую шею. Прошептала, что любит. Пожелала удачного дня. И упорхнула.

Тит Брицилл не ошибся. Первый сенатор, премьер и начальник тайной полиции появились в его кабинете сразу же после ухода Юлии.

Молча выслушав информацию Квинта Юста и комментарии Вика Лициуса, Правитель надолго задумался. Потом не спеша поднялся из-за стола и, заложив руки за спину, принялся ходить взад-вперед по кабинету. Звук его шагов тонул в высоком ворсе ковра.

— Предположим, возобновление работы так называемого «механизма» не выдумка, ведь события последних дней в столице действительно труднообъяснимы, — заговорил, наконец, Тит Брицилл. — В таком случае мы должны располагать уликами и доказательствами, подтверждающими либо опровергающими эту гипотезу. У нас, а вернее у вас, господа, увы, нет ни того ни другого. Одни лишь домыслы, которые хороши для пустой болтовни за дружеским ужином, но не для принятия решений. Не отработана версия вмешательства извне с целью дестабилизации положения в стране, не исключена вероятность внутренних провокаций. Означает ли это, что начальник тайной полиции недостаточно компетентен для исполнения своих обязанностей, а премьер-министр беспомощен, как дитя? А что же глава сената с его опытом, прозорливостью и интуицией? Я, право, разочарован, Вик.

— Правитель, — Вик Лициус решил принять удар на себя. Он склонил голову и прижал правую руку к груди. —

Ваш гнев, как всегда, справедлив. Но будет ли мне позволено оправдаться самому и попытаться оправдать ваших верных подданных?

— Говорите, первый сенатор, — смягчился Правитель. Глава сената всегда действовал на него умиротворяюще. Тит Брицилл снова расположился в кресле и принялся машинально перебирать многочисленные бумаги на столе.

— Мы исходили из того, что, во-первых, начиная официальное расследование, придется обнародовать сведения, не предназначенные для широкой огласки, а это было бы крайне нежелательно. Во-вторых, необходимо тщательно изучить древние архивные документы, касающиеся «механизма», а главное — убедиться в их достоверности. Наконец, следует выяснить, действительно ли существует Исполнитель. Если да, то попытаться спрогнозировать его возможные действия в дальнейшем. Все это, безусловно, требует времени. А ведь не прошло и трех дней после кончины сенатора Лока, суток — после смерти Тура Вития. Кроме того, действовать нужно крайне осмотрительно, дабы не допустить паники. В столице уже распространяются совершенно невероятные слухи.

— Так пресекайте их, — недовольно поморщился Тит Брицилл. — Находите виновных, наказывайте. Исполнение гражданского Долга несовместимо с распространением лживых и провокационных слухов. Или у нас дефицит мест в изоляторах для отрешенных? А, Квинт?

— Правитель, — почтительно и бесстрастно заговорил Квинт Юст, хотя было видно, что это дается ему с трудом. — Вы только что упрекнули меня в недостаточном рвении и усердии. Это серьезное обвинение, которое должно повлечь за собой примерное наказание. Я готов немедленно сложить с себя полномочия начальника тайной полиции и отправиться в изгнание или в изолятор для отрешенных... Как вам будет угодно. При этом я всегда останусь вашим верным и преданным слугой. Смею надеяться, что мой преемник будет более сметлив и расторопен в организации подобного рода расследований. —

С этими словами Квинт Юст глубоко поклонился с видом оскорбленного достоинства.

— Ну будет, будет, — почти миролюбиво проворчал Правитель. — Вы, как всегда, много себе позволяете, Квинт. Пользуетесь моим расположением. Строптивость когда-нибудь вас погубит, попомните мои слова.

Ощутив явное потепление атмосферы, Гай Сервий решил, что пришло время и ему принять участие в разговоре.

— Не каждый же день, право, — вкрадчиво произнес премьер-министр, — приходится нам сталкиваться с делами, где участвуют какие-то фантазмагорические субъекты, якобы убивающие одним лишь взглядом или заставляющие покончить с собой самостоятельно. Если это не плод чьей-то больной фантазии и не массовая мистификация, то даже не представляю, какими средствами мы сможем ему воспрепятствовать.

Тит Брицилл нервно заерзал в кресле, выказывая явные признаки раздражения. Этот разговор снова становился ему неприятен. Ведь если вдуматься...

— Даю вам еще двое суток, — сурово отчеканил он. — Я хочу получить полную и достоверную информацию по этому делу. Информацию, а не новые трупы уважаемых граждан. И мне безразлично, какие ресурсы вы для этого задействуете.

— Господа, — строго и укоризненно заговорил первый сенатор, обращаясь к Квинту Юсту и Гаю Сервию, — по-моему, каждому из нас стало ясно, что нужно делать. Поэтому давайте не будем злоупотреблять вниманием и терпением нашего Правителя. Мы и так заняли слишком много его драгоценного времени.

Тит Брицилл кивнул в знак согласия и поднялся, давая понять, что аудиенция окончена.

* * *

Непоколебимая верность супругу не относилась к числу главных добродетелей Фелиции, весьма привлекательной дамы поверхностного ума и покладистого харак-

тера. Уяснив за годы брака с Титом Брициллом, что преимущества ее положения намного превосходят его издержки, она смирилась с последними.

В основе этого союза лежали расчет и политическая целесообразность. Годы совместной жизни не привнесли в него ни любви, ни уважения, ни взаимопонимания. Единственным связующим звеном была Юлия, которую любили и мать, и отец, каждый — по-своему.

До замужества у Фелиции не было мужчин. Поэтому примитивные и однообразные любовные утехы, которым она изредка предавалась с вечно занятым и брюзжащим мужем, много старше себя, представлялись ей единственно возможными.

Со временем наступило горькое прозрение. Фелиция поняла, что уходящие годы безжалостно и безвозвратно уносят с собой ее красоту и молодость. Муж, которого она никогда не любила ни сердечно, ни плотски, уже не только не горел желанием, но и не мог исполнять свой супружеский долг. А жизнь продолжалась.

Впервые изменив мужу, она испытывала угрызения совести. Потом прошло. Ее связи никогда не бывали случайными. И никогда не были продолжительными. Очень тщательно и осторожно выбирая любовников, ловко ухитряясь избегать скандалов и огласки, Фелиция намеревалась то, чего была лишена на протяжении многих лет.

Догадывался ли о чем-то Правитель? Подозревал ли? Возможно. Не любя и уж тем более не ревнуя жену, он мало интересовался, чем она занята и как проводит время. Супруга всегда точно и аккуратно выполняла обязанности, предписанные протоколом и этикетом, не создавая ему проблем и не давая сколько-нибудь серьезного повода усомниться в своих верности и благочестии. Этого было вполне достаточно. Приличия превыше всего.

Ее очередное увлечение вступило в завершающую стадию. Сергиус Рон был мил и предупредителен, не болтал, наделен прекрасными манерами и талантом любовника. Фелицию несколько не смущало, что, по слухам, он мог угодить любой женщине, которую считал в чем-то полезной. Что из того? Ведь речь не идет о серьезных

отношениях, пылкой страсти и уж тем более любви. Они просто полезны друг другу. Премьер Гай Сервий почему-то не жалуется своего министра финансов и, судя по всему, хочет от него избавиться. У Гая, конечно, свои резоны. Поговаривают, что Сергиус без стеснения запускает руки в государственную казну. Все возможно. Он очень щедр и живет уж слишком широко. Фелиция дважды просила мужа не отказывать ему в покровительстве и была услышана. Больше она ничего не сможет для него сделать. Немного жаль, но пришло время попрощаться.

Сегодня их последнее свидание. Это без лишних слов ясно обоим. Оттого в изнуряющем наслаждении присутствует легкая нота горечи.

Лежа в постели на смятых шелковых простынях и разглядывая позолоту алькова, Фелиция сыто улыбалась. Ее заполняла светлая звонкая пустота. Сергиус нынче превзошел самого себя.

— Скажи, милый, ты ведь уничтожил мои письма, правда? — вдруг, слегка нахмурившись, спросила она.

— Как ты могла усомниться в этом, дорогая? — с укоризной ответил он, про себя подумав, что даже не собирался этого делать, а просто спрятал их в надежном месте. На всякий случай. Вдруг пригодятся.

— Тогда принеси-ка мне немного разбавленного вина, — разнежено проворковала она. — Белого и непременно холодного.

Не потрудившись одеться, Сергиус появился с серебряным подносом, на котором, кроме двух запотевших кубков с вином, громоздились свежие устрицы, вареные осьминоги, фрукты и сыр.

— Не желаете ли подкрепиться, моя бесценная госпожа? Не знаю как вы, а я, честно говоря, ужасно голоден. — Не дожидаясь ответа, он поставил поднос на постель и принялся с аппетитом есть.

Вино было божественным. Фелиция пила его маленькими глотками, растягивая удовольствие. Все заканчивалось как нельзя лучше. Красивое последнее свидание. Ни ревности, ни страданий. Они не разочаровали друг друга.

Нужен был лишь эффектный завершающий аккорд. Сергиус, видимо, тоже это почувствовал. Он привлек ее к себе, страстно сжал в объятьях и не спеша дарил самые изысканные ласки, давая сполна насладиться финальными часами их обоюдодовыгодной связи. Доведя любовницу и дойдя сам до пика чувственности, за которым лишь мгновения небытия, он захрипел и забился в конвульсиях.

«Воистину, ты был бы великим актером», — коротко мелькнуло в мозгу Фелиции, а затем сознание, вытесненное волной животной страсти, на какое-то время покинуло ее.

Придя в себя, первая дама государства нежно и благодарно погладила плечо своего пылкого и такого умелого фаворита.

Он, однако, никак не откликнулся на ее прощальную ласку. Распластавшееся на ней влажное тело было неподвижным и тяжелым. Вдруг Фелиция поняла, что его сердце не бьется. А раз так, значит, он мертв. Нет, этого просто не может быть. Как он посмел? Реальность не поддавалась пониманию — верная супруга Правителя в постели с мертвым и абсолютно голым министром финансов. Что же делать? Нужно бежать отсюда и как можно быстрее. Отчаяние мешало ей собраться с мыслями. Парализованное страхом сознание рисовало жуткие картины неизбежных позора и наказания.

Пока Фелиция лихорадочно уничтожала следы своего пребывания в доме, где так не вовремя и некстати скончался министр финансов, ей казалось, будто все это страшный сон и она вот-вот проснется. Но сон никак не хотел заканчиваться.

Выбравшись на улицу незамеченной и еле сдерживаясь, чтобы не побежать, добралась до места, где ее ожидали носилки.

— Во дворец, — стараясь унять бившую ее дрожь, приказала Фелиция и обессилено откинулась на ворох шелковых подушек.

Оказавшись в своих покоях, она сослалась на недомогание и велела никого не принимать. Однако не прошло и

четверти часа, как ее неожиданно посетил супруг. За ним, с важным видом переставляя массивные лапы, шествовал Дукат. Старый пес, подойдя к Фелиции, положил голову ей на колени и прищурил глаза в ожидании ласки и угощения. Вдруг он встрепенулся, обнюхал ее и жалобно заскулил, а потом и вовсе протяжно завыл. «Неужели учуял?» — подумала она, предлагая псу его любимые сласти и фрукты. Но он отказывался и не переставал выть.

— Да что это с ним, право, — забеспокоился Тит Брицилл, — воеет, как на покойника? Может, захворал? Сейчас мы, Дукатушка, покажем тебя лекарю. Не плачь, хороший мой. Иди ко мне.

Дукат немного успокоился, послушно подошел к хозяину и, все еще нервно принюхиваясь, потерся большой черной головой о его ноги.

Поспешно уточнив кое-какие детали, касающиеся предстоящего празднования Дня справедливости и согласия, и уже уходя, Правитель, будто вспомнив о чем-то, обернулся.

— Ах, вот еще что, — бесцветно заговорил он, — не просите меня более за вашего протеза. Премьер-министр очень недоволен им. Финансы расстроены. Учет ведется из рук вон плохо. Я тоже недоволен. Надеюсь, вы меня поняли, Фелиция, — мрачно произнес он и, не дожидаясь ответа, удалился, оставив насмерть перепуганную супругу в полубоморочном состоянии.

* * *

Труп министра финансов был обнаружен проходящей служанкой, которая убирала, стирала и пополняла запас продуктов в доме, арендованном Сергиусом Роном для интимных свиданий.

Осмотрев место происшествия, полиция не зафиксировала видимых признаков насилия. Проведенное вскрытие установило, что причиной смерти министра финансов послужила внезапная остановка сердца. В отчете патологоанатома отмечалось, что непосредственно перед кончи-

ной покойный имел сексуальный контакт с женщиной. Это косвенно подтверждалось и полицейским протоколом. Кроме того, на внутренней стороне его правого запястья был обнаружен свежий ожог правильной треугольной формы.

Начальник тайной полиции пребывал в прескверном расположении духа. Он действительно готов был подать в отставку. Три смерти высших должностных лиц меньше чем за неделю. Два трупа в таверне. У всех эти странные треугольные ожоги. Подозреваемых — ноль. Свидетели или ничего не показывают, или несут какую-то мистическую чушь. Следствие топчется на месте. Одни лишь предположения, домыслы и догадки. Легенды о таинственных «механизмах» и исполнителях божественной воли, убивающих лихоимцев от политики, паразитирующих на обществе. То есть полное отсутствие информации, пригодной для доклада высшему руководству страны.

Он нуждался в добром совете и психологической поддержке, а потому велел закладывать карету и, не медля, отправился в сенат. В кабинете Вика Лициуса начальник тайной полиции, не в силах более сдерживаться, дал волю эмоциям.

— Да успокойтесь, наконец, Квинт! — пытался урезонить его первый сенатор. — Нельзя же так. Негодование и раздражение затмевают ваш разум и мешают логически мыслить. Да, ситуация непростая, я бы даже сказал — взрывоопасная. Но, с другой стороны, это не потоп, не землетрясение, не извержение вулкана. Всего лишь вероятность глубокого политического кризиса. Ну, скажите на милость, если некие неподвластные нам силы устраняют политиков и чиновников, чьи деяния переполняют чашу высшего терпения, страдает ли от этого общество, государство? Пока потери нашего политикума не так уж велики — два сенатора да один министр. Что ж, на все воля богов. А люди, Квинт, примиряются со всем — с правительством, с кризисами, с неурожаем, с болезнями и даже со смертью.

— Вы как всегда правы, Вик, — развел руками Квинт Юст, — и как всегда обезоруживаете меня своей

логикой. Однако ваша логика, которая исключительно хороша для нашей беседы, абсолютно непригодна для моих докладов Правителю, отчетов в сенате и на заседании кабинета министров. Представьте на минуту, что, обращаясь к сенаторам, я говорю: «О, избранные народом! Смерть ваших коллег Доруса Лока, Тура Вития и министра финансов Сергиуса Рона — небольшая потеря для общества. Да и вообще — наши кладбища переполнены незаменимыми людьми. Поэтому, будьте уверены, в этом мире превосходно обойдутся и без них, и без вас». Представили? И как вы думаете, сколько времени после этого я буду оставаться начальником тайной полиции? Уверю вас, не более получаса. Я, дорогой Вик, не готов жертвовать карьерой, чтобы сказать вслух то, что все и так прекрасно знают.

— Неужто вы могли подумать, Квинт, — укоризненно оборвал его Вик Лициус, — что я посоветовал бы вам нечто подобное? Просто, во-первых, мы должны отдавать себе отчет в том, что происходит на самом деле. И это всегда останется между нами. А во-вторых, исходя из реального положения вещей, выстраивать линию или линии поведения, рассчитывая на разные варианты развития событий, включая худшие. Надеюсь, теперь вы поняли меня? Если поняли, то вот вам совет — опросите-ка еще раз свидетелей из таверны. Не поручайте этого никому. Опросите сами. Уверю вас, то, что случилось там, случилось спонтанно. Просто грабители в неподходящее время оказались в неподходящем месте. Выясните, что там произошло в действительности, и тогда, уверен, дело сдвинется с места. Помните, я уже говорил вам, что если Исполнитель существует, он сейчас, скорее всего, в стране. А теперь я скажу — если он существует, то наверняка был в таверне и исключительно стечение обстоятельств заставило его действовать и расправиться с грабителями. Не забывайте, что там была женщина в мужском платье, которая скрылась до прибытия полиции. Причем не одна, заметьте, а с неким юношей, взгляд которого, если верить показаниям наших свидетелей, будто бы несет смерть. Короче, Квинт,

ищите женщину и, может быть, найдете Исполнителя. Кстати, женщину следует искать и в случае с министром финансов. Думайте, друг мой, думайте. И пусть ваш разум остается холодным.

Квинт Юст молча осмысливал сказанное. Наконец, лицо его просветлело. Только тревога, затаившаяся в глазах, выдавала волнение. Подойдя к первому сенатору, он почтительно поклонился.

— Простите, Вик, мою несдержанность, — тихо произнес молодой человек, — будьте великодушны. Наверное, я не достоин такого мудрого наставника, как вы. Как можно было не увидеть того, что фактически лежало на поверхности. Бросил все силы на малоперспективное расследование обстоятельств гибели сенаторов, а затем и министра вместо того, чтобы по горячим следам заняться происшествием в таверне. Ведь единственная ниточка действительно тянется оттуда. Ну что ж, сам виноват.

— Вам не за что извиняться, друг мой, — тихо сказал Вик Лициус. — Вы умны, смелы и находчивы. Но, молодость, увы, — время ошибок. И это не должно вас пугать. Наши ошибки — бесценный опыт. Только нужно уметь им правильно пользоваться.

Тепло попрощавшись, они расстались весьма довольные друг другом. Когда Квинт Юст уже садился в карету, дежурный офицер внутренней охраны передал ему записку, запечатанную именным гербом главы сената. Сломав сургуч, начальник тайной полиции прочитал «Если сумеете обнаружить, не пытайтесь задержать».

— Такого задержишь, как же, — с досадой прошептал Квинт Юст и велел немедленно ехать в управление. Дав подчиненным все необходимые распоряжения и приказав к определенному времени доставить свидетелей для допроса, он отправился в резиденцию Правителя, чтобы повидаться с Юлией. Квинт очень дорожил их давней дружбой. Кроме того, часы, проведенные в обществе девушки, всегда помогали ему обрести покой и душевное равновесие.

Эрий Прат уже второй день испытывал блаженство и умиротворение. Благодаря находчивости и смекалке его заместителя, документы, доставившие всем столько хлопот, а вернее — их копии, были благополучно найдены и переданы по инстанциям. Они, кстати, действительно оказались вовсе не секретными. Из-за чего было копыа ломать, главный архивариус страны так и не понял. Он несколько раз перечитывал копии старинных текстов, надеясь найти в них какой-то тайный смысл. Но так и не нашел. Подобных исторических легенд — полархива. И никто ими не интересуется.

Эрий Прат в который раз подумал, что такие встряски бывают даже полезны. Иначе как по достоинству оценить всю прелесть размеренных и спокойных архивных будней? Что ж, все то хорошо, что хорошо заканчивается.

В верхах ходили слухи, будто эти злополучные бумаги как-то объясняют странные смерти двух сенаторов и министра финансов. Чушь. Полная чушь. Он-то их читал и готов был побиться об заклад, что все это досужие вымыслы.

Барти Круза за усердие и смекалку заслуженно поощрили трехдневным отпуском и десятью золотыми монетами. Он вел себя очень скромно, но в глубине души искренне гордился тем, что спас репутацию милого его сердцу архива, своего начальника и свою собственную.

Нужно сказать, Барти Круз, в отличие от главного хранителя государственных архивов, снова и снова перечитывал найденные документы, не переставая думать о том, что в них наверняка присутствует некий скрытый смысл. Барти любил разгадывать исторические загадки, таящиеся в старинных текстах. В нем разгорался азарт охотника. И тогда ничто не могло сбить со следа упрямого старика. Только найдя верное решение очередной головоломки, он позволял себе расслабиться и то лишь до тех пор, пока не обнаруживал новую задачу, достойную своего внимания. Вот и теперь старейший архивариус страны, получив премию и отпуск, а также предусмотрительно

запасшись копией заинтересовавших его бумаг, решил предпринять собственное расследование.

Отпуск был как нельзя кстати еще и потому, что давно намереваясь навестить своего двоюродного брата, а может и погостить у него денек-другой, Барти Круз все не мог выкроить для этого время. Архивариус был неисправимым сластолюбом, а его двоюродный брат — кондитером. Причем не просто кондитером, а поставщиком двора самого Правителя. Оба любили посидеть за бутылочкой сладкого с терпковатым привкусом таниотика, поделиться новостями, поболтать о жизни, работе, своих недугах и политике. При этом Барти всегда с аппетитом угощался свежайшими пирогами, кексами, кренделями и пирожными, которые в изобилии украшали стол, лаская взор и обоняние. Кроме того, сейчас ему было любопытно из первых уст услышать нашушевшую историю о давешних событиях в таверне «Праведный путь», куда и сам он нередко заходил отобедать.

Выйдя из архива в самом что ни на есть приподнятом настроении, располагая временем и средствами, на которые он вовсе не рассчитывал, Барти Круз решил отправиться в кондитерскую Руфуса Филча. Не поскупившись на экипаж, он уже через полчаса попал в сдобные объятия своего добрейшего и чрезвычайно гостеприимного родственника, который на радостях тут же снял фартук, колпак и вознес хвалу богам, пославшим ему дорогого гостя.

Вечер удался на славу. После сытного домашнего ужина архивариус с удовольствием отведал марципанов из свежесмолотого миндаля, груш, залитых заварным кремом, засахаренных фруктов и, всячески превознося кондитерские таланты Руфуса Филча, в очередной раз предложил выпить за его здоровье и дальнейшее процветание.

— Милейший Руфус, — внушительно произнес раскрасневшийся Барти Круз, переполненный самыми добрыми чувствами и не только ими, — ты непревзойденный мастер своего дела, лучший из лучших. Просто не знаю, что делали бы горожане, не будь тебя. Мой

начальник, например, жить не может без твоих маковых кренделей. Да что там начальник с кренделями. Я наверняка знаю, что при дворе все обожают твою сдобную выпечку. Сама дочь Правителя, госпожа Юлия, с детства в восторге от пирожных Руфуса Филча.

При упоминании о дочери Правителя разомлевший от похвал кондитер явно заволновался. Он заерзал на стуле, задумался. Сомнения и нерешительность отразились на его круглом добром лице. Потом, видимо приняв какое-то решение, он заговорщицки подмигнул Барти Крузу и, приложив палец к губам, таинственно прошептал:

— Барти, я тебе сейчас такое расскажу. Не поверишь. Но это большой секрет. Очень большой. Нет, даже не секрет — тайна. Наверное, государственная.

— Если государственная, то лучше не нужно, не рассказывай, — живо запротестовал архивариус. — Мне не нравятся государственные тайны. Я предпочитаю их не знать.

— Почему же? — искренне удивился Руфус Филч.

— Да потому, наивный ты человек, что чем ближе ты к государственным тайнам, тем ближе к тюрьме. Это в лучшем случае.

— А в худшем? — настороженно поинтересовался кондитер, вытирая платком лоб, вмиг покрывшийся испариной.

— А в худшем — к могиле, — обнадежил родственника Барти Круз.

— Да что же это такое, — запричитал Руфус Филч. — Я, можно сказать, чудом избежал неминуемой гибели в таверне. Ведь ближе всех к стойке сидел. В жизни больше ноги моей там не будет. И пусть Рут не обижается. Я не для того изредка хожу к нему обедать, чтобы меня убивали, или узнавать всякие секреты, или того хуже — тайны, от которых я могу еще, как оказывается, пострадать. Что же делать, Барти? Посоветуй! Ты же у нас в семье самый умный.

— погоди-ка, Руфус, что-то я не пойму. Получается, в таверне «Праведный путь» ты узнал государственную тайну? Так, что ли?

— Получается, что так, — обреченно вздохнул кондитер. — Узнал и вот молчу до сих пор. Даже полиции ничего не сказал, когда свидетелей опрашивали. Я ведь мог ничего и не знать? Правда?

— Ох и любишь ты делать из мухи слона. Увидел, наверное, что хозяин пиво не доливает или сдачу не добавит, и решил, что это большая тайна.

— Ты это брось, Барти, — возмутился Руфус, — у Рута приличное заведение. Я там вот что увидел...

И кондитер красочно живописал Барти Крузу историю, участником которой ему невольно пришлось стать.

— Тебе бы, Руфус, в театре играть, — констатировал архивариус. — Красиво рассказываешь. В лицах, ярко. Ну, а тайна где же?

— Во-первых, — понизив голос, произнес Руфус Филч, я узнал девушку, которая там была и которую чуть было не убили. Так вот, Барти, это была Юлия, дочь нашего Правителя. Ее наверняка убили бы, не окажись там юноши, расправившегося с грабителями.

— Этого не может быть. Ну откуда, скажи, в таверне возьмется дочь Правителя? Ты, наверняка, обознался, Руфус.

— И вовсе не обознался. Я ведь, как-никак, поставщик двора. Бываю в резиденции часто. Больше на кухне, правда. Но многих в лицо знаю. А уж госпожу Юлию ни с кем не спутаю. Милая девушка. Здоровается всегда при встрече. Мои пирожные хвалит.

— Погоди-ка, — не на шутку встревожился Барти Круз. — Получается, ты действительно ее там видел и никому ничего не сказал — ни друзьям, ни полиции?

— Ни единой душе. И тем более полиции. Им что не скажи, против тебя же и обернется. Или я не прав, Барти?

— Да прав ты, прав, конечно. Я бы тоже ничего не сказал. Молчание — золото.

— Но это еще не все. На следующий день, вечером, я видел юношу, который ее спас и увел из таверны. Он к Лою Марию за каретой приходил. Я тогда испугался не на шутку. Подумал, если он действительно взглядом на

расстоянии убивать умеет, а Лой ему чем-то не угодит, что тогда будет? Ну да, хвала богам, обошлось.

— Послушай, Руфус, — архивариус вдруг встрепелся, и его подвижное умное лицо словно озарила какая-то догадка. — А ты бы его узнал, если бы снова увидел?

— Само собой, узнал бы. Такого захочешь — не забудешь.

— Какого «такого»? У него что, рога на голове растут или уши, как у осла?

— Ну ты и скажешь, Барти. Какие рога, какие уши? У него глаза, понимаешь, гла-за. Я еще там, в таверне, внимание обратил. Сидит себе юноша, скромный такой, приятной наружности, сероглазый. А как все началось, глаза у него будто побелели, какие-то прозрачные, зеркальные стали. Вот точно, как зеркало, в котором смерть отражается. Я ведь прямо напротив сидел, так чуть было не смел от страха.

— А что в нем еще такого примечательного было, может, одежда необычная или украшения? — продолжал допытываться Барти Круз.

— Да нет, одежда обычная, скорее даже скромная. А вот украшение было. Точно было. Перстень треугольный, большой. Недорогой. На вид так, железка. Потом, когда грабитель над девушкой меч занес, незнакомец на него вроде бы рукой указал. Гляжу, а перстень-то красный стал. Точно раскаленный. Это мне с перепугу померещилось, наверное. Кто ж сможет раскаленный металл на руке носить?

— Знаешь, Руфус, мне срочно домой нужно, — засуетился вдруг старый архивариус. — Забыл, знаешь, одно очень важное дело забыл. Ты уж извини меня. Спасибо тебе за все. Я еще приду, не сомневайся. У меня же три дня отпуска впереди. Вот только разберусь с этим и сразу к тебе.

Как не пытался Руфус Филч задержать дорогого гостя еще на часок-другой, ничего не вышло. Барти Круз даже не стал дожидаться корзинки со сладостями, которую ему начали собирать с собой.

Поспешно покинув дом гостеприимного родственника и плюхнувшись на сидение первого попавшегося экипажа, он дрожащими руками вытащил из мешочка для бумаг копии документов, предусмотрительно взятые им из архива, и стал их лихорадочно просматривать. Вот оно, это место. Точно. Однако, как плохо видно. Поднеся к глазам текст, Барти Круз начал читать: «Когда луна стала черной, посланцы богов спустились в светящихся драконьих яйцах, из которых извергалось пламя. Они вышли и взяли к себе отроков. Лишь тех, коих выбрала незрячая женщина с обольстительной внешностью, железным сердцем и отравленным умом. Перед входом в драконьи яйца их клеймили треугольными железными клеймами с колдовскими письменами. Отроки кричали и вырывались, но потом затихли. Их окольцовывали раскаленными треугольными знаками, но они уже не знали боли. Посланцы богов унесли отроков в свою обитель, забрали у них земную жизнь и память, дав взамен силу, время и знание. Спустя семь лун их вернули. Бледных и неуязвимых. Посланцы богов сказали людям, что если где угаснет справедливость и поселится порок, что превысит меру терпения богов, если перестанет работать Механизм, там будут они, сероглазые, беспощадные и неумолимые исполнители высшей воли».

Сегодня в кондитерской его вдруг осенило. Он вспомнил все, что читал, и сопоставил с тем, что слышал от Руфуса Филча. Совершенно невероятный вывод напрашивался сам собой. В таверне, скорее всего, был один из Исполнителей, о которых шла речь в тех самых бесследно пропавших документах, копиями которых он предусмотрительно запасся. Еще раз перечитав их по дороге домой, в экипаже, Барти Круз убедился в том, что прав. И не ошибся.

— Я знал, я чувствовал, — повторял про себя ошеломленный старик, — но что же делать, что делать? — Руки его дрожали, а сердце едва не выпрыгивало из груди. Экипаж уже остановился возле дома, а он все не мог успокоиться. Когда, с трудом уняв бешеное биение сердца, архивариус открыл дверцу наружу, то обмер.

Кто-то, закутанный в темный плащ с капюшоном, предупредительно подавал ему руку, украшенную простым металлическим перстнем треугольной формы.

— Не пугайтесь, прошу вас. Это я похитил документы из архива, — тихо произнес молодой человек, как только смолк шум удалявшегося экипажа. — Меня зовут Дастин. И мне нужна ваша помощь.

Попав наконец домой, Барти Круз никак не мог прийти в себя. После разговора с Дастином мысли путались. Он понимал, что все это происходит с ним наяву, но как поверить в такую фантастическую удачу? Ему просто неслыханно повезло. Нет, не повезло. Сбылось. Сбылось то, о чем он мечтал с детства, во что верил и чего ждал всю жизнь. Не зря же каждый свиток, каждая страница из хранилища древних рукописей знали прикосновение его пальцев, а информация, содержащаяся в тысячах документов, была тщательно рассортирована и разложена по полочкам в его хорошо устроенной голове. Уснуть он так и не смог и, едва забрезжил рассвет, отправился в архив.

* * *

Нынешнее празднование Дня справедливости и согласия обещало затмить своим великолепием все предыдущие торжества. При этом мало кто сомневался, что значительная часть колоссальных средств, выделенных на его организацию и проведение, оседет в чьих-то карманах. Злые языки называли даже конкретные имена.

Церемониймейстеры бала, банкета и возложения даров к Стеле Свободного Выбора, организаторы массовых зрелищ и народных гуляний уже заканчивали последние приготовления.

Среди более чем двух тысяч приглашенных были послы, зарубежные гости, с десятков высокородных наследников, втайне надеявшихся заполучить в жены дочь Правителя, красавицу Юлию.

Политики и дипломаты рассчитывали на достижение выгодных договоренностей и заключение новых альянсов в непринужденной праздничной атмосфере.

Светское общество напоминало растревоженный улей. Все знатные семьи столицы и провинций готовились к торжествам и с любопытством наблюдали за приготовлениями других. Женщины уже подобрали наряды и украшения к ним. Их мужья составили перечень вельмож и политиков, общение с которыми могло быть полезным.

К торжествам готовились и простые люди. Они с нетерпением ждали ярких массовых зрелищ, театральных представлений, бесплатного уличного ужина с вином. В дни государственных праздников, которые объявлялись выходными, гражданам разрешалось употреблять спиртное не только вечером, после работы, а в любое время без ограничений. Держатели таверн и харчевен удваивали, а то и утраивали свою выручку. Демос, обычно пребывавший в состоянии тихого отупения, в такие дни бурно ликовал, не очень задумываясь, по какому поводу. Когда праздники заканчивались, народ ломало с похмелья. Для него снова наступали серые и однообразные будни.

К самой ответственной речи в году готовился и Тит Брицилл. Текст ему как всегда не нравился. Стоило только подумать о предстоящем выступлении, как от волнения пересыхало во рту, а язык прилипал к гортани. В остальном, исходя из того, что ему докладывали, все было организовано очень даже неплохо.

К очередным смотрам потенциальных женихов готовились с воодушевлением — Фелиция и нехотя — Юлия. Девушка не переставала думать о Дастине, который стал ее наваждением, и теперь уже никакие женихи не могли вызвать в ней даже малой толики интереса. Фелиция, еле придя в себя после столь неожиданной и экстравагантной гибели министра финансов, все еще очень опасалась позорной огласки. Вместе с тем она втайне надеялась найти среди многочисленных гостей подходящего кандидата на роль своего нового любовника.

Придворные повара уже имели утвержденные меню для каждого дня торжества. Особенно ответственным был для них праздничный банкет во дворце почти на

тысячу персон с восемнадцатью сменами блюд, среди которых особого внимания заслуживали фазан в сливочном соусе, ассорти из морепродуктов в пряном маринаде, королевская спаржа и засахаренные фрукты в белом вине.

Выбившиеся из сил городские повара, мобилизованные властями на приготовление уличного ужина для простых граждан, в оставшиеся до начала празднеств часы заканчивали разливать в глиняные кувшины воду, разбавленные молоко и вино, раскладывать на подносы ячменный хлеб, отварные бобы, мясо буйвола, рыбу, мазу и фрукты.

* * *

Центральная часть города была празднично освещена многочисленными факелами.

На подступах ко дворцу медленно двигался бесконечный поток карет. Останавливаясь у входа, они высаживали гостей, которые чинно шествовали к широкой белораморной лестнице, застланной малиновым с золотом ковром. На ее верхней площадке их встречал министр двора, изредка сверяясь со списком, чтобы не ошибиться, называя имена послов и иностранных гостей.

Приглашенные проходили через анфиладу пышно убранных помещений и попадали в зал торжественных приемов, массивные малахитовые колонны которого величаво возносились к позолоченной лепнине потолка. Зал украшали диковинные цветы, наполняла музыка, а сияние тысяч свечей многократно отражалось в зеркальных простенках.

Шуршали шелка роскошных платьев, сверкали радужными искрами бесчисленные драгоценные камни. Множество разодетых дам и кавалеров плавно скользили по навощенному узорчатому паркету, отдавая и принимая поклоны, упоенно злословя, отпуская заготовленные загоды остроуты и даря друг другу заученные комплименты.

Пользуясь случаем, любопытствующие представители высшей знати незаметно разглядывали иностранцев, придирчиво оценивая крой их платьев и изысканность манер.

Особым вниманием пользовались те из них, кои могли быть причислены к возможным соискателям руки Юлии.

Приветственная речь Правителя была встречена как нельзя лучше. Ее заключительные слова утонули в многоголосом одобрительном гуле, аплодисментах и приветственных возгласах. После этого настроение Тита Бриццилла явно улучшилось. Прошествовав с Фелицией через зал и расположившись в креслах на возвышении, он приязненно улыбался и благосклонно кивал тем, чьи достоинства и заслуги отмечали стоявшие рядом глава сената и премьер-министр.

Юлия, временно освободившись от опеки Фелиции, весело болтала с начальником тайной полиции и шутя просила избавить ее от докучливого внимания потенциальных женихов.

— Как жаль, милый Квинт, что вы меня давеча не застали. Мы ведь с вами последнюю неделю почти не виделись, только мельком, в приемной у отца. Знайте, я с детства дорожу нашей дружбой и всегда вам рада. Ах, если бы вы могли хоть на время праздника арестовать и упрятать в тюрьму всех этих навязчивых господ, которых представляет мне матушка. Сегодня их уже четверо, осталось еще столько же. Послушайте, а почему бы вам самому на мне не жениться? — окончательно развеселилась девушка, — отцу вы нравитесь, матушке — тоже. Мы бы продолжали дружить и не досаждали друг другу, — в ее зеленых глазах плясали озорные огоньки.

Квинт Юст обезоруживающе улыбнулся, принимая ее шутливый тон:

— Вряд ли ваши благородные родители обрадуются такому зятю, как я. Отставной начальник тайной полиции, — притворно вздохнул он, — неподходящая партия для такой девушки, как вы.

— Что вы такое говорите? Почему отставной? У вас что, неприятности? — Юлия вмиг посерьезнела. — Немедленно объяснитесь, Квинт.

Молодой человек понял, что пошутил неудачно. В то же время ему было приятно, что девушке безразличны его проблемы.

— Понимаете, Юлия, все эти загадочные смерти, случившиеся в последнее время, очень огорчают Правителя. Я же пока не могу дать разумного объяснения происходящему. Поэтому ваш отец и усомнился в моей компетентности. Гнев его закономерен и совершенно оправдлив.

— Но ведь сенаторы Дорус Лок и Тур Витий покончили с собой, а министр финансов, я слышала, просто умер в своей постели. Вы-то тут при чем со своей тайной полицией? — недоумевала Юлия.

— Все это, к сожалению, не так просто, как кажется на первый взгляд, — устало вздохнул Квинт Юст, — хотя, если бы не происшествие в таверне «Праведный путь», я бы, пожалуй, придерживался вашей точки зрения.

— А какое отношение к смертям сенаторов и министра имеет происшествие в таверне? — живо заинтересовалась девушка.

— Пока сам не знаю, — развел руками начальник тайной полиции. — Кроме одинаковых у всех трупов треугольных ожогов на запястьях правых рук, вроде бы ничего общего. Да еще все эти легенды...

— Какие еще легенды? Немедленно рассказывайте, — тормошила его Юлия.

— Не кажется ли вам, что для девушки, которая вызывает восторг и обожание стольких высокородных господ, вы уделяете мне слишком много внимания, — попытался сменить тему Квинт Юст. Он заметил, что Фелиция ищет глазами дочь, собираясь, очевидно, представить ей очередного соискателя.

— Ах вот вы как? — лукаво прищурилась Юлия. — Сначала вы интригуете меня, а теперь хотите бросить на съедение этим скучным господам, которых коллекционирует матушка? Ну что ж, — она сделала обиженное лицо и высоко подняла подбородок, — значит, я не расскажу вам то, что собиралась, то, что вам было бы очень интересно. И вы никогда не узнаете, слышите, ни-ког-да, что я в тот день была в таверне и видела все собственными глазами.

Девушка расхохоталась и, весьма довольная произведенным впечатлением, направилась навстречу Фелиции, начинавшей уже проявлять явные признаки нетерпения.

«Так вот оно что, — Квинт Юст тщетно пытался сосредоточиться. — Значит, это была Юлия. Вик сказал “ищите женщину, и, может быть, найдете Исполнителя”. Ну и что же мне теперь прикажете делать?..»

Грянувшая с балкона музыка окончательно растрепала и без того хаотично роящиеся в голове мысли озадаченного начальника тайной полиции.

Многие девушки и дамы тем временем, не таясь, любовались им и напрасно искали его внимания, принимая задумчивость за холодность, а отчужденность за высокомерие.

Фелиция не преминула попенять дочери за пренебрежение обязанностями, предписанными этикетом, а после представила ей очередного гостя, рассчитывающего на ее благосклонность. Им оказался некий восточный набоб — нервический смуглый брюнет с бегающим лихорадочным взглядом, лысеющей макушкой и тонкими бескровными губами. Он церемонно поклонился и тут же принялся высокопарно повествовать Юлии о сказочных богатствах своей страны, ее обычаях и нравах, собственных воинских доблестях и триумфах.

Тем временем Фелиция снова заняла место рядом с супругом, дабы удостоить вниманием еще одного запоздавшего зарубежного гостя, которого министр двора представил как князя Ингвара, прибывшего из далеких северных земель. Это был молодой человек лет не более двадцати пяти, с прекрасной благородной осанкой и ясным глубоким взглядом пронзительных серых глаз. Аристократическая бледность придавала особое очарование его выразительному художавому лицу, обрамленному светлыми волосами. В меру глубокий изысканный поклон подтверждал изящество и независимость манер.

Невольно залюбовавшись красотой, грацией и статностью гостя, Фелиция тут же оценила безупречный крой и запоминающуюся простоту его лилового с серебром

платья, холодный тон которого будто бы подчеркивал холодное достоинство, сквозившее во всем облике князя.

После выполнения формальностей, предусмотренных протоколом, Тит Брицилл, пребывавший до сих пор в прекрасном расположении духа, что считалось большой редкостью при дворе, предложил князю воспользоваться любезностью его супруги, которая с радостью представит его гостям.

Фелиция величаво поднялась и, не без удовольствия опершись на руку вновь прибывшего гостя, ослепительно улыбаясь и держа голову чуть выше обычного, с воодушевлением принялась знакомить его с высшим кругом приглашенных.

Между тем Гай Сервий, комкая кружева манжет и с трудом скрывая раздражение под любезной улыбкой, украдкой наблюдал за Юлией, которая сначала слишком долго и любезно общалась с Квинтом Юстом, а затем, вот уже четверть часа, со скучающим видом слушала этого отвратительного иноземца. Премьер машинально раскланивался и невпопад отвечал на вопросы жены, которая, как всегда догадываясь об истинной причине его смятения, сохраняла полную безмятежность и невозмутимость.

Страдая оттого, что непрекращающееся словоизлияние нудного собеседника стало ей нестерпимым, Юлия искала кого-нибудь, кто избавил бы ее от неприятного общества. Однако никто и не помышлял прерывать их беседу. Вдруг глаза ее встретились с глазами Гая Сервия, проходившего мимо об руку с женой Сабиной. Девушка с мольбой и надеждой смотрела на него, не отрываясь и гипнотизируя взглядом. Премьер, как ей показалось, наконец-то понял, чего от него ожидают, и, не раздумывая, оставив Сабину в толпе придворных, улыбаясь, направился к ней.

— Ах, если б вы знали, Гай, как я рада вас видеть, — подавшись навстречу премьеру, совершенно искренне воскликнула Юлия. — Позвольте представить вам нашего дорогого гостя, — она лукаво прищурилась, — и порекомендовать его вашим заботам. Он уделил мне доста-

точно внимания и теперь, несомненно, найдет больший интерес и пользу в общении с мудрым государственным мужем, то есть с вами.

Одарив обоих обескураженных мужчин самыми обво-рожительными взглядами, Юлия тут же ускользнула и, спустя мгновение, скрылась в пестрой праздничной толпе.

Супруга премьер-министра, наблюдая за происходящим, думала о том, как мало, в сущности, нужно ее горячо любимому мужу, чтобы, позабыв о приличиях, броситься, очертя голову, куда угодно по первому зову предмета его очередной страсти. «Ну что ж, — со вздохом констатировала Сабина, — по крайней мере на сей раз все должно закончиться быстро и безболезненно. Она для него недоступна, это во-первых, а он ей не нужен, это во-вторых. Девушка, наверняка, даже не подозревает, что мой муж в нее страстно влюблен. И это хорошо. Главное, чтобы не узнал Правитель, иначе — конец карьере, конец всему. Самым разумным в этой ситуации было бы переключить внимание Гая на кого-нибудь другого. Вот только на кого?»

С этими мыслями любящая женщина и образцовая жена отправилась выручать своего ветреного супруга. Восточный набоб, оказавшийся на редкость навязчивым и неприятным субъектом, к этому времени уже успел поведать Гаю Сервию всю героическую историю своего древнего рода. И если бы не практически глухой старик-сенатор, большой любитель поговорить, которого предусмотрительная Сабина разыскала для продолжения беседы, премьер-министру вряд ли удалось бы в течение ближайшего времени избавиться от общества своего «милейшего» собеседника.

— Что бы я без тебя делал, любовь моя, — нежно прошептал Гай Сервий на ухо Сабине. — Ты всегда знаешь, как нужно поступить. Воистину, у меня самая умная жена в мире. И когда мы вернемся домой, — он многозначительно сжал ее руку, — я докажу свою преданность и признательность.

В это же самое время Фелиция с немалым удовольствием продолжала знакомить князя с гостями, политиками

и придворными. Она была очарована его безупречной любезностью, тихим мелодичным голосом, притягательным магнетическим взглядом. Он легко поддерживал непринужденную светскую беседу, вызывая невольное восхищение дам и симпатию вельмож, которым представляла его воодушевленная своей приятной миссией супруга Правителя.

Вик Лициус, недолго побеседовав с князем Ингваром, отметил про себя, что он, пожалуй, наиболее интересен в общении из всех иноземных гостей, присутствующих на приеме.

Квинт Юст, слывший в высшем обществе образцом галантности и учтивости, вынужден был признать, что молодой человек, которому он был представлен Фелицией, едва ли не превосходит его изысканностью манер и широтой суждений. Однако, обеспокоенный совсем другими проблемами, начальник тайной полиции вовсе не был этим раздосадован. Напротив, не имевший близких друзей среди сверстников, Квинт Юст мимолетно подумал о том, что они с князем, видимо, ровесники, и даже пожалел, что гость — чужеземец.

Таинственные и волшебные нити сердечного влечения возникают внезапно и ниоткуда. Прекрасно зная это, Фелиция начинала ощущать знакомый внутренний трепет — предвестник новой страсти, которой она боялась и желала. Как мать понимая, что Ингвара можно было бы рассматривать в качестве возможной партии для Юлии, супруга Правителя искренне хотела подавить в себе зарождающееся чувство. «Я обязана в первую очередь представить его дочери, — с трудом преодолев внезапный соблазн и преисполнившись сознанием долга, решила она. При этом с надеждой прибавила про себя: — А вдруг он ей не понравится, как и все предыдущие».

С этой мыслью Фелиция, рассеянно улыбаясь и испытывая нечто похожее на легкую беспочвенную ревность, увлекла своего спутника в ту часть необъятного зала, где некоторое время назад оставила Юлию.

Вокруг весело и, казалось, беззаботно щебетали женщины. Они оживленно обменивались последними свет-

скими новостями и сплетнями, не забывая при этом незаметно и придирчиво оценивать наряды и украшения друг друга. Тут же нарочито серьезно общались мужчины. Вельможи, притворявшиеся богачами, и богачи, строившие из себя вельмож, степенно обсуждали деловые вопросы, намеревались извлечь нынче максимальную выгоду из общения друг с другом.

Юлия, холодное равнодушие которой к помпезным приемам было всем хорошо известно, сегодня, как ни странно, щедро дарила внимание гостям и, дав волю своему остроумию, искренне веселилась.

Когда супруга Правителя с князем приблизились к группе молодых придворных, окружавших Юлию, те почтительно расступились.

— Дочь моя, — обратилась к девушке Фелиция, — позвольте представить вам нашего гостя, князя Ингвара.

Молодой человек грациозно поклонился и, подняв на Юлию взгляд одновременно пронзительный и нежный, тихо произнес:

— Я много наслышан о вашей красоте, уме и добродетели. Однако то, что я вижу, превосходит все мои ожидания. Вы неподражаемы, а молва, несомненно, и в половину недооценивает ваши таланты.

Фелиция, прекрасно понимая, что эти слова — не более чем дань приличиям хорошо воспитанного человека, испытывала некоторое неудовольствие, хотя сама недавно удостоилась не менее изысканных комплиментов из уст князя.

Ошеломленная Юлия, вперив немигающий взгляд широко открытых изумрудных глаз в гостя, только что представленного ей, молчала. Она видела лишь его зрачки, будто заряженные магнетизмом и светящиеся каким-то фосфорическим светом. В их глубине плясали озорные огоньки.

— Ну что же вы, милая, — недоуменно произнесла Фелиция, не зная, как ей расценивать молчание дочери, — окажите внимание князю, а я, — она чуть заметно вздохнула, — вас ненадолго оставлю.

Видя перед собой невесть откуда взявшегося здесь Дастина, которому матушка почему-то выказывала явное благоволение, Юлия была совершенно сбита с толку.

— Ну что же вы, право, — просительно повторил последние слова Фелиции Дастин, — окажите внимание князю, или вы не рады? Какая жалость... Я так хотел сделать сюрприз. Наверное, не получилось.

— Получилось, князь, еще как получилось. Вы застали меня врасплох и повергли в смятение, — придя, наконец, в себя, заговорила Юлия. — Я недавно нашла дружбу юноши, с которым при странных обстоятельствах познакомилась в одной таверне. Его звали Дастин, и ему я обязана жизнью. Сегодня мне представлен князь Ингвар, гость моих родителей, которому я не обязана ничем. Скажите, кто же вы на самом деле, таинственный незнакомец, владеющий даром перевоплощения? И зачем вы здесь?

Дастин, не ожидавший такой отповеди, на какой-то миг задумался, а потом серьезно произнес:

— Мне действительно хотелось сделать вам приятный сюрприз, Юлия. Наверное, я просто разучился их делать. Здесь я только ради вас. Если мое присутствие вам неприятно, я немедленно удалюсь, — после этих слов он замолчал и смиренно склонил голову.

Видя, сколь искренне огорчился Дастин-Ингвар, Юлия тут же пожалела о своей вспышке. «Капризная избалованная девчонка, — корила она себя мысленно, — он же хотел меня обрадовать, а я...»

— Простите меня, Дастин, и не обращайтесь внимания. Я просто немного растерялась, увидев вас, — примирительно сказала девушка, — а выглядеть растерянной мне не очень нравится. Это не ваша вина. Ну что, мир? И больше никаких обид, — она пленительно улыбнулась. — Будьте же сегодня моим кавалером, если, конечно, не возражаете, — лукаво добавила Юлия и с невыразимым изяществом подала ему свою тонкую точеную руку.

Наблюдавший за этой сценой со стороны начальник тайной полиции понял, что сегодня ему вряд ли удастся продолжить с дочерью Правителя так интересующий его разговор. «Какая красивая пара, — восхищенно подумал

Квинт Юст. — Я был бы искренне рад, если бы этот весьма достойный молодой человек понравился Юлии».

* * *

Наблюдавший за этой сценой со стороны премьер-министр понял, что сегодня ему вряд ли представится возможность привлечь внимание Юлии еще раз. «Она меня просто не видит, не замечает, — с горечью думал Гай Сервий. — Холодная и недоступная красавица. Она, наверное, даже не подозревает о моих чувствах. А тут еще этот белобрысый князь, свалившийся как снег на голову. Скорее всего, очередной потенциальный жених. Не зря же Фелиция так мила с ним. Впрочем, Юлия их не выносит. Еще ни один из претендентов на ее руку ей не понравился. О боги, что это? Она улыбается князю?! Она подала ему руку... Проклятье! Как она смотрит на него! Это невыносимо».

Гай Сервий едва не задохнулся от ревности, горечи и досады. Обжигающая волна негодования захлестнула его. Рассудок будто бы помутился. В одно мгновение давние, некогда разрозненные мысли, которых он раньше стыдился и которые гнал от себя, сложились в единую четкую формулу. Да, его стремительная карьера, казалось бы, дала все, о чем только мог мечтать смертный. Сначала, благодаря покровительству Вика Лициуса, он начал свое стремительное восхождение к вершине власти. Затем, благодаря блестящему уму Сабины и связям ее влиятельных родственников, ему было легче, чем другим, устранять многочисленные препятствия, постоянно возникающие на пути каждого, кто выбирает путь во власть. И наконец, благодаря врожденному конформизму и умению приспосабливаться, он сумел избежать болезненных падений и серьезных конфликтов. Будучи де-юре вторым, а де-факто третьим человеком в государственной иерархии, он втайне все это время хотел стать первым. Наверное, одна лишь Сабина догадывалась о его скрытых притязаниях и, как ему казалось, понимала и разделяла их. Кто еще мог претендовать

нынче на роль Правителя? Вик Лициус? Да, он умен и опытен, но уже стар. Квинт Юст? Он талантлив, честолюбив и хитер, но слишком молод и пока всего лишь начальник тайной полиции. А это слабый старт даже с учетом мощной поддержки Вика Лициуса. Сенаторы, которые охотно продаются каждому, кто согласен платить? Министры, которые по уши в дерьме и боятся громких разоблачений? Нет, и еще раз нет.

Сегодня Гай Сервий вынужден был признать, что если раньше достижение вершины властной пирамиды было для него тайной заветной мечтой, то теперь становилось целью, а кроме того, еще и средством. Средством, которое позволит ему, наконец, заполучить Юлию. Ведь если он не может и мечтать о ней лишь только потому, что она дочь Правителя, то ее отец просто должен перестать быть Правителем. Вот, собственно, и все. А если Тит Брицилл вдруг умрет или будет отстранен от власти в силу каких-либо чрезвычайных обстоятельств, то именно он, премьер-министр, по закону, станет исполнять обязанности Правителя до следующих выборов. И это, конечно же, развяжет ему руки.

Оказывается все-таки не зря во время переоборудования резиденции Правителя Гай Сервий приказал для ликвидации сырости в подвальных помещениях проделать вентиляционные каналы, в том числе и в кабинет Тита Брицилла. На самом деле он преследовал совершенно иную цель — использовать их когда-нибудь в будущем как слуховые. Теперь это оказалось очень кстати.

Следовало бы, не откладывая, вызвать Марка Кабрия и поручить ему в свободное от караула и слежки за Юлией время прослушивать разговоры, ведущиеся в кабинете Правителя. Он, как начальник одной из смен почетного караула, часто бывает в помещении резиденции. И его появление там не должно вызвать лишних подозрений. А информация, полученная таким образом, в дальнейшем могла бы быть весьма полезной.

Из глубокой задумчивости премьер-министра вывела жена. Окинув его участливым, почти материнским взглядом, она тихо и вкрадчиво заговорила:

— О чем ты думаешь, милый? Ты чем-то огорчен? Право, не стоит. Все обязательно устроится, обещаю. Погляди-ка лучше, с каким удовольствием общается Юлия с новым гостем. А он хорош собой, не правда ли? Говорят, князь фантастически богат и чрезвычайно знатен, а в его северных землях добывают несметное количество золота и алмазов. Какая жалость, что Фелиция до сих пор не представила его нам. Мне, пожалуй, было бы интересно с ним побеседовать. А тебе, милый?

— Несомненно, любимая, — в тон ей ответил Гай Сервий с особой приветливостью, которая далась ему немалым усилием воли.

* * *

Супруга Правителя была не на шутку удивлена и даже несколько разочарована. Никогда еще ее дочь не проявляла такой благосклонности к мужчинам, которых ей представляли. Итак, надежды на то, что новый гость Юлии не понравится, не оправдались. Ну что ж, может быть, это и к лучшему. «Он все равно слишком молод для меня, — думала Фелиция. — Кроме того, они, кажется, поладили с дочерью. И это главное. Тем более что на моего мужа этот юноша, как ни странно, сразу произвел весьма благоприятное впечатление».

Когда Юлия уделила новому гостю ровно столько внимания, сколько позволяли этикет и приличия, Фелиция деликатно прервала их оживленную беседу, сославшись на то, что с дочерью хочет поговорить отец.

— А вас, князь, я поручу заботам нашего премьер-министра и его очаровательной жены, которым вы, кстати, еще не представлены, — с этими словами она увлекла его туда, где Гай Сервий и Сабина оживленно беседовали с несколькими сенаторами и придворными.

Церемонно представив им князя, Фелиция, прежде чем удалиться, дала ему понять, что они с супругом будут рады в ближайшее время снова видеть его в качестве гостя. «Очень хорош собой, но уж слишком бледен. Не болен ли? — с тревогой подумала она, идя через зал к

возвышению, на котором Правитель о чем-то оживленно разговаривал с Юлией».

Общение с премьером явно не клеилось. Дастин чувствовал исходящую от собеседника внутреннюю агрессию. Его жена была несомненно умна и делала все возможное для поддержания непринужденной беседы. И только когда к ним присоединился начальник тайной полиции Квинт Юст, который понравился Дастину сразу же, обстановка разрядилась.

Сославшись через некоторое время на неотложные дела, Дастин отклонялся и, незаметно взглянув в сторону Юлии (иногда ему начинало казаться, что это Анна), заметил, что она тоже смотрит на него. Это было приятно.

Только покидая праздник, он почувствовал, как сильно устал. Уже давно ему не приходилось общаться с таким количеством людей. Такое общение, за редким исключением, было для него обременительным и неприятным. Оно почти всегда разочаровывало. Он слышал, о чем они говорят, и знал, о чем многие из них думают. Он видел, что алчность и честолюбие погубили этих нищих духом людей. Сначала он сочувствовал им, потом перестал.

«Люди не меняются, — думал он. — Никогда. Они — рабы денег и власти. Или просто рабы. Многие из них потеряли где-то свое сердце, но где?.. Я не знаю. Они не ценят жизнь. Жизнь коротка, как миг, а они почему-то распоряжаются ею так, будто собираются жить вечно. Впрочем, что они знают о вечности? Отчего так безжалостно и бездарно растрачивают время, теша себя наивной надеждой, что его еще много и оно нескоро закончится? Рядом старятся или умирают молодыми их друзья и родные, но это ничему не учит. Они живут с психологией рождественского гуся, довольного сытой жизнью и уверенного в бесконечности времен. Будто смерти не существует.

Умирают все. Некоторые в одночасье, другие из дня в день. Время — палач. Оно умерщвляет медленно, беспощадно и наверняка. С изощренной жестоко-

стью откусывает от вашей жизни дни, месяцы, годы. Отбирает все, что вам дорого, — молодость, любовь, близких. Обезображивает ваше отражение в зеркале. Иногда кажется, что время тянется слишком медленно, иногда — что летит слишком быстро. Но оно всегда безвозвратно уходит. Только вот куда? Кто знает? Может быть, на самом деле по неподвижному времени просто уходят люди...

* * *

Облаченные в парадную форму солдаты двух смен почетного караула расположились по внешнему периметру ограды резиденции на случай, если кто-то из толпы праздношатающихся и крепко подвыпивших граждан вдруг вознамерится проникнуть на территорию дворца. Граждане, однако, любуясь праздничным фейерверком, ни о чем подобном и не помышляли. Они лишь с недобрым любопытством поглядывали через витое кружево кованой ограды на именитых гостей, изредка выходивших из внутренних помещений в парк подышать свежим воздухом.

Роб Свэнс и Марк Кабрий каждые полчаса обходили посты своих людей и, убедившись в отсутствии каких бы то ни было нарушений, докладывали об этом начальнику охраны резиденции. Все остальное время они были предоставлены самим себе и, с интересом наблюдая за происходящим, неспешно беседовали.

— Так всю ночь тут и будем круги вдоль ограды наматывать, — мрачно процедил Марк Кабрий. — Хоть бы кто покормить додумался, что ли, — добавил он.

— Да кто ж тебя тут кормить будет? — добродушно удивился Роб Свэнс. — Вот придешь домой, там тебя жена и покормит. Моя Мэрион уже наверняка праздничный ужин приготовила.

— Ужин, ужин... — недовольно бубнил Марк Кабрий, — уже скоро завтракать пора...

— Ну и что? Какая разница, когда ужинать, — вечером или утром? Главное, чтобы вкусно, — откликнулся Роб Свэнс.

— Да уж, твоя жена — хозяйка каких мало, — со вздохом констатировал Марк Кабрий. — У меня вот с самого утра — ни крошки во рту. Как сменился из Парка, сразу сюда. А домой доберешься, так еще неизвестно, чем тебя там накормят — ужином, завтраком или очередным скандалом. Ладно, чего уж там. Пора обход делать. Пошли, что ли?

В это время он обратил внимание на одного из гостей, собиравшегося, видимо, покинуть праздник. Ему уже подавали карету, и, судя по тому, что провожал его министр двора, гость был из самых что ни на есть высоких. Приглядевшись повнимательней, Марк Кабрий замер и удивленно захлопал глазами.

«Да нет, — подумал он, отмахиваясь от увиденного, — этого просто не может быть. Чушь какая-то. Наверное, просто с голоду мерещится уже. Но до чего похож. Надо же. Просто двойник, и все тут».

— Что ты там бормочешь, Марк? — поинтересовался Роб Свэнс. — Никак сам с собой разговариваешь?

— Пожалуй, что так, — обреченно отозвался Марк Кабрий. — Представляешь, померещилось мне, будто во-о-н... тот красавец, с которым министр двора у кареты прощается... — тут он осекся и замолчал. Потом продолжил. — Ну... вроде, я его раньше где-то видел. Так, обознался. Где бы мне его видеть, в таверне, что ли? Такие, — он выразительно мотнул головой в сторону дворца, — по тавернам не ходят.

— А ты знаешь, Марк, — задумчиво произнес Роб Свэнс, — если ты о том знатном господине, что в лиловом с серебром костюме, то сдается мне, что и я его где-то видел.

— Ага, как же, видел он. На рынке, наверное, или в пивной. Вот ты всегда так, Роб. Что я скажу, ты тут же и повторяешь. Что за привычка такая? Если мне с голоду померещилось, то тебе с чего, спрашивается? Идем уже, время.

Отправившись на очередной обход, они с завистью вдыхали аппетитные запахи, доносившиеся из открытых окон дворцовой кухни.

Гай Сервий никак не мог сосредоточиться и привести в порядок хаотично роящиеся в голове мысли. Он боялся признаться себе в том, что задуманное им связано с огромным риском и ставит на карту не только его карьеру, свободу и саму жизнь, но и жизнь его семьи. Ради чего? Любовь к Юлии, а вернее желание обладать ею во что бы то ни стало? Болезненное и непреодолимое стремление к власти? Что здесь первично? Сейчас он вряд ли смог бы однозначно ответить на этот вопрос. Скорее всего, то и другое.

Охваченный лихорадочной жаждой деятельности, премьер-министр, вернувшись домой после приема, распорядился к полудню следующего, а вернее, уже наступившего дня, вызвать к себе Марка Кабрия. Затем отправился на половину жены, где так рьяно исполнил супружеский долг, что вызвал у растроганной Сабины слезы умиления и благодарности. Почувствовав после этого зверский аппетит, он велел подать себе в спальню охлажденное вино и закуски. Утолив голод, Гай Сервий мгновенно уснул сном человека, отбросившего сомнения и принявшего, наконец, важное решение. В объятьях Морфея он чувствовал себя счастливым. Ему снилось торжественное заседание сената, на котором Вик Лициус приводил его к присяге Правителя, а Юлия, сидя в гостевой ложе, смотрела на него своими ярко-зелеными глазами, полными восторга и обожания.

Поутру, с неудовольствием вынырнув из сладких грез, премьер-министр привычно окунулся в повседневные заботы, которых было не перечесть. Он то и дело возвращался мыслями к тому, что задумал. И понимал, что одновременно страшится этого и страстно желает.

Разговор с Марком Кабрием получился каким-то вязким и неприятным. Снабдив его планом подвальных помещений и ключом от комнаты, расположенной под апартаментами Правителя, о существовании и назначении которой никто и не догадывался, Гай Сервий с досадой подумал о том, что подвергает себя большому риску, а его тайный осведомитель уже слишком много

знает. Кроме того, премьеру очень не понравилось, что Марк Кабрий, видимо, вознамерившись выманить у него деньги, нимало не утруждаясь при этом, нес какой-то вздор, уверяя, будто бы в День справедливости и согласия узнал в одном из гостей, присутствовавших на балу, незнакомца из таверны, с которым скрылась Юлия.

— Я сначала и сам решил было, что обознался, — продолжал стоять на своем Марк. — Гляжу, его министр двора до кареты провожает. Нет, думаю, не он. Что, спрашивается, проходимцу из таверны на балу у Правителя делать? Потом присмотрелся повнимательнее, а ведь все таки он, только уж больно нарядный и важный. Костюм у него красивый, лиловый такой, серебром расшитый. Только благородные господа в таких одеждах расхаживают. Может, украл где? Да и кто его вообще на бал пустил? Хотя об этом пусть у тайной полиции голова болит. Ну, короче говоря, он это — и все тут. Ваша милость ведь поручали мне заняться поисками незнакомца из таверны, вот я и занялся. И, как видите, нашел ведь, — горделиво завершил он.

В воздухе словно повис вопрос оплаты.

— Нашел он, — презрительно бросил Гай Сервий, — во время несения караула у дворца. Обыскался совсем, просто с ног сбился. Ну, и знаешь, болван, кого ты нашел? — все более и более раздражался премьер. — По-моему, ты нашел князя Ингвара, гостя Правителя из северных земель. По крайней мере, именно он был одет в лиловый с серебром костюм, а министр двора, по протоколу, провожает до кареты только высоких иноземных гостей. Вот так-то. Запомните, Марк, — уже спокойно, снова перейдя на «вы», продолжал премьер, думая про себя, сколько же вокруг продажных, лживых и жадных до денег людишек, — я буду платить вам вдвое против обычного. Надеюсь, вы понимаете, что я оплачиваю не только вашу работу, но и ваше молчание. И учтите раз и навсегда, я не оплачиваю ваши фантазии.

После празднества, затянувшегося далеко за полночь, дворец просыпался долго и нехотя. Еле дождавшись времени, приличествующего для посещения дочери Правителя, Квинт Юст отправился к Юлии.

Девушка давно бодрствовала. Ее переполняло чувство радости. Хотелось осчастливить весь белый свет. Даже самые противные из придворных казались теперь весьма сносными и даже симпатичными людьми. Будущее виделось в самых радужных красках. Сначала Дастин, или Ингвар, какая, впрочем, теперь разница, пригласит ее посетить свою страну. Это очень-очень далеко, но тем интересней обещает быть путешествие. Скорее всего, ее будут сопровождать матушка и несколько придворных дам. В северных землях наверняка очень холодно. Понадобятся меха. Следует заранее позаботиться о соответствующем гардеробе...

Ее приятные размышления были прерваны докладом о том, что начальник тайной полиции почтительнейше просит об аудиенции. Распорядившись незамедлительно проводить Квинта Юста в свои покои, Юлия сама вышла ему навстречу.

— У вас красные глаза, Квинт. И вообще, вы скверно выглядите, — обеспокоенно произнесла девушка, едва увидев его. — Что это с вами, право?

С удовлетворением отметив про себя ее дружеское участие и расположение, начальник тайной полиции принялся не без притворства сокрушаться по поводу вчерашнего вечера.

— До чего же коварны женщины, — лукаво произнес он. — Даже лучшие из них, — изящный поклон в сторону Юлии давал понять, о ком идет речь, — не щадят наших чувств. Вчера вы оставили меня в крайней растерянности и полном недоумении, не удостоив более своим вниманием ни на минуту. Конечно, — он притворно потупил глаза, — куда уж вашему скромному слуге и преданному другу до князя Ингвара, который вызвал вчера всеобщий интерес и, похоже, не оставил равнодушной даже вас, Юлия.

— Да полно вам, Квинт. Уж кто бы говорил. Дамы весь вечер не сводили с вас восторженных глаз, а вы их упорно не замечали. Скажите-ка лучше честно, я вас заинтриговала, не правда ли?

— Правда, — не колеблясь, ответил начальник тайной полиции.

— Я вам очень доверяю, Квинт, — серьезно продолжала девушка. — Как никому другому. Вы с детства хранили все мои секреты и никогда не выдавали меня.

Квинт Юст попробовал было возразить, но Юлия продолжала.

— Да-да, я прекрасно знаю, что доставила вам массу хлопот своими шалостями.

— Ну что ж, — вздохнул молодой человек, — мы ведь с вами друзья.

— Спасибо, Квинт. Так вот, мне очень хочется вам кое-что рассказать. Я даже не говорю, что это секрет или тайна. Знаю, что вы и так никому не скажете. Слушайте же.

И Юлия в мельчайших подробностях поведала начальнику тайной полиции о своем приключении в таверне, обо всем, что там произошло, о незнакомце, который спас ей жизнь, о потрясающем пикнике, который он для нее устроил.

— Но это еще не все, — воодушевленно продолжала девушка. — Мой новый друг был вчера на приеме. Признаюсь, я сама этого не ожидала и была ужасно... нет, — поправилась она, — приятно удивлена.

— То есть, как это на приеме? — воскликнул Квинт Юст, вмиг утратив свою всегдашнюю сдержанность. — Вы, наверное, шутите? Этого не может быть. Я лично дважды проверял списки всех приглашенных. Умоляю, Юлия, объяснитесь, не тяните! — позабыв об этикете, воскликнул абсолютно обескураженный начальник тайной полиции.

Видя, что ее рассказ более чем впечатлил собеседника, Юлия хитро улыбнулась и, как бы невзначай, спросила:

— Вам ведь вчера представили нашего гостя, князя Ингвара? Не так ли?

— Да, конечно, мы были представлены друг другу.

— Ну и как, вам понравился князь?

— Весьма достойный молодой человек, весьма. Насколько я успел заметить, госпожа Фелиция видит в нем очередного возможного соискателя вашей руки. Но при чем здесь князь, Юлия? Вы меня с ума сведете своими загадками...

Еще не успев закончить фразу, он начал догадываться и ужаснулся:

— Нет, Юлия, только не это!

— Да! Представьте, незнакомец из таверны очень кстати оказался князем. Как это мило, не правда ли, Квинт? — радостно завершила свой рассказ Юлия.

Если вчера Квинт Юст был серьезно озадачен, то сегодня начальник тайной полиции испытал совершенно неприсущее ему чувство растерянности. Надежда на то, что после разговора с Юлией ситуация прояснится, явно не оправдалась.

Казалось, его мозг отказывается все это переваривать. Исполнитель, трупы, князь, Юлия. Ну и ну. В такой переплет он еще не попадал ни разу. Более того, будучи другом Юлии, он был обречен хранить молчание, но будучи начальником тайной полиции, он был обязан что-то предпринять. Только вот что? Единственный плюс заключался в том, что Юлии, судя по всему, ничего не грозило. Пока.

Взяв себя в руки и тщетно пытаясь сосредоточиться, Квинт Юст поинтересовался у Юлии, как долго планирует князь Ингвар задержаться в здешних краях.

— О, князь должен завершить кое-какие неотложные дела и пробудет здесь еще с неделю, — беззаботно ответила Юлия. — Мне бы очень хотелось, чтобы вы с ним подружились, — искренне добавила она.

— Мне тоже, — задумчиво отозвался Квинт Юст.

* * *

«Выходит так, — размышлял Барти Круз, внимательно изучая коричневато-желтые, тронутые тлением листы древних хроник, — что я единственный, да-да,

единственный, кто посвящен в эту тайну. И никто об этом не знает, и даже рассказать некому. Жаль, жаль. Любой настоящий исследователь старины просто умер бы от зависти. Правда, когда Он заговорил, я сначала чуть не умер от страха, даже голос пропал. Потом ничего, прошло. Мне-то чего бояться? Пускай его боятся те, кто несет зло, кто его сеет и пожинает. Да уж. А ведь в сущности этот Дастин очень славный и, скорее всего, не очень счастливый юноша. Впрочем, какой юноша, раз в двадцать, наверное, старше меня».

Архивариус и не заметил, как начал рассуждать вслух. За этим занятием его и застал Эрий Прат.

— Барти! Вот уж кого не ожидал сегодня увидеть, — удивился главный хранитель государственных архивов. — Ты же в отпуске. Что это тебе дома не сидится, не отдыхается, скажи на милость?

— Не могу без работы, — развел руками Барти Круз. Он почти не лукавил. Жизнь без архива действительно казалась ему пустой, неинтересной и, пожалуй, бессмысленной. — Решил вот в древних рукописях разобраться. А то знаешь, Эрий, с тех пор как тут все с ног на голову поставили, так и не было времени. А запускать ведь нельзя, никак нельзя. Вдруг опять что-то случится, какие-нибудь документы срочно понадобятся, придет кто из начальства... Так что ты уж меня работой не загружай, считай, что я в отпуске. А я тем временем в хранилище порядок наведу, чтоб не стыдно было.

Слушая коллегу, Эрий Прат думал о том, как же ему повезло с заместителем. Хорошо понимая, что сам он в архивном деле не силен, главный архивариус страны и раньше готов был пылинки сдувать с Барти Круза. А уж после недавних драматических событий, стоивших ему немало здоровья, нервов и едва не стоивших должности, которой он очень дорожил, — и подавно.

— Ты, Барти, делай все, как считаешь нужным. Но раз ты на работе, значит не в отпуске. Так что знай, твой отпуск за тобой остается, ты его заслужил и можешь использовать, когда тебе заблагорассудится. А теперь

не буду тебя отвлекать и позабочусь, чтоб никто не беспокоил. Работа наша кропотливая, тишины требует, внимания.

С этими словами довольный сам собой и своим заместителем Эрий Прат удалился из хранилища древних рукописей, оставив архивариуса наедине с его мыслями, его тайной и тысячами документов, среди которых нужно было отыскать то, ради чего Дастин обратился к нему, именно к нему, за помощью.

Понятно, что новому знакомцу Барти Круза не составило труда проникнуть в архив и похитить любые документы. Но как он сумел сориентироваться в хранилище древних рукописей, оставалось для архивариуса загадкой. Впрочем, разобрав похищенные бумаги и убедившись, что они описывают лишь пережитое им самим, Дастин понял, что нужно искать дальше. И решил довериться ему, Барти Крузу.

Еще раз перечитав все, что так или иначе могло относиться ко времени драматических событий, в результате которых Дастин потерял семью, друзей, любимую и стал одиноким скитальцем во времени, карающей десницей богов, Барти Круз, к своему неудовольствию, не обнаружил ничего нового. Правда, оставались еще два старинных манускрипта, которые он сознательно отложил напоследок. Они были выполнены сложнейшей тайнописью, дабы навсегда скрыть от непосвященных свое содержание. Вот если бы удалось их расшифровать... И если бы в них обнаружилось то, что он искал...

* * *

Роб Свэнс твердо решил отказаться от своей любимой сливовой настойки. Не совсем, конечно. Только накануне суток несения службы. «Не зря все-таки Мэрион столько лет твердит, чтобы я пил поменьше, — мысленно досадовал на себя начальник смены почетного караула. — А я что, я ни в какую. А она ведь, как всегда, права. Смотри, говорит, Робби, голову потеряешь, здоровье пропьешь — других не купишь. Все в точку. С головой уже

что-то не так. Мерещиться стало всякое. Рассказать кому — на смех подымут.

Да, крепко мы опять у Лоя Мария выпили. Правда, и поели славно. А на следующее утро в караул заступать. Голова мутная. Соображает плохо. Да что там плохо — вообще никак. К вечеру и вовсе расклеился. Вот если бы прилечь где или присесть хотя бы. Парк Защитников и Покровителей большой, скамьи по всем аллеям расставлены широкие, удобные, что твоя кровать. Так ведь нельзя. Не положено. Да и подчиненным какой пример.

Дай, думаю, обойду парк по периметру, а там, может, где и присяду, хоть на пять минут. Главное, не уснуть и чтоб не увидел никто. Правда, мои хоть и увидят, виду не подадут и начальству не донесут. Ребята надежные. Решил я для начала Стелу Свободного Выбора дозором обойти, а потом уже и к скамейкам поближе продвигаться. Иду, значит, луна светит, небо звездное, вокруг Стелы факелы горят. Только подошел, гляжу, словно облачко какое или туман передо мной колышется. А из него женская фигура выплывает. Прозрачная вся. Ну, думаю, плохи мои дела. Голова, видать, испортилась. А отчего, спрашивается? Хорошо, что Мэрион здесь нет. Она бы тут же сказала — от пьянства. Тоже, нашла пьяницу.

Пока я так размышлял, образ этот из тумана будто бы в тело оделся. И тут меня как кто к земле припечатал намертво. Быть того не может, да это ведь сама Юлия, дочь Правителя. Точно она. Только одета как-то диковинно и уж очень бледна. Да еще глаза не зеленые, как обычно, а светлые, прозрачные, словно льдом подернутые. Что за напасть, думаю, откуда ей тут взяться? Как зашла в парк, как к стеле приблизилась — никто не видел. Вот вам и охрана, вот и караул почетный.

Я поклонился, конечно, поприветствовал по уставу. А она будто не слышит. Смотрит на меня внимательно. Потом тихо так заговорила:

— Ты ведь устал, солдат, отдохнуть хочешь, вот и отдохни.

Дотронулась до меня рукой. Рука холодная как лед. А на ней словно искры зеленые сверкнули. Кольцо, что ли? Я будто на секунду глаза закрыл, а когда открыл — нет никого. Правда, усталость как рукой сняло, как если б я проспал сутки и водой студеной умылся. Вот и все.

Молчать буду. Никому не расскажу, даже Мэрион. А то сливовой настойки не видать мне вовсе. Да и вообще, за такие фантазии можно и в изоляторе для отрешенных оказаться. Так-то».

* * *

Сидеть в крохотной и сырой, как склеп, комнатушке подвального помещения, сообщающегося вентиляционным каналом с кабинетом Правителя, было, во-первых, страшно, а во-вторых, скучно.

Боясь быть обнаруженным, Марк Кабрый думал о том, что версия проверки редко посещаемых помещений дворца на наличие возможных очагов возгорания, не очень-то убедительна, хотя наличие в кармане бумаги, подписанной премьером, о назначении его инспектором пожарной безопасности государственных сооружений оправдывало пребывание где угодно. Впрочем, это идея Гаю Сервию, его поручение, его подпись, значит ему и отвечать в случае чего. Вот пускай он и думает.

Разговоры же, ведущиеся в кабинете Правителя, были скучны, однообразны и в большинстве своем малопонятны. Состояние государственной казны, налоги, расстановка политических сил в сенате, награды, назначения и отставки. Словом, ровным счетом ничего интересного. Полчаса послушаешь, и уже в сон клонит. Но если Гаю Сервию некуда девать деньги — что ж, он готов раз в три дня исправно сидеть в подвале и слушать всю эту галиматью, да еще и записывать. То, что Марк Кабрый не отличался большой грамотностью, его самого ничуть не смущало. А вот отдавать собственноручно написанные отчеты о происходящем в кабинете Правителя Гаю Сервию ему не очень-то хотелось. Поди знай,

что у него на уме. Вообще, не поймешь нашего премьера. То ему за Юлией следить приспичило, то разыскивать престранного молодого человека из таверны, а теперь вот слушать, как Правитель в своем кабинете распекает нерадивых подчиненных. В том, что все они, ну или почти все, нерадивые, Марк Кабрий убедился уже после второго дня своего вынужденного сидения в подвале и сделал неутешительный вывод, что в верхах порядка значительно меньше, чем во вверенном ему подразделении.

Вскоре он начал различать по голосам людей, имевших доступ в кабинет Правителя. Их было не так уж много. Только самые значимые сановники государства, желая быть принятыми Титом Брициллом, изредка удостаивались такой чести. В большинстве случаев он сам вызывал министров, придворных, сенаторов. Почти все из них, за исключением разве что первого сенатора и начальника тайной полиции, говорили тихо, льстиво и подобострастно. Редко кто не старался использовать аудиенции у Правителя, чтобы приписать себе чужие заслуги или свалить на других свои просчеты.

Как правило, Тит Брицилл никого не принимал вечером и не задерживался в рабочем кабинете допоздна. Он собирал необходимые бумаги и отправлялся работать над ними в свои личные внутренние апартаменты.

Марка Кабрия распорядок работы Правителя более чем устраивал. В вечерние часы, после дня, проведенного в холодном и сыром подвале, он по дороге домой успевал изрядно и с удовольствием подзаправиться в ближайшей таверне. Вот и сегодня, рассчитывая на порцию горячего жаркого и кувшин доброго вина, начальник смены почетного караула с нетерпением ждал, когда Тит Брицилл в сопровождении старого Дуката покинет кабинет. Но Правитель уходит почему-то не собирався, а значит, ужин Марка Кабрия откладывался.

Вскоре секретарь доложил о прибытии начальника монетного двора Луция Прова.

Это была победа, настоящая победа. Будучи не в силах, да и не желая сдерживать нахлынувший восторг, Барти Круз, напевая себе под нос что-то бравурное и удовлетворенно потирая руки, уже дважды обошел вокруг стола, на котором лежали расшифрованные им манускрипты.

Он даже не предполагал, даже мечтать не мог о том, что меньше чем за трое суток справится с этой задачей. Нет, не так. Надежда на то, что ему удастся разгадать тайну древнего шифра была, но уж очень слабая. А вероятность того, что необходимая информация обнаружится в одном из двух тайнописных документов, оставленных им напоследок, была вообще минимальной. Казалось, последнее время сама Фортуна — богиня удачи — покровительствовала старому архивариусу.

Наспех перекусив черствыми пирожками, которые добрейший Руфус Филч позавчера вместе с массой других сладостей передал посыльным в архив, Барти Круз вышел на улицу и, мельком взглянув на щербатую луну, освещающую ночной город, бодро засеменял в направлении дома. Жил он недалеко. А после стольких часов непрерывного сидения в пыльном хранилище хотелось немного пройтись пешком.

Теперь ему есть что рассказать Дастину. Неизвестно только, обрадует его это или огорчит.

Манускрипты, которые так неожиданно быстро удалось расшифровать, действительно относились к периоду, интересовавшему Дастина. Читая их, архивариус едва сдерживал слезы. То, что случилось с этим юношей, безусловно, было трагедией. Для него самого, его семьи, друзей. Для его невесты Анны.

Из рассказа Дастина следовало, что вскоре после того, как ему исполнился год, кто-то подбросил на крыльцо их дома младенца, девочку. Родители долго думали, что с ней делать, пока думали — привыкли, потом привязались и, в конечном итоге, оставили малютку, дав ей имя Анна. Со временем она стала любимицей всей семьи. Дастин души не чаял в доброй, веселой, красивой и умной

сестренке. Дети выросли и незаметно их сердцами овладела взаимная любовь. Теперь они даже не представляли, что делали бы в этом мире друг без друга. Когда Дасти-ну исполнилось восемнадцать, они с Анной решили пожениться. Родители шутя говорили, что боги вознаградили их, послав сыну лучшую в мире невесту, которую они сами любили, как родную дочь. Все готовились к свадьбе и были очень счастливы.

Поздним вечером, накануне дня бракосочетания, когда практически все было подготовлено к свадебному торжеству, а жители города, которые еще не собирались жениться или уже успели сделать это, давно спали, началось происходить нечто странное.

Луна сначала подернулась тенью, будто кто-то набросил на нее серую вуаль, а потом приобрела зловещий темно-красный цвет с бронзовым отливом. В воздухе разлилась какая-то необъяснимая гнетущая тишина, и он наполнился запахом озона. Затем весь город погрузился в туман и впал в сонное оцепенение.

Проснувшись утром, граждане с удивлением обнаружили, что улицы и площади, как ковром, покрыты мелкими блестящими кристаллами цвета индиго, а на рыночной площади вся земля выгорела, спеклась и стала похожа на черное стекло.

Но самым странным и страшным стало бесследное и необъяснимое исчезновение двенадцати юношей, которых больше никто никогда не видел. Среди них был Дастин.

Он не знал, как все это происходило, потому что, очнувшись, был уже *другим*. Только размытые видения людей в странных серебряных одеждах и женщины, очень красивой, но почему-то очень страшной, теперь изредка посещали Дастина в те ночи, когда случалось полнолуние.

С ним что-то, видимо, пошло не так, как с другими. Он понял это, но молчал, тщательно скрывая, что помнит прошлую жизнь, родителей, помнит Анну. Он долго ждал часа, когда, исполняя миссию, окажется в тех местах, где когда-то, давным-давно, родился, вырос и был хоть недолго, но безмерно счастлив.

Документы, которые Дастин похитил из архива, желая пролить свет на происшедшее и, возможно, узнать что-нибудь о судьбе любимой девушки и своих близких, освещали лишь те события, участником которых он, к несчастью, был. Ни малейшего намека на то, что происходило после, в них, к сожалению, не было.

Он с горечью думал, что возможности сверхчеловека иногда бывают совершенно бесполезными. Тщедушный архивариус, к которому Дастин обратился за помощью, мог сделать то, что ему самому было не под силу. Этот милый старик очень добр и необыкновенно умен. И если бы ему удалось найти, если бы удалось...

А Барти Круз тем временем намеревался поведать Дастину, что родители его умерли, не переставая тосковать о пропавших детях — сыне и приемной дочери. Дада. Анна и еще несколько девушек исчезли спустя примерно год после описанных ранее событий. Расшифрованный документ свидетельствовал, что это произошло при обстоятельствах, весьма схожих с теми, которые сопровождали загадочную пропажу двенадцати юношей. После этого люди больше не хотели жить в городе. Они боялись за своих детей и мало-помалу покидали его. Вскоре города не стало.

По пути домой архивариус не переставал размышлять о превратностях судьбы. Он думал о том, что Анна, возможно, и не умерла, а просто стала *другой*, как Дастин.

Интересно, как он к этому отнесется?

* * *

Начальник государственного монетного двора был немолод, невысок и тучен. В складках желтоватой дряблой кожи круглого скуластого лица, под густыми кустистыми бровями прятались глубоко посаженные угольно-черные глаза. Короткие тонкие ноги, казалось, с трудом выдерживали вес непропорционально массивного туловища.

Луций Пров уже долгие годы служил Титу Брициллу, хорошо зная, что обязан ему всем, что имеет, — положе-

нием, богатством, свободой и самой жизнью. Однако в основе его преданности своему благодетелю было слишком много страха перед возможными разоблачениями, чтобы считать ее достаточно искренней.

Тяжело переваливаясь из стороны в сторону, он вошел в кабинет Правителя, поклонился и, сделав несколько шагов, замер в почтительном ожидании.

— Проходите, Луций, проходите, — сказал Тит Брицилл, не переставая просматривать лежавшие перед ним документы.

Было так тихо, что начальник монетного двора ясно слышал потрескивание свечей в канделябрах и собственное дыхание, которое казалось ему слишком шумным.

— Итак, — будто бы продолжая начатый разговор, произнес Правитель, оторвавшись, наконец, от бумаг, — каковы же итоги экономии?

— За последние три месяца, ваша милость, — хрипло заговорил Луций Пров, — мы должны были направить на чеканку монет для армии 2690 талантов¹ серебра. За счет увеличения лигатуры² с пяти до тридцати процентов удалось сэкономить 673 таланта. Его отправили на восток, где поменяли на золото по курсу 1:4,7 и получили 143 таланта. Доставив золото в страну и поменяв его на серебро по курсу 1:12,6, получили 1802 таланта серебра. Затем его снова отправили на восток и поменяли на золото. Таким образом, в результате экономии было получено 383 таланта золота. Бочки с отчеканенными из него монетами доставлены в известное вам место и надежно охраняются верными людьми.

— Верных людей не бывает, — криво усмехнувшись, заметил Тит Брицилл, — и вы это прекрасно знаете. — Людьюми правят страх и деньги. Поэтому иногда, заметьте, иногда, они бывают, как вы изволили выразиться, вер-

¹ Единица массы и счетно-денежная единица, используемая в античные времена.

² Содержание чистого золота в золотой монете или чистого серебра в серебряной монете называется пробой, а примесь других металлов — лигатурой.

ными. Правда, ровно настолько, насколько у вас хватит денег, чтобы им платить, или возможностей держать их в страхе. Ну это так, к слову, — продолжил Правитель, тяжело поднимаясь из-за стола. — Скажите-ка, Луций, а каковы результаты нашей экономии за полгода?

— Как я уже имел честь докладывать, — тихо произнес Луций Пров, — в последнее время мои расчеты существенно отличались от тех, которые производил покойный министр финансов...

— Насколько существенно? — перебил его Правитель. — Назовите цифры.

— Практически вдвое. Только за последний месяц разница составила более 38 талантов золота.

— То есть, — с трудом сдерживая закипающую в нем ярость, процедил Тит Брицилл, — вы утверждаете, что только за последний месяц этот алчный негодяй, этот презренный пес украл у меня столько золота?

— Если быть точным, — невозмутимо ответил начальник монетного двора, — 38 талантов, 37 фунтов и 21 унцию. Я готов представить доказательства.

— Доказательства? — испепеляя взглядом собеседника, вскричал Правитель. — Лучше бы вы представили мне украденное золото. 40 талантов в месяц! О боги! Где же вы были раньше с вашими доказательствами?

— Увы, я всего лишь скромный государственный служащий, — потупившись, сказал Луций Пров, — а министр финансов — мой непосредственный начальник. Я выполнял приказы и никогда ранее, до преждевременной кончины министра, не имел доступа к этой информации. Да, у меня были определенные подозрения, но, зная ваше отношение к Сергиусу Рону, я бы, признаюсь, никогда не посмел... Он вел себя очень уверенно и, давая указания о распределении сэкономленного золота в разные секретные хранилища, всегда ссыался на вас. Как я мог усомниться?

— Я не виню вас, Луций, — взяв себя в руки, уже спокойно заговорил Тит Брицилл. — Вы много лет точно и аккуратно выполняли все мои поручения. Все! И ни разу меня не подвели. Знайте, я ценю это. А теперь

слушайте внимательно и запоминайте. Я распоряжусь, чтобы вам предоставили возможность какое-то время поработать в кабинете министра финансов. Вы должны разыскать документы, касающиеся золота, украденного у меня этим неблагодарным проходимцем, и найти само золото. Его следует известным вам способом переправить в известные вам хранилища. Сделать это нужно до назначения нового министра финансов. А я не подпишу это назначение, пока золото не будет в надежном месте, а документы, касающиеся экономики не будут уничтожены. Однако поспешите, Луций, это в ваших же интересах. Вы преуспели на посту начальника монетного двора. Думаю, должность министра финансов могла бы стать следующим этапом вашей карьеры. После выборов, естественно, — вздохнул Правитель, — после выборов. А на выборы, как вы знаете, друг мой, нужны деньги, много денег. И то, что мы сумеем сэкономить сейчас, позволит в будущем реализовать наши планы. А сейчас идите, Луций, время позднее. И помните, я рассчитываю на вас.

— Вы всегда были добры ко мне, Правитель, — с чувством произнес Луций Пров. — Не сомневайтесь, все, что в человеческих силах и даже более того, будет сделано.

Покидая резиденцию, начальник государственного монетного двора исподволь думал о том, что помещения, в которых размещался покойный министр финансов, неплохо было бы переоборудовать. Он даже подсчитал в уме, во что это обойдется. На фоне «сэкономленных» средств — сущие пустяки.

Покидая рабочий кабинет, Правитель думал о том, что с учетом накопленных административных и финансовых ресурсов, его шансы выиграть следующие выборы и править третий срок, то есть еще семь лет, достаточно велики.

Он зябко повел плечами. «Завтра же распоряжусь заделать вентиляционные каналы из подвального помещения. Уж очень тянет сыростью».

Нарушив все существующие запреты, Дастин старался не задумываться о последствиях. Глядя на себя со стороны, он мог лишь удивляться. Столетия одиночества сделали его замкнутым и нелюдимым, образ жизни — абсолютно рациональным. Исполняя миссию, он не ведал ни жалости, ни сострадания. А тут вдруг повел себя как мальчишка. Нет, хуже, как жалкий фигляр. Этот нелепый маскарад на балу. Князь. Зачем? Как он мог позволить себе поселить в душе Юлии надежду? Надежду на что? У него впереди бездна времени, но нет будущего. Никакого. Что будет с ней, когда он исчезнет?

Эта необыкновенная девушка пробудила в нем воспоминания об Анне, которые делали его уязвимым. А потом два образа слились воедино, и теперь он уже не мог их разделить. Ощувив давно забытый вкус привязанности, симпатии и еще чего-то, очень похожего на любовь, Дастин не сумел преодолеть ниспосланное ему искушение. Он захотел снова, пусть ненадолго, но почувствовать себя человеком. Счастливым человеком. Ему не хотелось думать, какой ценой.

Он надеялся, что, пережив разлуку и разочарование, Юлия все равно утешится. Время залечивает самые глубокие душевные раны. Иначе эта планета давно была бы пуста и безмолвна.

Усилием воли прервав мучительные размышления, он поглядел на себя в зеркало и иронично усмехнулся. Когда-то давно, в другом времени и в другой стране, ему сказали, что он похож на падшего ангела или раскаявшегося демона. Как будто кто-то видел того или другого. Просто людям нравится жить во власти стереотипов, без которых большинство из них абсолютно беспомощны.

Сейчас из глубины зеркального отражения на него холодно смотрел князь Ингвар, получивший приглашение на обед к Правителю, что само по себе было большой честью, тем более для чужестранца.

Резвые кони, запряженные в щегольскую карету, живо домчали его до дворца. С трудом привыкая к тому, что кто-то может быть рад его появлению, Дастин подумал,

как же это приятно. Самообман, конечно, ну и пусть. Зато какой сладкий.

У центрального подъезда уже ожидал секретарь дворцовой администрации, который почтительно проводил князя Ингвара в гостиную, смежную с малым обеденным залом. Там, удобно расположившись в полукруглых креслах, о чем-то оживленно беседовали Вик Лициус и Квинт Юст. Прервав разговор, дабы поприветствовать князя, они явно сменили тему. Глава сената проявил живейшую заинтересованность объемами добычи алмазов и золота, а внимание начальника тайной полиции обратилось на пушной промысел в северных землях. Умело создавая видимость заинтересованного общения, каждый из них продолжал думать о своем.

Мысли Вика Лициуса были заняты престранным сообщением агента его личной секретной службы. Тот доносил, что один из начальников смены почетного караула, некто Марк Кабрий, раз в три дня с непонятной целью надолго уединяется в подвальном помещении резиденции Правителя, после чего каждый раз посещает дворец правительства. Крыс он, что ли, в подвале ловит для нужд правительства? О боги, чем только приходится заниматься...

Кроме того, первый сенатор был всерьез обеспокоен физическим и моральным состоянием своего воспитанника. Это следствие совсем вымотало его. А сегодня он выглядит и вовсе подавленным. Бледен. Круги под глазами. Бедный мальчик.

Квинт Юст тщетно пытался упорядочить свои мысли и сосредоточиться. Голова шла кругом. Все было уж слишком запутано и неправдоподобно. Очутившись в тупиковой ситуации, он все же решил поделиться информацией, полученной от Юлии, с Виком Лициусом. Для ее же блага. И для блага государства. Глядя на гостя, который вызывал в нем невольную симпатию, начальник тайной полиции думал о том, что все это может оказаться чудовищной мистификацией. Что, если он действительно князь, а никакой не Исполнитель? А если все же Исполнитель? Тогда получается, Квинт Юст сидит сейчас в

одной комнате с посланцем богов и болтает с ним о соболях, куницах, шиншиллах. Да уж...

Дастин, машинально поддерживая разговор, думал об Анне и Юлии, о своем предназначении и пути, с которого нельзя свернуть, о том, насколько неравновелик объем зла, накапливаемый разными людьми. Глядя на своих собеседников, он читал их, как раскрытую книгу. Безусловно, умны, хитры и коварны. Безусловно, готовы на многое ради карьеры, богатства и власти. Но не на все. Пока не на все. Им обоим кое о чем хотелось бы забыть и кое-что исправить. А значит, сосуд зла в них еще не переполнен и они не утратили право на жизнь. Это облегчает общение. Он предпочитал не знать тех, в отношении кого должен был исполнить миссию.

Размышления Дастина были прерваны появлением Гая Сервия с супругой.

— Вы едва не опоздали к обеду, Гай, — попенял ему первый сенатор, — наверняка Сабина долго не могла определиться с нарядом.

— Да нет же, Вик, — не удержался от насмешливой реплики Квинт Юст, — это Гай, в отличие от нас с вами, никак не мог оторваться от государственных дел. А потому Сабина пропустила все, что поведал нам князь о мехах, золоте и алмазах.

— Как жаль, — обезоруживающе улыбнулась Сабина, — надеюсь, князь не откажется повторить для меня самое интересное.

— Почту за честь, — слегка наклонив голову в сторону дамы, откликнулся Дастин.

Обычно веселый и общительный Гай Сервий сегодня почему-то был не в духе и совсем не расположен шутить. Он с трудом переносил присутствие князя Ингвара и с еще большим трудом это скрывал. Впрочем, как только гостей пригласили пройти в малый обеденный зал, где вскоре появились Правитель с супругой и дочерью, его скверное настроение будто бы улетучилось, хотя, скорее всего, было спрятано под непроницаемой маской слуги, осчастливленного быть гостем своего благодетеля.

Тит Брицилл, который, в отличие от Фелиции, терпеть не мог званые обеды, предпочитая есть в одиночестве или же в молчаливой компании Дуката, сегодня, как ни странно, не проявлял признаков раздражения и, судя по всему, был настроен весьма благосклонно.

Супруга Правителя понимая, что нынче ей отведена роль хранительницы семейного очага и любящей матери, играла ее превосходно. Облик Фелиции был как никогда преисполнен благородства и достоинства.

Юлия выглядела влюбленной и счастливой. Ее прекрасное лицо озарял свет внутреннего огня, который зажигает только первая любовь. Щедро расточая изысканные любезности, искрометные шутки и едкие остроты, успевая уделить внимание каждому, она, на самом деле, видела лишь Дастина и делала все это для него одного.

Когда подали десерт, беседа за столом заметно оживилась. Сначала женщины увлеченно говорили о моде, украшениях и последних событиях в свете, а потом с вежливым безразличием слушали разговоры мужчин о политике, экономике и финансах.

— Наши земли исключительно богаты серебром, — рассказывал гостю Вик Лициус, — а вот за золотом пока значительно выгоднее ездить на восток. У нас одна унция золота стоит тринадцать унций серебра, а на востоке — около пяти. Интересно было бы узнать, князь, каково это соотношение в ваших краях?

— В северных землях золото дороже серебра приблизительно в семь раз, — без особого энтузиазма отзывался Дастин.

— Отец, а почему бы нам просто не завоевать восток? — неожиданно вступила в разговор Юлия, не переставшая шутить и веселиться, — тогда все их золото сразу стало бы нашим, — ища поддержки этим своим словам, она обвела взглядом присутствующих. — Разве не так?

Первый сенатор и начальник тайной полиции, улыбаясь, переглянулись, а премьер на всякий случай сделал вид, что не расслышал.

— Дитя мое, — со вздохом произнес Правитель, обращаясь к дочери, — умерьте свой воинственный пыл

и предоставьте решать вопросы войны, мира и экономики тем, кому надлежит это делать.

Фелиция, желая сгладить некоторую неловкость, предложила гостям после десерта прогуляться в саду, а затем насладиться зрелищем диковинных заморских растений, доставленных накануне.

— Юлия, я надеюсь, вы не откажетесь показать князю гордость наших садовников — дворцовую оранжерею? А вы, дорогой Квинт, не составите ли компанию князю и нашей дочери?

Начальник тайной полиции воспринял слова Фелиции с таким энтузиазмом, будто непреодолимое желание посетить оранжерею не покидало его с самого утра.

Гай Сервий попытался было предложить свои услуги в качестве провожатого, но получил холодную отповедь супруги Правителя.

— Я думаю, Гай, — с милой улыбкой сказала она, — что молодым людям значительно интересней общаться между собой, чем с нами, взрослыми.

«Вот гадина, — смиренно опустив глаза, подумал Премьер. — Я ведь многое о тебе знаю, очень многое. А ты строишь из себя невесту кого. Ничего, ничего, скоро все изменится, и тогда посмотрим, где ты будешь, сластолюбивая распутная кукла».

Тем временем Юлия, Дастин и Квинт Юст уже покинули обеденный зал и направлялись через залитый золотом осени сад к помещению оранжереи.

Юлия чувствовала себя совершенно счастливой. Все вокруг виделось праздничным и радостным. Ей было так хорошо, что просто не хотелось ни о чем думать.

Квинта Юста не покидали мрачные мысли о том, что возглавляемое им следствие в глухом тупике, а он пока не видит никакого выхода. Не будучи уверенным в правильности своих намерений, он все же решил воспользоваться случаем и попытаться переговорить с таинственным гостем. В конце концов этот молодой человек был тогда в таверне. Вариантов всего два. Или он свидетель, который может дать показания, или Исполнитель, который... Который что? — Квинт Юст не знал. Здесь его логика

давала сбой и дальше не работала. Наверняка он знал лишь то, что просто обязан что-то предпринять. Во-первых, как друг Юлии. Во-вторых, как начальник тайной полиции. Или наоборот.

Дастин, увидев сегодня замысел Гая Сервия, в очередной раз убедился, что многими людьми, вкусившими больших денег и власти, движет не разум, а самые низменные чувства. Получивший от жизни все, корыстолюбец и записной ловец жаждал еще большего и хочет занять Юлию и власть или власть и Юлию, шантажируя ее отца. Однако при этом он отчаянно рискует. Ведь властью не делятся, а уж тем более не отдают добровольно и без борьбы. Кроме того, в этих играх никогда не обходится без предательства. Да и Тит Брицилл — серьезный противник, который располагает всем необходимым, чтобы уничтожить неблагодарного премьера как в переносном, так и в прямом смысле слова. Правитель всегда начеку. Он патронирует колоссальные финансовые махинации, потому что на следующие выборы, которые он намерен выиграть, нужны деньги, очень большие деньги. Хотя, если разобраться, все эти политические игры — мелкая мышиная возня, а политики всего лишь послушные марионетки в чьих-то умелых руках. Вместо того чтобы хоть изредка прислушиваться к шепоту вечности, порог которой им рано или поздно все равно придется переступить, они легко меняют отведенное время на деньги, не задумываясь над тем, что время бесценно и его нельзя купить или украсть.

А о Юлии позаботится он сам. Позаботится, хотя прекрасно знает, что Исполнители не вмешиваются в дела людей. Они только приводят в действие Механизм. А для того чтобы это произошло, задуманное людьми зло, увы, должно осуществиться.

Интересно, часто ли задумываются живущие о том, ради чего приходят в этот суетный мир и с чем уходят в вечность, пройдя свой короткий путь? Вряд ли.

Их жизнь подобна ярмарке, где все продается и покупается. Все, кроме времени и судьбы. Никто не в силах

бороться с тем, что предопределено. Ярмарочный балаган создает иллюзию радости и веселья. Хотя, в сущности, шумная пестрая толпа во многом состоит из безнадежно одиноких людей, удел которых — разочарование. В детях, в друзьях, в любимых, которые обманули их высокие ожидания и радужные надежды.

Если кто-то из них умирает, остальные не отменяют свой ужин и искренне скорбят ровно столько, сколько того требуют приличия. Теряя самых близких, тех, к кому приросли сердцем, они все равно переживают это. Едят, пьют, делают покупки, хотя сердца с каждым разом становятся все меньше.

И лишь трагедии, как это ни странно, иногда освещают жизнь, как короткие яркие вспышки истины. Они останавливаются на бегу, выглядывают из колеи и смотрят уже не глазами, а чем-то саднящим в районе солнечного сплетения. Ярмарка шумит. В балагане идет представление. Всегда одно и то же. Меняются клоуны. Меняются зрители. И те и другие, то смеясь сквозь слезы, то плача сквозь смех, стараются не думать о том, что их удел — одиночество и время их отмерено.

* * *

Разговор в оранжерее явно не клеился. Князь был отменно любезен, но не более того. Легко жонглируя ничего не значащими, но весьма уместными фразами, он непринужденно поддерживал светскую беседу, в контексте которой любая попытка начальника тайной полиции поговорить о чем-нибудь серьезном была бы совсем нестати.

Юлия, питая дружеские чувства и искреннее расположение к Квинту Юсту, предпочла бы теперь остаться в обществе гостя. Она этого и не скрывала.

Убедившись, что сейчас не место и не время для выяснения роли князя в труднообъяснимых событиях последней недели, начальник тайной полиции решил откланяться, сославшись на неотложные дела по своему

ведомству, связанные с трудно продвигающимся расследованием.

— Это связано с чередой самоубийств ваших политиков? — невзначай полюбопытствовал князь, продолжая любоваться экзотическими оранжерейными растениями. — Или у следствия есть другие версии?

Может быть, Квинту Юсту показалось, но в глазах его визави читалось нечто большее, чем простой интерес.

— Мы сейчас работаем со свидетелями по всем четырём эпизодам, — уклончиво ответил начальник тайной полиции.

— По четырем? — удивился князь. — Я знаю о трех случаях суицида — двое сенаторов и один министр, финансов, кажется. Или уже есть четвертый?

— И четвертый, и пятый. Грабители из таверны «Праведный путь». Или вы не слышали об этом? — Квинт Юст пристально посмотрел в глаза собеседника, надеясь прочитать там правду.

— Не только слышал, но и видел. Я невольно стал свидетелем разыгравшихся там событий, — невозмутимо ответил князь, а Юлия поглядела на Квинта Юста с укоризной. — Видите ли, дорогой Квинт, — продолжал он, — я много... путешествую и, оказавшись в новом месте, всегда интересуюсь жизнью и нравами простых людей. Где же, как ни в городских тавернах и портовых кабаках, можно увидеть реальную жизнь и услышать правдивую речь? Кроме того, я люблю хорошую кухню. А в «Праведном пути», который хвалили все горожане, действительно оказалось очень вкусно. Только вот не дали доесть, — театрально развел руками князь. — Однако, — продолжил он серьезно, — я готов свидетельствовать обо всем, что *увидел*.

— Вот там мы и познакомились, — тихо сказала Юлия. — Но вы, Квинт, это и так уже знаете. Даже не представляю, что было бы, не реши я в тот день обедать в «Праведном пути», — очень серьезно добавила она.

— А почему вы думаете, что происшествие в таверне как-то связано с самоубийствами политиков? — поинтересовался князь.

— Дело в том, — ответил начальник тайной полиции, — что на правых запястьях всех трупов — сенаторов, министра и грабителей из таверны — обнаружены абсолютно одинаковые треугольные красные знаки, как от ожога.

— Как интересно, — заметно оживился его собеседник.

— Да, причем примерно такого же размера и такой формы, как перстень, который вы носите на правой руке, — продолжал Квинт Юст, будто не замечая, что Юлия начинает терять терпение.

— Это очень старый перстень, — тяжело вздохнув, произнес князь. — Я ношу его всегда. Хотя слово *всегда* ровным счетом ничего не значит. Как и *никогда*, — добавил он.

— Ну что ж, милый Квинт, не смею вас более задерживать, — ласково, но твердо произнесла Юлия. — Вы мой друг, поэтому я дорожу вашим временем. К тому же скоро стемнеет, и я не успею показать князю те из наших цветов, которые закрываются на ночь.

Прощаясь с князем, начальник тайной полиции пригласил его быть гостем и участником ежегодных спортивных состязаний, которые на днях должны были состояться в столице, на что тут же получил согласие.

«Интересно, как бы он отреагировал, — думал Квинт Юст, покидая дворец, — спроси я у него: “Князь, а не вы ли, случаем, отправили к праотцам двух наших сенаторов, одного министра да еще парочку неудачливых грабителей?”. Если он действительно неуязвим и обладает сверхчеловеческими способностями, это должно как-то проявиться. Его нужно спровоцировать. Создать ситуацию, в которой он не сможет бездействовать. Тогда, по крайней мере, станет понятно, кто он в действительности. И если наш гость окажется обычным человеком, ну, в смысле князем, то я буду даже рад. А пока подумаем, чем нам здесь могут быть полезны ежегодные спортивные состязания».

— Да уж, денек выдался, — пробормотал Квинт Юст, садясь в карету, — впрочем, как и вся неделя.

Вернувшись домой, он наскоро переоделся, велел подать коня и тут же вскочив в седло, поскакал к морю. Завтра утром они встретятся с Виком Лициусом и все с ним обсудят, а сегодня ему нужен отдых. От людей и от мыслей.

Миновав городские окраины, он пустил коня в галоп. Вскоре показались знакомые очертания скалистого берега. Там, в небольшой бухте, надежно скрытой от посторонних глаз столетними соснами, склонившимися над берегом, он любил бывать один. Плавал до изнеможения, а потом лежал на разогретой за день гальке и ни о чем не думал. Это было, пожалуй, единственное место, где ему удавалось по-настоящему расслабиться.

Отдышавшись после скачки, Квинт Юст привязал лошадь к дереву, сбросил одежду и, быстро войдя в воду, поплыл. Море в такое время года уже не было достаточно теплым, но это его ничуть не смущало.

Солнце давно село, а полная луна, похожая на свежеспеченный блин, причудливо играя тенями деревьев, освещала каменистый берег.

Вдоволь наплававшись, Квинт Юст ничком упал на берег и закрыл глаза. Он с удовольствием вдыхал соленый морской воздух, приправленный запахами водорослей и хвои, лениво прислушиваясь к мерному шороху набегающих волн.

Наверное, он задремал. А может, и вовсе уснул. По крайней мере, придя в себя, начальник тайной полиции ощутил чье-то молчаливое присутствие. Не шевелясь и стараясь ничем не выдать, что уже бодрствует, Квинт Юст слегка приоткрыл глаза и тут же снова зажмурился. В нескольких шагах от себя он увидел Юлию, которая молча стояла на берегу и с интересом его рассматривала.

Безусловно, все это ему просто снится. Во сне Юлия была практически раздета или чуть-чуть одета в нечто очень странное. Маленькие треугольные лоскуты — один чуть побольше, два поменьше, едва прикрывали ее сияющую наготу. Она будто не узнавала Квинта Юста.

Начальник тайной полиции пребольно укусил себя за язык, но проснуться почему-то не получилось. Вжавшись животом в гальку, он плотно закрыл глаза в надежде, что когда снова их откроет, видение улетучится. Но нет. Чуть приоткрыв один глаз, Квинт Юст снова увидел девушку. Она уже сидела на берегу и, не обращая на него ни малейшего внимания, ловко бросала в воду морские камешки, заставляя их прыгать по набегавшим волнам.

Поспешно набросив на себя короткий плащ — первое, до чего он смог дотянуться лежа, Квинт Юст встал и, окончательно убедившись, что это не сон, направился к девушке.

— Что вы здесь делаете, Юлия? — тихо спросил он. — Вернее, как вы сюда попали? Я ведь оставил вас во дворце, в оранжерее... с князем. Ничего не понимаю. Да скажите же что-нибудь, наконец, не молчите.

Когда девушка заговорила, он понял, что это не Юлия. Голос был совершенно другим. Низким и чуть хрипловатым. И еще глаза. Квинт увидел, что глаза у девушки не зеленые, как у Юлии, а светло-светло серые, холодные и глубокие, как ледяная пропасть. Кроме того, на указательном пальце ее правой руки был массивный треугольный перстень, в точности такой же, как у князя Ингвара.

— Вы уже второй человек, который называет меня этим именем. Неужели кто-то действительно так похож на меня? — слегка растягивая слова и ничуть не смущаясь, произнесла она. — Да какая, впрочем, разница. Это не так уж интересно... Здесь очень чистое море, не правда ли? Давно такого не видела, — тут же сменив тему, произнесла она. — Не хотите поплавать? — неожиданно спросила девушка и, не дожидаясь ответа, встала, бесшумно вошла в воду и заскользила по лунной дорожке к горизонту.

Спустя четверть часа Квинт Юст заволновался. Вокруг были скалы и выйти из воды на берег эта странная незнакомка, как две капли воды похожая на Юлию, могла только тут.

«Да куда же она подевалась?» — всерьез обеспокоился начальник тайной полиции. — Неужто утонула? Хотя не похоже, плавает она превосходно. А что, если девушка мне просто привиделась? Галлюцинации на почве переутомления... Этого еще не хватало. Нужно побыстрее добраться домой, хорошенько выспаться, а завтра с утра — прямо к Вику».

* * *

Гай Сервий очень спешил. И еще он был донельзя зол. Этот непроходимый тупица, Марк Кабрый, явился сегодня где-то к полудню и принялся, сверяясь со своими безграмотными записями, рассказывать о том, что происходило накануне в кабинете Правителя. Слушая его монотонное повествование, премьер все более сомневался в целесообразности небезопасной аферы с подслушиванием. Сколько-нибудь ценная информация отсутствовала, а вероятность обнаружить себя возрастала. Он уже собирался было прервать своего соглядатая, как вдруг, услышав имя Луция Прова, насторожился. Когда же Марк Кабрый, с трудом разбирая собственные каракули, добрался до сути, Гай Сервий понял, что на такую удачу он не мог и рассчитывать. Испепеля взглядом горе-агента, из-за нерасторопности и глупости которого было потеряно столько драгоценного времени, премьер распорядился отменить все назначенные на сегодня встречи и велел подавать карету.

Сперва нужно получить аудиенцию Правителя и попробовать внести кандидатуру на пост министра финансов. Если Марк Кабрый не врет и ничего не напутал, то Тит Брицилл скорее всего найдет весомые аргументы для того, чтобы отложить этот вопрос, или просто ответит отказом по любому из соискателей. К тому же он будет вынужден уведомить премьер-министра, что поручил начальнику монетного двора нечто важное, требующее его временного присутствия в министерстве финансов. Тогда у Гая Сервия формально появятся основания незамедлительно отправиться туда, дабы встретиться с

Луцием Провом, который наверняка уже хозяйничает в кабинете покойного. Он или нашел то, что искал, или все еще ищет. И в том и в другом случае документы не должны были покинуть здание. Начальник монетного двора вряд ли откажет себе в удовольствии не спеша порыться в бумагах Сергиуса Рона. Репутация последнего дает основания полагать, что там найдется немало любопытных и полезных записей. Что ж, тем лучше. Луций Пров весьма неглуп и чрезвычайно алчен, а значит, может быть куплен. Недешево, конечно. Кроме должности министра финансов ему придется пообещать нечто существенное, возможно, несколько серебряных приисков. Позже, разумеется, когда я стану Правителем. Ну, а если он не согласится, тогда... Тогда будет видно.

Оказавшись вскоре в резиденции Тита Брицилла, премьер отметил царившее там непривычное оживление. Как оказалось, Юлии удалось уговорить отца по завершении ежегодных спортивных состязаний, которые должны были вскоре состояться в столице, устроить большой костюмированный бал. Эта новость активно обсуждалась придворными, особенно дамами. Времени для подготовки оставалось мало. А придумать и изготовить достойный маскарадный костюм было не так уж просто.

Принят он был на удивление быстро. Сидевший за столом Правитель нехотя оторвался от бумаг и вquisительно посмотрел на вошедшего. Аудиенция не была оговорена заранее, и Тит Брицилл ждал объяснений.

— Проходите же, Гай, — сдерживая раздражение, произнес он. — Проходите и говорите. Не сомневаюсь, произошло нечто из ряда вон выходящее. Я теряюсь в догадках. Нам объявили войну? Или мы напали на соседей? Нет? Тогда, наверное, вы хотите сообщить мне, что раскрыли заговор или предупредили государственную измену? Тоже нет? — в воздухе повисла пауза, воспользовавшись которой, Гай Сервий позволил себе заговорить.

— Правитель, — почтительно сказал он, преданно глядя в глаза Титу Брициллу, — рискнув оторвать вас от государственных дел, я руководствовался исключительно

государственными же интересами. Дело в том, что внезапная смерть министра финансов требует от меня, как главы правительства, во избежание возможных проблем с исполнением бюджета незамедлительно подать на ваше рассмотрение несколько кандидатур на эту должность. Что я и спешу сделать. Вот они, — и премьер, поклонившись, протянул Правителю принесенные с собой бумаги. — Я думал, — уже уверенней продолжал Гай Сервий, импровизируя на ходу, — что проведение ежегодных спортивных состязаний, а также костюмированного бала, который ранее не планировался, потребует дополнительного финансирования, и немалого. Потому и взял на себя смелость потревожить вас сегодня и просить до рассмотрения этого вопроса сенатом утвердить одного из предложенных кандидатов временно исполняющим обязанности министра финансов, — он замолчал, ожидая реакции Правителя.

Тит Брицилл поджал и без того тонкие губы и вперил пристальный взгляд своих бесцветных глаз в премьера.

— Ваше рвение, Гай, весьма похвально, — внушительно изрек Правитель, небрежно просматривая переданные ему документы, — весьма. И кандидатуры, нужно сказать, неплохие. Тем более приятно, что мы с вами мыслим в одном направлении, — вкрадчиво продолжил он. — Не далее как вчера вечером я отдал распоряжение начальнику монетного двора Луцию Прову временно, до утверждения сенатом нового министра, взять на себя исполнение этих функций. Уверен, он уже приступил к работе и, надеюсь, с ней справится.

— Несомненно, — с готовностью согласился Гай Сервий, — Луций Пров достойный человек и блестящий финансист. Я и сам собирался внести его в список в качестве соискателя, но в последний момент не решился. Все-таки руководство монетным двором требует полной отдачи сил, — он сделал паузу, но, не дождавшись реакции Правителя, продолжил. — С вашего позволения, я немедленно отправлюсь в министерство финансов, дабы представить его тамошним чиновникам и поподробней ввести в курс текущих дел.

— Лучше сделайте это завтра, Гай, — тоном, не допускающим возражений, ответил Тит Брицилл, — дайте человеку хоть день осмотреться.

— С его-то опытом? — попробовал было прекословить премьер, но тут же умолк, наткнувшись на удивленный взгляд Правителя.

— Надеюсь, вы услышали меня, господин премьер-министр? — тихо спросил Тит Брицилл, начиная выказывать явные признаки недовольствия.

— Разумеется, — с глубоким поклоном ответил Гай Сервий.

— Тогда я вас более не задерживаю, — произнес Правитель и снова склонился над бумагами.

«Значит, все правда, — подумал премьер, выходя из кабинета. — Получается, сейчас я не смогу навеститься в министерство финансов. Что ж, придется действовать иначе. В конце концов, не будет же Луций Пров сидеть там вечно. Он найдет то, что нужно Правителю, а может быть, и то, что окажется полезным ему самому, и потом с бумагами отправится домой. В резиденцию начальник монетного двора понесет их не ранее, чем завтра. Таким образом, я должен встретиться с ним не позднее завтрашнего раннего утра. Встретиться и попытаться договориться. А если не получится? Тогда я раздобуду эти документы иначе. Не хотелось бы, конечно, но что делать, что делать...»

Сев в карету, он решил не возвращаться сегодня во дворец правительства, а ехать сразу домой. По дороге Гай Сервий собрался было навестить начальника тайной полиции, который всегда располагал самой свежей информацией, и разузнать последние новости о ходе следствия и о ненавистном ему князе Ингваре, но потом передумал, рассудив, что лучше сделать это завтра, после встречи с Луцием Провом. Всему свое время.

* * *

Поставив на стол увесистую бутылку домашней сливовой настойки, Роб Свэнс вздохнул и отодвинул ее от себя подальше. Обвел взглядом как всегда обильный

стол, накрытый в каретной мастерской Лоя Мария, и наполнил свою чашу гранатовым соком.

Сам хозяин дома пребывал в весьма приподнятом настроении. За последнюю неделю ему удалось продать три самые дорогие кареты. Радостно потирая руки, он вспоминал, как легко, даже не торгуясь, уполномоченный правительства по делам закупок согласился на почти вдвое завышенную цену, названную Лоем Марием в ожидании долгого и изнурительного торга. Правда, оказалось, что в ремонте нуждается экипаж супруги уполномоченного, а кроме того, он изъявил желание приобрести для себя лично достойную, но недорогую карету.

«Все равно очень выгодная сделка, — удовлетворенно думал Лой Марий, — даже если я отдам ему третью карету бесплатно. Что ж, это нужно хорошенько отметить».

Руфус Филч пришел сегодня не один, а со своим двоюродным братом — архивариусом Барти Крузом, которого все участники вечерних посиделок хорошо знали и очень уважали. Вдвоем они с трудом втащили в мастерскую огромную корзину пирогов, кренделей, марципанов и других сладостей.

— Да ты, Руфус, никак человек на сто всего набрал, — удивленно поднял густые брови Лой Марий. — С чего бы это?

— Ах, друзья, — расплывшись в блаженной улыбке, проворковал кондитер, — дело в том, что я неожиданно получил большой и очень выгодный заказ. Представьте, наш Правитель решил после ежегодных спортивных состязаний провести большой костюмированный бал. Так вот, все мороженое, весь лимонад, все засахаренные фрукты там будут мои как поставщика двора, разумеется, — скромно добавил он и даже прищурился от удовольствия. Руфус Филч разумно умолчал о том, что вскоре после бала шеф-распорядитель дворцовой кухни женит своего сына и сладости на эту свадьбу поставляет тоже он, но уже по ценам, которые иначе как плевком в душу поставщика двора не назовешь.

Барти Круз, оказавшийся в каретной мастерской совершенно случайно, а вернее, благодаря настойчивости Руфуса Филча, был голоден. Поэтому, вдыхая ароматы копчений, солений и, конечно же, свежайшей пышной сдобы, с нетерпением ожидал начала трапезы. Наскоро позавтракав утром, он поспешил на встречу с Дастином, которая неожиданно затянулась, и вышло так, что пообедать архивариус не успел.

Симпатия к этому юноше, так внезапно появившемуся в его размеренной жизни, незаметно поселилась в сердце старика. Барти Круз теперь постоянно думал о нем и почему-то воспринимал Дастина не как Исполнителя, а как обыкновенного человека, причем очень и очень несчастливому. Рассказывая ему то, что удалось узнать из расшифрованных манускриптов, архивариус видел, какие сложные и противоречивые чувства испытывает его собеседник. Когда Барти Круз закончил свое повествование, они оба долго молчали.

— То есть вы полагаете, — тщательно подбирая слова, заговорил Дастин, — что *она* могла повторить мою участь?

— Таковую вероятность нельзя исключить, — развел руками архивариус.

— Послушайте, если хоть на минуту представить, что это действительно так, что это возможно, то... она, она ведь ничего не будет помнить, понимаете вы, ничего, — почти простонал юноша.

— Но вы-то помните, — резонно заметил Барти Круз, спокойно глядя ему в глаза.

— Вы даже не представляете, что сделали для меня, Барти, — спустя какое-то время тихо произнес Дастин. — Вы помогли мне узнать правду. И еще подарили крупицу надежды, а это — очень много. Теперь я ваш вечный должник. Да уж, действительно *вечный*, — с грустной иронией добавил он.

Поняв, что молодой человек хочет побыть один, чтобы как-то осмыслить полученную информацию, Барти Круз тепло попрощался с ним и не спеша побрел по

тусклому осеннему городу, не переставая думать о череде невероятных событий, происшедших за последнее время.

Предаваясь философским мыслям о превратностях судьбы, он вдруг сообразил, что находится совсем неподалеку от кондитерской Руфуса Филча, и тут же решил проведать двоюродного брата, гостеприимный дом которого так поспешно покинул в прошлый раз.

— Как же ты вовремя, Барти, — искренне обрадовался его появлению кондитер и расцеловал в обе щеки. — В прошлый раз ты ушел, да какое там ушел, убежал так неожиданно, что я уж подумал, не стряслось ли чего. Ты ведь не занят вечером, правда? Сам же говорил, что в отпуске. Ну вот и славно. Я, знаешь ли, заказ сегодня хороший получил, — не делая пауз и не давая архивариусу вставить ни единого слова, восторженно тараторил Руфус Филч. — Вот ликеров с собой захватил к сладостям, чтобы отметить. А Роб Свэнс наверняка сливовой настойки принесет, которую Мерион делает. Посидим у Лоя Мария, поболтаем, поужинаем. Поверь, Барти, тебе все будут рады. И даже не думай отказываться, — замахал он руками, когда Барти Круз в очередной раз попробовал было открыть рот. — Да и кто мне поможет корзину эту неподъемную нести? Слушать ничего не хочу.

Когда участники застолья удобно расселись на массивных деревянных стульях, изготовленных хозяином из отходов каретного производства, и наполнили тарелки изрядным количеством закусок, Лой Марий принялся разливать по кубкам сливовую настойку. Ликеры, принесенные кондитером, решено было оставить к десерту.

— Роб, ты сегодня скучный какой-то, — удивленно заметил хозяин дома. — Сидишь, прямо как в воду опущенный. Глядите-ка, — призвал он в свидетели кондитера с архивариусом, которые, не дожидаясь официально-го приглашения к началу трапезы, уже усердно жевали, — он, оказывается, почти целый кувшин гранатового сока успел выпить. Давай-ка, дружище, подставляй кубок, я тебе настойки лучше плесну.

— Я сегодня пить не буду, — произнес в ответ Роб Свэнс. Лицо начальника смены почетного караула выра-

жало мрачную решимость, которая давалась ему, видимо, с большим трудом.

— То есть как это — не будешь! — в один голос воскликнули Лой Марий и Руфус Филч. Барти Круз счел, что это его не касается, и продолжал с аппетитом жевать.

— Ты никак захворал, Роб? — участливо осведомился кондитер. — А может, приказ какой по службе вышел, — тут же предположил он, — что так мол и так, начальникам смены почетного караула пить теперь не положено. Вообще, — погрозив пальцем неизвестно кому, важно добавил он.

— Да какой там приказ, — в сердцах отмахнулся Роб Свэнс. — Если бы приказ, так это еще полбеды. Сам решил. Вот так. И не вообще, — он исподлобья посмотрел на Руфуса Филча, — а только накануне караула.

— С какой это радости вдруг? — продолжал недоумевать Лой Марий. — С Мэрион, что ли, поругался?

— Ни с кем я не ругался, просто... так получилось.

Тут Роб Свэнс не выдержал и рассказал друзьям о странном видении во время прошлого караула в Парке, которое он приписывал исключительно пагубному влиянию сливовой настойки в больших количествах.

— Да ничего тебе не померещилось, Роб. И никакой ты не пьяница, — рассудительно произнес Лой Марий. — Просто уставший был, задремал слегка и сон увидел. Вот так. И нечего тут расстраиваться. Это хорошо еще, что госпожа Юлия привиделась, а не кто-нибудь другой, покойный сенатор Лок хотя бы. Давайте-ка, друзья, выпьем за здоровье Роба, — бодро подытожил он и тут же осушил кубок. Руфус Филч с готовностью последовал его примеру.

Барти Круз выслушал историю Роба Свэнса, затаив дыхание. Он ни секунды не сомневался, что это был не сон. Тогда что же? Получается нечто совершенно необъяснимое. Дастин утверждает, что дочь Правителя как две капли воды похожа на Анну, которая много столетий назад была его невестой. В Парке Защитников и Покровителей вдруг появляется девушка, которую начальник смены почетного караула принимает за дочь Тита

Брицилла, Юлию. Таких совпадений не бывает. А что если это он сам спит и все, якобы происходящее наяву, ему просто снится? Архивариус ущипнул себя за руку, потом за нос, но ничего не изменилось. Он не проснулся, а значит, и не спал.

* * *

Размышляя о вечной и непостижимой гармонии природы и столь же вечном и непостижимом хаосе человеческого бытия, Вик Лициус ожидал прибытия Квинта Юста. Меряя шагами свой прохладный темный кабинет, первый сенатор изредка поглядывал в окна и прислушивался к шуму одиноких в такое раннее время экипажей.

«Наверное, что-то серьезное заставило Квинта просить о встрече с самого утра, — обеспокоенно подумал глава сената. — Я даже удивился, прочитав его записку, переданную посыльным. Впрочем, если бы произошло нечто из ряда вон выходящее, мне бы наверняка уже доложили. Значит, это что-то, о чем знает он, но не знаю я. Интересно, интересно...»

В это время в приемной слышались шаги, а затем приглушенные голоса. Офицеры охраны и секретари знали, что начальник тайной полиции пользуется привилегией входить к первому сенатору без доклада. Увидев своего воспитанника, Вик Лициус не на шутку встревожился.

— Что стряслось, Квинт? — обеспокоенно произнес глава сената. — Ведь мы с вами расстались не далее, как вчера вечером. Но едва я успел проснуться, мне передали вашу записку с просьбой о встрече. Мальчик мой, я всегда искренне рад вас видеть и, честно говоря, сам собирался пригласить вас сегодня на ужин. Однако, позвольте полюбопытствовать, к чему такая спешка?

Начальник тайной полиции какое-то время молчал, видимо собираясь с мыслями. Потом тихо заговорил:

— Вы знаете, Вик, что ближе вас у меня никого нет. Я люблю вас как отца и почитаю как учителя. Вашу дружбу я не променял бы ни на какие земные блага. И

убил бы любого, посмеявшего умышлять против вас. Это правда, поверьте.

Глаза Вика Лициуса увлажнились. Он обнял Квинта Юста и нежно погладил по волосам.

— Только вам одному, — продолжал молодой человек, — я могу доверить чужую тайну, хотя до конца не уверен, что вправе это делать. И если бы здесь не были замешаны интересы государства, а главное — интересы моего друга, вернее подруги, девушки, которую я с детства люблю как брат...

— Погодите, погодите, — прервал его первый сенатор, — давайте-ка все по порядку, а то вы меня так совсем запутаете. Скажите на милость, интересы какого друга или подруги представляют для вас, Квинт, такую ценность, что ради них вы готовы поступиться государственными?

— Вы меня неверно поняли, Вик, — с досадой воскликнул начальник тайной полиции.

— Я вас вообще не понял, — откликнулся Вик Лициус. — Скажите, Квинт, — поинтересовался он, — а вы завтракали сегодня? Нет? Я так и думал. Вот с этого мы, пожалуй, и начнем, а дальше, глядишь, все станет на свои места.

Распорядившись о завтраке, глава сената усадил своего гостя за стол в небольшой уютной комнате, смежной с рабочим кабинетом. Когда им подали финики, оливки, сыр, лепешки и холодное мясо, Вик Лициус разлил в чаши охлажденный виноградный сок, смешанный с небольшим количеством меда.

— А теперь рассказывайте, Квинт, я весь — внимание, — произнес он, поудобнее устраиваясь в мягком кожаном кресле.

— Ну что ж, дорогой Вик, тогда слушайте и ничему не удивляйтесь, — уже спокойно сказал начальник тайной полиции, вновь обретя обычные рассудительность и невозмутимость. — Во-первых, я нашел девушку из таверны, вернее, она нашлась сама. Это Юлия, дочь нашего Правителя. Во-вторых, я, кажется, нашел Исполнителя и даже успел с ним познакомиться. По всей вероятности, это

милейший князь Ингвар, с которым мы с вами имели удовольствие отобедать вчера у Правителя. Юлия без памяти влюблена в него, а Тит Брицилл с Фелицией видят в нем потенциального жениха своей дочери. О том, что она была в таверне, не знает никто, кроме меня, а теперь и вас, как и о том, что с князем они познакомились не на балу во дворце, а в таверне «Праведный путь». В-третьих, вчера вечером, ближе к ночи, на берегу моря я встретил девушку необыкновенной красоты, как две капли воды похожую на Юлию. На ней почти не было одежды, зато на указательном пальце правой руки был массивный треугольный перстень, в точности такой, как у князя Ингвара. Заметьте, следы на всех наших трупах тоже треугольные. Так вот, я хорошо ее рассмотрел и даже говорил с ней. От Юлии ее отличают лишь голос и глаза. Голос низкий и чуть хриловатый, а глаза не зеленые, как у дочери Правителя, а прозрачно-серые и холодные, как лед. В остальном — точная копия. Потом она уплыла и больше не вернулась. Надеюсь, что это не было галлюцинацией. Вот вкратце все, что я хотел вам рассказать.

Первый сенатор сидел с непроницаемым выражением лица и монотонно барабанил пальцами по столешнице. Он превосходно умел держать себя в руках и не подал виду, что информация, так лаконично изложенная Квинтом Юстом, произвела на него весьма сильное впечатление.

— Вы наверняка знаете, что говорите, Квинт, — медленно подбирая слова, заговорил Вик Лициус, — но все это более чем серьезно. Если вы не стали жертвой какой-то чудовищной мистификации или розыгрыша, хотя последнее маловероятно, то изложенное вами следует тщательнейшим образом перепроверить. А для начала расскажите-ка мне все по порядку еще раз, но уже не тезисно, а так подробно, как только сможете. И постарайтесь ничего не упустить, ни малейшей, самой незначительной детали.

Тяжело поднявшись, глава сената прошел в кабинет и распорядился перенести все встречи, запланированные в первой половине дня, на другое время.

— В ближайшие несколько часов меня ни для кого нет, — сухо произнес он, обращаясь к секретарю. — Вы меня услышали, ни для кого.

— А теперь, Квинт, — сказал Вик Лициус, вернувшись в комнату, где оставил начальника тайной полиции, — мы с вами будем обсуждать факты, которыми располагаем, тщательно анализировать их и думать. Хорошо думать. Это, несомненно, поможет нам принять единственно правильное решение. Хотя ситуация, скажу я вам, — он покачал головой, — захочешь, не придумаешь. — Однако за дело, мой друг, время не терпит.

* * *

Тревожные мысли вот уже вторые сутки не покидали Сабину. Смутная тоска и дурные предчувствия терзали ее любящее сердце. Привыкнув к тому, что супруг часто обращается к ней за советом и делится многими мыслями и проблемами, включая те, которые с женами обыкновенно не обсуждают, на этот раз она была напуганна и, более того, глубоко уязвлена.

Гай рассказал ей о своем ужасном замысле. Слушая его, Сабина решила, что ее дражайший муж просто повредился рассудком. Только сумасшедший может, достигнув всего и потратив на это долгие годы и титанические усилия, поставить на карту благополучие семьи и будущее детей, свободу и саму жизнь ради достижения немного большего. Одна единственная ступенька может стоить всего. Оступившись на ней, можно оказаться в лучшем случае у подножья лестницы, а в худшем... Об этом было даже страшно думать. Ее отчаянные попытки убедить супруга пока не поздно отказаться от своих намерений оказались тщетными. Всегда считаясь с мнением жены и прислушиваясь к ее советам, на этот раз он оставался непреклонен.

Но более всего угнетало другое. Она была достаточно умна и прозорлива, чтобы понять то, что не было сказано. Раньше Гай без стеснения обсуждал с ней свои частые амурные похождения. И пока это было так,

Сабина понимала, что все не настолько серьезно, чтобы страдать и мучиться. Просто ее обожаемый муж так устроен. Он, безусловно, любит ее, но иначе, не так, как другие мужья. Они доверяют друг другу, а значит, их отношения выше банальной ревности. Однако в случае с Юлией все было иначе. Гай и словом не обмолвился о своих чувствах к ней, как будто этого можно было не заметить. И если раньше Сабина думала, что они угаснут так же быстро, как вспыхнули, то сейчас она уверилась в том, что ее супруг влюблен всерьез и надолго. Пока Юлия — дочь Правителя, она недостижима для притязаний Гая. Но если его замысел увенчается успехом, долго подавляемая страсть выплеснется наружу. И что же дальше? Какая роль тогда будет отведена ей, Сабине, матери его детей? Правда, Юлия не так проста, чтобы пойти на поводу у кого бы то ни было. Она умна, самостоятельна и строптива. Кроме того, сейчас она влюблена в князя Ингвара. Вот если бы они поженились или хотя бы обручились, это спутало бы все планы ее мужа. И, может быть, идея о достижении верховной власти уже не казалась бы ему такой привлекательной. Может быть...

На какой-то короткий миг Сабина вдруг подумала, что если бы Юлия умерла, Гай, скорее всего, отказался бы от своей безумной затеи, но тут же устыдилась своих невольных мыслей.

Ей не с кем было поделиться и уж тем более посоветоваться. Впрочем, она никогда и не стала бы этого делать. Будучи женщиной рассудительной и хорошо понимая, как опасно доверять кому бы то ни было, супруга премьер-министра была обречена хранить молчание и уповать на милость богов.

Появившись на половине жены вечером, Гай Сервий сказал, что не будет ужинать дома. Выглядел он скверно. Нездоровый румянец покрывал его щеки от самых скул, глаза лихорадочно блестели, а плотно сжатые губы имели землистый оттенок. На вопрос Сабины, велел ли он закладывать карету, муж нехотя ответил, что предпочитает проехать верхом. Она привыкла не задавать лишних

вопросов, не желая слышать ложь и зная, что правда иногда может быть не весьма утешительной.

Когда за окнами растаял звон копыт, Сабина почувствовала себя несчастной и опустошенной. В одночасье вспомнились все давние обиды и разочарования. Она как никогда остро ощутила, что для мужа, которого любила больше жизни, всегда была лишь средством, незаменимым инструментом для достижения поставленных целей. Ей вдруг стало нестерпимо больно. Как будто огнем жгла изнутри боль и обида. Женщина обессилено опустилась на пол и, уткнувшись лицом в мягчайший ворс персидского ковра, горько заплакала. Сначала тихо, а потом вслух, захлебываясь душившими ее рыданиями, как плачут простолюдинки.

Исчерпав запас слез и вернув себе способность здраво мыслить, она обреченно подумала о том, что любовь — недуг, с которым невозможно бороться и который следует принимать как данность. Все равно придет, когда захочет, и уйдет, когда пожелает. Что ж, раз так, значит нужно просто научиться обесценивать свои потери и жить как получается. С этой мыслью Сабина встала, привычно распрямила спину, подняла голову и, поправив прическу, направилась в сторону детских комнат, дабы поцеловать на ночь единственные в мире создания, которые любили ее просто потому, что любили. Ни за что. Пока ни за что.

Исполнитель часто думал о том, как бывают люди жестоки к своим близким. Буднично раня их обидами, не балуя вниманием, недодавая участия и тепла, они начинают понимать это, увы, только тогда, когда ничего уже нельзя ни изменить, ни исправить. А те лишь терпят и молчат, потому что любят и не умеют бороться с черствостью тех, кого любят. Правда, уходя, оставляют их наедине с собственной совестью. И еще — с воспоминаниями, от которых нет спасения. Только глаза из глубин беспощадной памяти пронзительно и беззащитно смотрят в самое сердце: «Что ж ты так?».

Спешившись на некотором расстоянии от дома начальника монетного двора, Гай Сервий привязал лошадь, огляделся по сторонам и, опустив на лицо капюшон плаща, бесшумно двинулся по пустынной улице, тускло освещенной лунным светом.

Марк Кабрый сообщил ему, что Луций Пров покинул здание министерства финансов и, никуда не заезжая, отправился домой, где сейчас и находится. Зная, что дети его давно живут отдельно, а жена сейчас гостит у родственников, премьер-министр рассчитывал застать хозяина одного. Взявшись за дверной молоток, он сначала прислушался, а уж затем постучал. Спустя некоторое время за дверью послышались тяжелые шаги и недовольное сонное бормотание.

— Наверное, эти безмозглые соседи снова ищут свою кошку, — бубнил себе под нос Луций Пров, освещая канделябром темный коридор. — Но я-то тут при чем? Ведь только-только уснул, — сокрушенно вздохнул он и, лязгая засовами, отворил тяжелую дверь.

Увидев на пороге закутанного в плащ мужчину, в котором спустя мгновение узнал Гая Сервия, начальник монетного двора удивленно поднял густые брови и встряхнул головой, словно отгоняя остатки сна.

— Я вижу вы в недоумении, Луций, — широко улыбаясь, произнес премьер-министр. — Не переживайте, друг мой, ничего страшного не произошло. Просто мне необходимо обсудить с вами один вопрос государственной важности, и это не терпит отлагательств.

Луций Пров, окончательно проснувшись, но все еще мало что понимая, с поклоном пригласил своего непосредственного начальника и нежданного гостя в дом. Зажег свечи в гостиной и, извинившись за отсутствие прислуги, которая ему, когда нет жены, только мешает, с неожиданными для его комплекции легкостью и быстротой подал вино, воду и легкие закуски. Усевшись напротив Гая Сервия и уже перебрав в уме десятки догадок, ни одна из которых не соответствовала истине, он весь обратился в слух.

— Не далее как вчера я имел возможность и удовольствие беседовать с нашим Правителем, — со значением сказал премьер. — В числе прочего мы обсуждали кандидатуры на пост министра финансов, который стал вакантным после смерти Сергиуса Рона. Так вот, доложив Правителю о вашем служебном рвении, государственном подходе и, что самое главное, немалых успехах в должности начальника монетного двора, я счел возможным предложить вашу кандидатуру, Луций. Да-да, именно вашу. И, представьте, мне даже не пришлось его убеждать. Наши мнения полностью совпали. Так что, уверен, в недалеком будущем вы станете полноправным членом правительства и многого, очень многого добьетесь на этом поприще.

— Я весьма польщен, ваша милость, — заговорил ошеломленный начальник монетного двора, все еще недоумевая, в чем же состоит истинная цель ночного визита столь высокого гостя, — и безмерно благодарен премьер-министру, — он почтительно склонил голову в сторону собеседника, — и нашему дорогому Правителю за добрые слова и высокую оценку моих скромных трудов.

Луций Пров замолчал, полагая, что Гай Сервий теперь приступит к обсуждению того самого безотлагательного вопроса государственной важности, который стал причиной его неожиданного ночного визита. И не ошибся.

— Дело в том, Луций, — понизив голос, будто кто-то мог их услышать, обратился к нему премьер, — что Правитель поручил мне срочно доставить ему те бумаги, о которых вы позавчера вечером с ним говорили и которые вчера вам удалось разыскать в кабинете покойного Сергиуса Рона.

В воздухе повисла долгая пауза. «Что-то здесь не так, ох, что-то не так, — лихорадочно думал Луций Пров. — Не мог Правитель рассказать ему о золоте. Просто не мог. Ведь это оружие против него самого. Тогда откуда же Гай Сервий знает о нашем разговоре? Ничего не понимаю. Хотя... если бы Тит Брицилл действительно хотел, чтобы я отдал документы премьеру, то передал бы мне

записку, запечатанную его личной печатью. Тогда было бы другое дело. И, кроме того, зачем ему ночью эти бумаги? Ведь он велел мне доставить их утром. Что же делать?»

Решение вдруг пришло само собой. Он не хотел и, честно говоря, боялся отказывать премьер-министру, но еще больше боялся навлечь на себя гнев Правительства и навсегда лишиться его покровительства.

— Извольте, ваша милость, я немедленно передам вам то, за чем вы приехали и что так срочно понадобилось Правителю, — произнес начальник монетного двора и грузно поднялся из-за стола. — Кстати, — добавил он, — вы так и не попробовали вино, а оно того заслуживает. — В подтверждение своих слов Луций Пров поднял кубок и не спеша, с видимым удовольствием сделал несколько глотков. — Сейчас я подготовлю документы, это займет не более нескольких минут.

Оставив Гая Сервия одного, весьма озадаченный и еще более встревоженный начальник монетного двора поспешно направился в рабочий кабинет, где, взяв первые попавшиеся под руку бумаги и убедившись в том, что они не представляют особой ценности, тщательно их упаковывал, запечатал личной печатью и вернулся к своему гостю.

— Да уж, ваше вино, Луций, действительно выше всяких похвал. Откуда вам его доставляют? — беззаботно поинтересовался Гай Сервий и, не дожидаясь ответа, протянул руку за свертком с документами. Однако, увидев печать, недовольно поморщился.

— Неужто вы могли подумать, что Правитель отвел мне роль простого посыльного? — с видом оскорбленного достоинства воскликнул он. — Мне, премьер-министру? Не ожидал от вас, просто не ожидал. Я обязан убедиться, что это именно те бумаги, которые ему нужны.

С этими словами Гай Сервий, не раздумывая, сломал печать и, мельком взглянув на документы, недобро ухмыльнулся. — До чего же вы невнимательны, милейший, — покачал он головой, пристально глядя на Луция Прова. — Или, по-вашему, я похож на простака, который не знает за чем пришел?

Окончательно убедившись в том, что его хитрость не удалась, а премьер играет свою собственную игру, к которой Правитель не имеет ни малейшего отношения, начальник монетного двора, будто бы вспомнив что-то, хлопнул себя по лбу:

— Что делать, старею. Видят боги, старею. Память уже не та, что раньше. Да и умаялся вчера за день в министерстве. Только уснул, тут ваша милость на порог. Я и запамятовал, что вечером по поручению Правителя еще в казначейство заезжал, а по дороге все бумаги специальным курьером в резиденцию отправил. Так что там они, в целости и сохранности. Секретари, видимо, ввиду позднего времени не доложили.

— Что ж вы сразу-то не сказали? — просветлел лицом Гай Сервий. — Вот все и прояснилось, вот и славно. Значит, получается, зря я потревожил ваш сон да и свое время понапрасну истратил.

Луций Пров с облегчением вздохнул. Пронесло, кажется. Хотя как-то подозрительно легко.

Тем временем премьер-министр допил содержимое своего кубка и, безмятежно улыбаясь, обратился к хозяину дома:

— А все-таки вино у вас отменное. Я бы с удовольствием купил такого впрок. Если вы готовы поделиться поставщиком, разумеется.

Начальник монетного двора согласно закивал головой и, поспешив заверить высокого гостя, что его поставщик сочтет за честь снабжать наилучшими винами такую важную персону, снова наполнил кубки.

— А у вас прохладно, однако, — поежился Гай Сервий.

Огонь в камине действительно почти погас, и лишь несколько раскаленных головешек отдавали последнее тепло остывающему очагу. Луций Пров, сетуя на собственную невнимательность, тут же подбросил в зев грубо сложенного камина несколько небольших поленьев и принялся умело орудовать железными щипцами и кочергой.

Не отрывая глаз от стоявшего к нему спиной начальника монетного двора, премьер быстро сдвинул верхнюю

часть золотого перстня, украшавшего его правую руку и, высыпав половину содержимого небольшой полости в кубок хозяина дома, принялся беззаботно насвистывать себе под нос какую-то веселую мелодию.

Когда огонь разгорелся и его отблески причудливо заиграли на лицах мужчин, Гай Сервий поднял свой кубок. Луций Пров тут же последовал его примеру. Пили они не спеша, с видимым удовольствием смакуя благородный напиток.

— А теперь, Луций, послушайте меня очень внимательно, — безмятежно улыбаясь, произнес премьер. — Только что вы выпили яд. Смертельный яд. Спустя несколько минут он начнет действовать. А умрете вы, ну... где-то через четверть часа, в страшных мучениях. Если не примете противоядия, разумеется. Оно у меня есть, не волнуйтесь.

Начальник монетного двора побледнел, как мел, и инстинктивно схватился обеими руками за горло.

— Так что нам, наверное, не стоит терять время, не так ли? — вкрадчиво продолжал Гай Сервий, глядя в глаза обезумевшему от страха собеседнику. — Вы ведь уже чувствуете жжение в горле? Вижу, вижу, что чувствуете, — удовлетворенно констатировал он. — Таким образом, у вас есть от силы пять минут, чтобы отдать мне бумаги, которые, поверьте, не стоят того, чтобы из-за них умирать. После этого я дам вам выпить противоядие. Как видите, все просто.

Превозмогая оцепенение, сковавшее все его члены и ощущая нарастающую жгучую боль в горле и желудке, начальник монетного двора с трудом добрался до кабинета, дрожащими руками взял документы и, вернувшись, тут же протянул их Гаю Сервию.

— Берите, это то, за чем вы пришли. И дайте же скорее противоядие, ведь я умираю, — взмолился Луций Пров слабым голосом, полным боли и отчаяния.

— Да-да, непременно, друг мой, — ответил премьер-министр, с довольным видом просматривая лежавшие перед ним бумаги. С этими словами он, не спеша, налил в кубок хозяина дома воды и, высыпав туда вторую часть

содержимого своего перстня, подал кубок Луцию Прову, лицо которого уже начало покрываться предсмертной испариной. Судорожные глотательные движения давались ему с большим трудом. Вдруг страшная истина озарила его утасаживающее сознание, а лицо умирающего исказила невыносимая мука.

— Убийца... Проклинаю, проклинаю... — успел тихо прошептать он, бессильно сползая на пол, и тут же глаза его закатились, а темная кровь хлынула горлом, заливая все вокруг.

Тщательно сложив бумаги, Гай Сервий спрятал их под плащом, потом убрал со стола вино и посуду. Немного помедлив, он подошел к камину и, взяв железные щипцы, стал не спеша переворачивать ими весело горящие головешки.

Не выпуская из рук раскаленных щипцов, премьер-министр приблизился к неловко лежащему на каменном полу телу Луция Прова. Носком сапога развернул правую руку покойного в удобное для себя положение и трижды приложил край щипцов к его запястью, пытаясь изобразить треугольник. Скептически разглядывая результат, Гай Сервий подумал, что получилось совсем неплохо. Оглядевшись вокруг, он залил очаг остатком воды и направился к выходу. Потом вернулся, зашел в кабинет хозяина дома и сгреб со стола все бумаги, с которыми тот, видимо, совсем недавно работал. Вдруг пригодятся.

Он не спешил, не боялся и не испытывал ровным счетом никаких угрызений совести. Когда есть цель и она того стоит, все средства хороши для ее достижения.

Выйдя на улицу, он медленно двинулся в ту сторону, где оставил коня. Луна скрылась за плотными облаками, и идти приходилось практически в полной темноте, едва ли не на ощупь. Неудивительно, что Гай Сервий, хладнокровно совершивший сегодня первое в своей жизни убийство, не заметил внимательно наблюдавшего за ним мужчину, тонкая фигура которого сливалась с непроглядной ночной мглой.

Исполнитель думал о том, что никто не знает, на что способен он сам и уж тем более окружающие.

Поэтому ручаться нельзя ни за кого, за себя — тоже. Этот только что стал убийцей, хотя еще неделю назад не помышлял ни о чем подобном. Теперь у него есть цель, ради которой он готов на все, включая убийство. Одни убивают ради власти, другие из-за денег, кто-то от любви, кто-то из ревности. Солдаты всех войн, которые знало человечество, тысячами и даже миллионами убивали себе подобных. Но становились ли они при этом убийцами? Герои всех революций, начертавшие на своих знаменах лозунги справедливости и добра, массово уничтожали тех, кто не разделял или не понимал их идеалов. Люди убивают друг друга из-за цвета кожи, языка, молитвы и инакомыслия. Что ж, таковы законы жанра. Убивает палач, исполняя чужую волю, облаченную в одежды правосудия. Убивает система, наделившая себя таким правом именем воинствующего большинства. Мужчины с удовольствием убивают животных, называя это охотой. Женщины убивают детей в утробе, называя это абортom. Не становятся ли соубийцами ученые, создающие оружие массового уничтожения? И, наконец, все вместе и каждый в отдельности, кроме самых просвещенных и просветленных, убивают время, а значит, и самих себя. Убивают легко, безоглядно, повсеместно и постоянно.

* * *

Матери многих девушек на выданье заглядывались на Квинта Юста, втайне надеясь привлечь его внимание к своим ненаглядным чадам. Сам же начальник тайной полиции, оставаясь неизменно любезным и галантным кавалером, пока что не помышлял о женитьбе. Отношения с женщинами он умел строить тонко и деликатно, не превращая их ни в драму, ни в фарс и не обременяя себя при этом серьезными обязательствами. Увлекаясь, Квинт Юст никогда не терял голову и, как правило, быстро разочаровывался в очередном предмете своего увлечения. Одни молодые особы казались ему недостаточно умны-

ми, другие — недостаточно красивыми, третьи — недостаточно чувственными.

Как-то вдруг оказалось, что всех их он невольно сравнивал с Юлией. И эти сравнения всегда были далеко не в пользу многочисленных претенденток на место в его сердце и его жизни. Любя дочь Правителя, как можно любить сестру или друга, начальник тайной полиции видел в ней девушку своей мечты, эталон, на который обязательно должна была походить его будущая избранница. Квинт Юст не искал ее. Он просто ждал.

Ночная встреча на морском берегу с удивительной девушкой, похожей на Юлию, как сестра-близнец, неожиданно разбудила в нем какие-то спавшие доселе чувства. А пронзительная манящая глубина холодных серых глаз стала преследовать его как наваждение. Однако ее внезапное появление и странное исчезновение давали пищу для сомнений в реальности случившегося. Он почему-то все больше задумывался: произошло это на самом деле или было видением, результатом его чрезмерной усталости и плодом богатого воображения?

После разговора с Виком Лициусом Квинт Юст решил нынче же вечером отправиться в свою любимую бухту. Зачем? Формально для того, чтобы попытаться обнаружить какие-нибудь следы пребывания там таинственной незнакомки. А на самом деле — питая надежду снова увидеть ее. И хотя интуиция, которой начальник тайной полиции привык доверять и которая никогда еще его не подводила, подсказывала, что делать этого не следует, он притворился, будто не слышит ее. И зря. Хотя кто знает, кто знает...

Когда солнце поспешно скрылось за горизонтом и морскую гладь осветил причудливый лунный свет, Квинт Юст уже был на берегу. Бросив на гальку плащ и с удовольствием растянувшись на нем во весь рост, он устремил взгляд в небо, густо усеянное звездами, прислушался к легкому шепоту ветерка, прячущегося в сосновых ветвях, и мало-помалу стал засыпать. Сон накатывал мерными волнами, и ему казалось, что это шум прибоя, хотя на самом деле море было удивительно спокойным.

Спустя какое-то время молодой человек внезапно почувствовал, что он здесь уже не один, хотя ни единый шорох или всплеск не были тому подтверждением. Сердце забилось учащенно. Вынырнув из сладкой дремы, приправленной волнующим ожиданием, он чуть приоткрыл веки. Это была она.

Девушка сидела на берегу, скрестив на груди тонкие руки, и невозмутимо его разглядывала. На сей раз она была одета. Короткая белая туника и нечто синее, плотно облегающее ноги, похожее на штаны всадника, составляло ее наряд.

— Только не называй меня Юлией, — внезапно заговорила незнакомка, — и не говори, что оказался здесь случайно. Ты ведь хотел увидеть меня, правда? Можешь не отвечать, я и так знаю. Нет, я не приснилась тебе ни сегодня, ни в прошлый раз. И я не призрак, — она как-то невесело улыбнулась, — не совсем призрак. По крайней мере, сегодня все будет по-настоящему, не сомневайся.

Она на миг о чем-то задумалась, но, видимо, преодолев некие сомнения, продолжала:

— Ты красив — я это вижу, и умен — я это знаю. Редкое сочетание, и не только для женщин, не правда ли? А еще у тебя безукоризненные манеры и обостренное чувство собственного достоинства. Ты приемлешь зло, но не возвращаешь его в своем сердце и не даешь ему завладеть своим разумом. Не удивляйся, я немного наблюдала за тобой. И не только здесь, на берегу.

Девушка замолчала. Квинт Юст уже справился с охватившим его волнением и теперь чувствовал себя на удивление легко и уверенно. Он так и не понял, как и откуда она появилась, но, впрочем, какое это имеет значение.

— Мы только вчера познакомились, — тихо произнес он, — а ты уже знаешь обо мне слишком много или думаешь, что знаешь. Я же лишь убедился в том, что ты не сон и не видение, а прекрасная незнакомка из плоти и крови. И это меня радует. Но я не знаю ни кто ты, ни откуда, даже не знаю твоего имени.

— Разве это так уж важно, знать имя? — задумчиво спросила она и тут же продолжила: — Хотя, знаешь... Квинт, — девушка словно попробовала его имя на вкус, — ты, пожалуй, прав, имя дается *нам* неспроста, — и чуть слышно вздохнула, — зови меня Дастиной.

С этими словами она легко поднялась, не спеша сняла тунику и шагнула ему навстречу.

— Sic volo¹, — требовательно глядя ему в глаза, сказала девушка.

И больше в ближайшие несколько часов они не проронили ни слова. Только протяжные стоны и короткие чувственные вскрики нарушали тишину маленькой бухты, надежно скрытой от посторонних глаз. Казалось, властный порыв непреодолимой страсти одновременно овладел их телами. И, будто отрешившись от всего земного, они погрузились в волны изнурительных любовных утех, то изысканно утонченных, то сладострастно жестоких.

Когда Квинт Юст вынырнул из томительно-блаженного забытья, ее уже не было. Только легкий запах жасмина, оставшийся на его плаще, служившем им постелью, был подтверждением тому, что все это ему не привиделось. Как Дастина могла исчезнуть, он просто не представлял. Ведь не было ни коня, ни экипажа, ни хотя бы лодки. А выбраться отсюда вплавь просто невозможно. Одеваясь, он обнаружил на груди и на бедрах несколько неглубоких царапин. Судя по тому, что саднила спина, они были и там.

«Это от ее перстня, — сообразил начальник тайной полиции, с трудом восстановивший способность логически мыслить. — А ведь он, действительно, в точности такой же, как у князя Ингвара. Ну и что же из этого следует?»

Однако размышлять о том, что из этого следует, он сейчас не хотел, да, пожалуй, и не смог бы.

«Все больше вопросов и все меньше ответов, — сделал неутешительный для себя вывод Квинт Юст. — Но,

¹ Так я хочу (лат.).

с другой стороны, — с нежностью подумал он, — эта необыкновенная девушка по имени Дастина, кем бы она ни оказалась, подарила мне сегодня лучшую ночь в моей жизни».

Квинт Юст вскочил в седло и пустил коня в карьер. Он никуда не спешил. Просто быстрая езда обостряла ощущение счастья, которое он сейчас испытывал.

* * *

— Вы не поверите, но, возможно, она здесь, — вскричал Барти Круз, едва заведя Дастина. Почтенный архивариус так запыхался от быстрой ходьбы, что никак не мог восстановить дыхание. — Я, конечно же, понимаю, — продолжал он, — что это очень смелое предположение. Нет, даже не смелое, а, скорее, фантастическое. Тем не менее, некоторые факты говорят в его пользу. Идемте же поскорее, и я все вам расскажу, — он без лишних церемоний схватил Исполнителя за рукав плаща и увлек в сторону ближайшей таверны, неподалеку от которой они встретились.

Дастин, недоумевая, послушно последовал за стариком, который был сверх меры возбужден и производил сегодня впечатление рассудительного безумца. Облюбовав себе столик подальше от посторонних ушей и глаз, они заказали сосиски, пирожки с сыром и немного вина.

— Итак, — потирая руки, произнес Барти Круз, — что вы на это скажете?

— Я скажу, что вы разжигаете мое любопытство, — с улыбкой ответил молодой человек, — и я — весь внимание.

— Как, — изумился Барти Круз, — вы ничего не поняли? Но я был уверен, что вы легко можете читать мои мысли. Разве не так?

— Не так, — рассмеялся Дастин. — Вовсе не так. Вы ведь хороший человек, Барти. Очень хороший. А я, в основном, вижу мысли отпетых негодяев и последних подонков. К сожалению, — грустно добавил он. — Однако не заметить, что вы, во-первых, взволнованы, а

во-вторых, намерены сообщить мне нечто весьма важное, просто невозможно, — он с нежностью посмотрел на старого архивариуса и приготовился слушать.

Не перебивая, не задавая никаких вопросов и ничем не выдавая своих чувств, Дастин ловил каждое слово собеседника. А когда тот закончил свое повествование, надолго задумался.

Первым прервал затянувшееся молчание Барти Круз:

— Понимаю, все, что я рассказал, кажется вам слишком уж маловероятным. Но поверьте мне, Роб Свэнс не выдумщик, не лжец и уж тем более не пьяница. Ему можно верить. Хотя сам он склонен думать, что это был или сон, или и того хуже — галлюцинация. Вбил себе в голову, что от сливовой настойки. Теперь, вот, не пьет перед караулом ни в какую.

— Видите ли, Барти, — наконец грустно отозвался Дастин, — даже не знаю, как вам это объяснить, но я уже не уверен, что поступаю правильно, пытаюсь с вашей помощью, — он благодарно склонил голову и прижал руку к груди, — разобраться в том, что произошло когда-то очень давно и что уже все равно нельзя изменить. Эти сомнения постоянно терзают меня. И, кроме того, я не могу дать разумного объяснения абсолютному сходству двух прекрасных девушек с разницей во много столетий.

Говоря это, Дастин, с одной стороны, был абсолютно искренен, а с другой — лукавил, незаметно для себя самого. Да, он, конечно же, всегда любил Анну и ради нее, не колеблясь, отдал бы жизнь, когда еще был волен это сделать. Память, которую ему каким-то чудом удалось сберечь, все эти бесконечные годы хранила образ любимой девушки, его невесты. Он часто задумывался о том, как она прожила без него свою жизнь. И это всегда было больно. А теперь все вдруг смешалось. Трудно поверить, но Анна, возможно, повторила его судьбу. И если всерьез отнестись к тому, что говорит этот лучший в мире архивариус, то, получается, ее видели здесь. Здесь и сейчас. Но так не бывает. Просто не бывает. Два Исполнителя никогда не появляются в одном и том же

месте. Механизм запрограммирован раз и навсегда. И он не может дать сбой. Впрочем, какая разница. Даже если это правда, Анна все равно ничего не помнит из прошлой жизни и уже никогда не сможет вспомнить. И его тоже. Никогда и ни при каких обстоятельствах. Дастин понял, что окончательно запутался. Вспоминая Анну, он видел Юлию. Общаясь с Юлией, думал об Анне, боясь признаться себе в том, что боль воспоминаний все же немного притупилась. И еще ему действительно не давало покоя это поразительное необъяснимое сходство.

«Как он может так долго жить в этом несправедливом мире, выполнять такую мрачную миссию, фактически — работу палача, и не сойти с ума от тоски и одиночества», — с сочувствием подумал Барти Круз, и глаза его почему-то увлажнились.

— Да-да, воистину, поразительное сходство, — уже вслух повторил Дастин. — Что это может быть, Барти, как вы думаете? — спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил. — Вариантов-то немного, всего два: или двойники, или...

— Или что? — эхом отозвался притихший архивариус, не совсем понимая ход мысли собеседника.

— Или близнецы, — закончил Дастин, задумчиво глядя на Барти Круза. — Причем, заметьте, друг мой, мы сможем попробовать исключить или подтвердить только эту версию. Не так ли?

Начиная улавливать суть гипотезы, предложенной молодым человеком, признанный знаток архивного дела и любитель исторических секретов мгновенно настроился на нужный лад.

— Надо полагать, — немного поразмыслив, произнес он, — что если среди предков нашего Правителя и его супруги когда-либо были близнецы, это должно быть отражено в семейном архиве. Вот только как до него добраться? Пока не знаю, но я попробую найти для этого благовидный предлог. Кстати, Дастин, — встрепенулся старик, — а не пытались ли ваши родители узнать, кто мог подбросить им младенца, Анну? Ведь вокруг жили люди. Кто-то мог что-то увидеть или услышать.

— Тогда я еще был слишком мал и почти ничего не помню. А потом в нашем доме об этом не принято было говорить. Мать и отец очень любили Анну. И я очень любил.

Он редко позволял себе обращаться к этим воспоминаниям. Было видно, что они все еще больно ранят его. Время, в котором у него, в отличие от всех живущих, не было недостатка, почему-то не лечило. Для Дастина не существовало вопросов, куда и зачем он идет по бесконечному времени. Цель и смысл — это для людей. Он же просто выполнял миссию. И понимал ее важность. И очень сомневался в том, что когда-нибудь справедливость повсеместно восторжествует во вселенной, необходимость в его миссии отпадет и время его, наконец, закончится. Иногда он думал о том, что, возможно, было бы лучше, если бы он, как и все другие, тоже потерял память. Но потом гнал от себя эти мысли. Так было бы легче, но едва ли лучше.

Отсутствие цели делает жизнь пустой. Ведь если не знаешь, куда идешь, путь не имеет смысла. Просто бредешь, куда глаза глядят. Живущие редко задумываются над этим. Они так устроены. Так проще жить и легче выжить. Транжира бесценные дни, они будто бы забывают, что жизнь конечна. Быстротечность времени не страшит их. Им некогда о ней думать. Они всегда заняты. А между тем время рисует на песках вечности все новые и новые картины, безжалостно стирая предыдущие. Оно размывает в памяти дорогие образы ушедших, не дает вспомнить лица близких такими, какими они были когда-то. Мы видим лишь то, что видим, и помним лишь то, что помним. Настоящее ежесекундно становится прошлым. Прошное стирается и тускнеет, превращая память в не такой уж большой набор полезных или ненужных знаний, цветных картинок и лоскутных обрывков воспоминаний. Будущее? Лишь немногие избранные могут видеть его. И кто знает, дар это или проклятье...

Наконец-то Эрию Прату представилась реальная возможность проявить инициативу перед высшим руководством. Он давно хотел это сделать, да все не знал как. А теперь благодаря опять-таки умнице Барти Крузу главный хранитель государственных архивов получил прекрасный шанс упрочить свою репутацию «первейшего и усерднейшего» радетеля о сохранности бесценных документов, содержащихся во вверенных ему архивах.

Не далее как вчера его дорогой заместитель, пусть ниспошлют ему боги здоровье и долголетие, пришел к Эрию Прату посоветоваться. Выглядел он крайне обеспокоенным.

— Плохи наши дела, — с порога сказал Барти Круз и тяжело опустился в массивное скрипучее кресло.

— Что стряслось-то, Барти? — испугано округлил глаза главный архивариус страны и, на всякий случай, схватился рукой за сердце.

— В том-то и дело, что пока — ничего, но надолго ли, не знаю, не могу дать никаких гарантий. Нужно что-то делать, Эрий, причем незамедлительно. Иначе все пропадет. Ты понимаешь, что это значит?

— Послушай, Барти, — взмолился Эрий Прат, — ты о чем, вообще, говоришь, я в толк взять не могу. Что пропадет-то?

— Архивы наши пропадут при таких условиях хранения, и тогда не нужен будет ни главный архивариус, ни уж тем более его заместитель, вот так. Теперь понятно?

— Теперь понятно, — упавшим голосом ответил Эрий Прат. По правде говоря, он понял лишь то, что некая неведомая сила грозит его покою и благоденствию на архивном поприще.

— Ты можешь рассказать все по порядку? — серьезно обратился он к заместителю.

— Видишь ли, Эрий, — с готовностью отозвался Барти Круз, — я выборочно проинспектировал состояние наших хранилищ и убедился, что на сегодняшний день оно не выдерживает никакой критики. Ты ведь не забыл, как промокли документы в хранилище древних

рукописей и что из этого получилось? Вижу, что не забыл. А не дай я вовремя задание их скопировать, что было бы? Даже подумать страшно. Помнишь, как одновременно Правителю, премьеру и первому сенатору вдруг понадобились бумаги, из-за которых мы с тобой столько пережили? Ведь только благодаря тому, что сохранились их копии, нам вообще удалось установить, о чем идет речь, да и, — он невинно потупил глаза, — сохраниться самим в нашем любимом архиве. Так вот, Эрий, я думаю, мы, а вернее ты как главный хранитель, должен инициировать две вещи, а именно: проведение ремонтных работ в помещениях хранилищ и копирование наиболее ценных материалов, состояние которых вызывает опасения. Кроме того, не забывай, что, помимо государственных архивов, есть личные архивы высшего государственного руководства, которые не менее ценны для истории и о которых мы должны заботиться. Вот скажи, например, кто и когда последний раз проверял условия хранения личного архива нашего Правителя? Не знаешь? То-то же. А если они таковы, что все документы там отсырели и покрылись плесенью или вообще сгнили? Кто будет виноват, скажи мне на милость? Мы с тобой, а вернее ты. Я-то что, я заместитель, и мне никто подобных поручений не давал. Не давал ведь?

— Не давал, — растерянно откликнулся обескураженный Эрий Прат, — так что же делать, Барт, ты ведь, наверняка, уже придумал. Не томи, говори.

— Мне кажется, Эрий, что тебе следует, не откладывая, отправиться к руководству, только нужно подумать, к кому именно, и настаивать на необходимости ремонта в наших хранилищах и тщательной инспекции состояния фондов. Включая личные архивы, имеющие государственное значение. На это, безусловно, нужна санкция Правителя. Тем лучше. Это даст ему основание заметить твои усердные труды и по достоинству их оценить.

Главный архивариус страны заметно приободрился. Эта идея начинала казаться ему привлекательной. А почему, собственно, нет? Ведь если архивная работа тиха,

кропотлива и неприметна, это не означает, что и люди, которые ею занимаются, должны всегда оставаться в тени.

— Какой же ты все-таки молодец, Барти, — искренне умилился Эрий Прат. — Даже не знаю, что бы я без тебя делал.

На следующий день, облачившись в парадные одежды, главный хранитель государственных архивов отправился на прием к первому сенатору. Почему к нему? Во-первых, потому что Барти Круз, поразмыслив, посоветовал идти именно к Вику Лициусу, который, в отличие от премьер-министра, всегда старавшегося сэкономить на нуждах государственных архивов, понимал всю важность архивного дела. А во-вторых, потому что глава сената был, пожалуй, единственным человеком, к мнению которого Правитель, как правило, прислушивался, отдавая должное его опыту и знаниям.

Первый сенатор принял Эрия Прата точно в назначенное время, внимательно прочитал записку, подготовленную Барти Крузом по существу дела, задал несколько уточняющих вопросов и, сказав, что разделяет позицию архивного руководства, согласился довести ее до сведения Тита Брицилла.

— Ваша инициатива весьма своевременна и заслуживает внимания, — произнес Вик Лициус. — В ближайшее время я доложу о ней Правителю. Думаю, он будет доволен. Личные архивы высшего руководства не менее ценны для истории, чем государственные. Кстати, я и сам давно подумываю об упорядочении и копировании собственного архива, да все руки не доходят. Надеюсь, вы поручите руководить этим своему заместителю? Я охотно доверил бы ему и свои бумаги.

На этом аудиенция была закончена. Окрыленный Эрий Прат поспешил в архив, дабы поделиться добрыми новостями с ожидавшим его там Барти Крузом.

А первый сенатор, склонившись над письменным столом, размышлял о том, насколько своевременной бывает инициатива снизу. После разговора с Квинтом Юстом он и сам был не прочь заглянуть в архив Правителя. Уж очень странным показалось ему поразившее начальника тайной

полицейскому сходство Юлии и девушки с треугольным перстнем, явившейся его воспитаннику на морском берегу.

«Что ж, главный архивариус исполнителен, но глуповат, — подумал Вик Лициус. — А вот заместитель у него — редкий умница. Я с удовольствием возьму его под свою опеку и окажу всяческое содействие в этом важном и нужном деле».

* * *

Тит Брицилл с нетерпением ожидал новостей от начальника монетного двора и был раздосадован их отсутствием. Не похоже на Луция Прова. Вот уж в чем ему нельзя отказать, так это в исполнительности и пунктуальности. Безрезультатно прождав до полудня, разгневанный Правитель отправил курьеров в министерство финансов и на монетный двор с записками одинакового содержания. Из них следовало, что Луцию Прову надлежит безотлагательно явиться в резиденцию. Однако ни в одной из институций его не оказалось. Служащие министерства полагали, что он на монетном дворе, а там были уверены, что их начальник в министерстве финансов.

Не на шутку встревожившись, Тит Брицилл велел послать за начальником тайной полиции, которому можно было доверить любое дело деликатного свойства (вдруг Луций Пров у любовницы, хотя не посмел бы, зная, что его ждет Правитель) и быть уверенным, что это не станет достоянием гласности.

Едва Квинт Юст переступил порог главного кабинета страны, Правитель, не вдаваясь в подробности, поручил ему разыскать Луция Прова где бы он ни был и доставить в резиденцию.

— У меня нет никаких претензий к начальнику монетного двора, Квинт, — на всякий случай добавил Тит Брицилл. — Просто он должен был еще до обеда доставить мне важные бумаги, а его нигде нет. Поэтому найдите его и, желательно, поскорее.

Выйдя из резиденции, Квинт Юст отпустил полдюжины полицейских, которых, не зная какую задачу поставит

перед ним Правитель, предусмотрительно захватил с собой, сел в карету и, не мудрствуя, отправился к начальнику монетного двора домой. По крайней мере соседи должны были видеть, когда он выезжал и выезжал ли вообще.

«А ведь Правитель выглядел очень обеспокоенным, — подумал он, устраиваясь поудобнее на мягком сидении своего служебного экипажа. — С чего бы это? Впрочем, если разыскивают начальника монетного двора, речь наверняка идет о деньгах. А накануне выборов — тем более».

Подъехав к дому Луция Прова, Квинт Юст сразу же обратил внимание на группу явно напуганных чем-то женщин, видимо, соседок из ближайших домов, стоящих перед открытой входной дверью. Признав в выходящем из кареты начальнике тайной полиции представителя власти, они тут же обступили его и, отчаянно жестикулируя, заговорили все разом, сбивчиво и бестолково. Из этого невообразимого галдежа было понятно лишь то, что хозяин дома мертв, а обнаружили его утром благодаря какой-то пропавшей кошке.

Пожалев, что отпустил полицейских, он вошел в дом и спустя несколько секунд уже стоял в гостиной над давно остывшим телом начальника монетного двора.

«До чего топорно сделано, — подумал Квинт Юст, рассматривая треугольный ожог на неестественно вывернутой правой руке покойного. — Нет, не похоже. Совсем не похоже. И зачем, спрашивается, убийце понадобилась такая примитивная имитация?»

В том, что это убийство, он не сомневался ни секунды. «Получается, что кто-то, имеющий доступ к информации о ходе следствия, хочет представить дело так, будто смерть Луция Прова не что иное, как продолжение серии. Два сенатора, министр финансов, грабители в таверне, а теперь вот начальник монетного двора. Это может быть либо убийца, если он действовал в одиночку, либо заказчик, и тогда нужно искать непосредственного исполнителя. Кстати, об Исполнителе. Убийца или заказчик знает эту версию и пытается убедить нас в том, что это именно

его рук дело. Только как-то уж слишком неуклюже. Похоже, он не очень умен. Или наоборот? Ведь треугольный знак, если связать его с серией, исключает ограбление, убийство из ревности и массу других мотивов. Но Луций Пров вряд ли мог быть мишенью Исполнителя. Он много лет возглавлял монетный двор, работу свою, несомненно, знал и делал исправно, верно служил Правителю, не отличался особыми амбициями, воровал умеренно, у граждан не вызывал ни симпатий, ни ненависти. Тогда зачем этот треугольный знак?»

Начальник тайной полиции, как правило, мыслил рационально и любил выстраивать совершенные логические комбинации. Но эта уродливая треугольная метка... Кому и зачем она понадобилась? Он не находил в ней никакого смысла. Ровным счетом никакого.

Похожие мысли роились и в голове Гая Сервия. Вернувшись домой, он так и не уснул. Его мучило. А поутру события минувшей ночи казались какой-то фантаσμαгорией, дурным сном и только лежавшие перед ним драгоценные бумаги неоспоримо подтверждали реальность происшедшего.

«Зачем я это сделал, зачем, спрашивается? — не находил себе места премьер-министр. Нет, его не мучила совесть, и он ничуть не раскаивался в содеянном. Просто импульсивная, лишенная здравого смысла затея с выжиганием треугольника теперь виделась ему предельно глупой и крайне опасной. — Я своими собственными руками сузил круг подозреваемых и количество версий, — все не унимался он. — А ведь мог создать видимость ограбления или самоубийства, наконец. Так нет же, потянуло меня на таинственные знаки, будь они неладны. Сам не понимаю, как мог сотворить такое. Ну что ж, зато теперь Квинту будет над чем подумать и поломать голову. Он, конечно, очень умен, но настолько ли, чтобы анализировать абсолютно иррациональные поступки? Посмотрим. Слабое утешение, ну да лучше, чем никакого. Хотя, возможно, к тому времени как следствие по всем этим делам с треугольниками, включая мое, сдвинется с места, я уже буду исполнять обязанности Правителя. Однако не

будем спешить. Подождем удобного момента. Время пока терпит».

Очень скверно чувствовал себя и Тит Брицилл. К постоянно мучившей его подагре добавился тяжелейший приступ мигрени, начавшийся где-то около полудня. С самого утра он нервничал по поводу отсутствия новостей от начальника монетного двора, а потом — по поводу отсутствия его самого. Когда из сообщения, доставленного от Квинта Юста, Правитель узнал, что Луций Пров мертв, то сразу же ощутил запах и вкус опасности. Кому и зачем понадобилось его убивать? Где документы, которые он должен был найти и доставить? И нет ли здесь связи? Но откуда? Об этом ведь никто не знал.

«Нужно дождаться начальника тайной полиции. Может быть он что-нибудь прояснит, — решил Тит Брицилл, — а еще нужно немного отдохнуть».

С этой мыслью он удалился в свои личные апартаменты и, опустившись в любимое кресло, стал ждать, закрыв глаза и машинально поглаживая по голове сидевшего возле него Дуката.

* * *

Несмотря на то что заседание государственного совета перенесли на более позднее время, Вик Лициус специально приехал во дворец пораньше. Вообще-то, он собирался переговорить с Титом Брициллом о похвальной инициативе архивного руководства, но, узнав, что Правитель принял так близко к сердцу известие о смерти начальника монетного двора, не стал его беспокоить. Вместо этого первый сенатор направился в то крыло дворца, где вот уже многие годы располагалась картинная галерея. По давно установившейся традиции, со сменой Правителя всегда менялась и экспозиция галереи. Последние четырнадцать лет ее стены были увешаны многочисленными портретами Тита Брицилла и членов его семьи, известных и неизвестных предков нынешнего Правителя и его супруги.

Вообще-то, глава сената предполагал посвятить некоторое время парадной портретной живописи в компании

начальника тайной полиции. По крайней мере именно так они договаривались, но убийство Луция Прова спутало им все карты.

«Теперь Квинт, наверняка, не освободится до самого вечера, — подумал Вик Лициус. — Досадно, но что поделаешь».

В этих залах, видимо, крайне редко убирали. Картины, особенно массивные, свечящиеся тусклой позолотой рамы, были покрыты толстым слоем пыли. Двигаясь по солнцу и стараясь ничего не пропустить, он с любопытством разглядывал старинные и более современные полотна. У одних останавливался, мимо других проходил, лишь мельком взглянув. Первый сенатор не смог бы ответить на вопрос, что конкретно он надеялся здесь увидеть, зато хорошо знал, что не представляло для него интереса. Меньше всего привлекали его внимание портреты самого Правителя.

Удивленно и надменно взирали на него ныне здравствующие и давно ушедшие из жизни вельможи, избранные кто на охоту или во время аудиенции, кто верхом, кто просто в парадном костюме с многочисленными наградами, а также увешанные драгоценностями дамы в пышных нарядах, былую красоту и свежесть которых сохранила для потомков благосклонная кисть художника.

Мрачная и несколько обветшавшая роскошь интерьера действовала гнетуще. Вик Лициус вдруг подумал о том, что где-то в углах этих необитаемых и пустынных залов будто бы притаилось и подстерегает одиноких путников неумолимое время.

В гулкой тишине, царившей в помещении галереи, ему явственно послышались чьи-то шаги. «Интересно, что это еще за любитель живописи? — пробормотал, обращаясь сам к себе, первый сенатор и не спеша пошел через анфиладу залов в том направлении, откуда доносился звук шагов».

Минуту спустя он увидел Барти Круза, который был столь сосредоточен, что даже не заметил его появления. Старый архивариус, близоруко щурясь, рассматривал картины, слабо освещенные редкими свечами, горящими в бронзовых канделябрах.

— Я, кажется, нарушил ваше уединение, — тихо произнес Вик Лициус, выходя из тени.

Застигнутый врасплох Барти Круз вздрогнул от неожиданности и удивленно уставился на невесть откуда взявшегося главы сената.

— Нет-нет, что вы, первый сенатор, уединение мне как раз вовсе ни к чему, его у нас в архиве — хоть отбавляй, — зачастил архивариус. — Просто я хочу как следует подготовиться к одной очень важной работе, — продолжал он уже спокойнее, — а для этого необходимо по возможности тщательнее изучить родословную нашего Правителя. Вот я и изучаю, наглядно, так сказать, — он обвел глазами до отказа заполненный портретами зал.

— Что ж, вы не теряете времени понапрасну. Не успел ваш начальник Эрий Прат побывать у меня по этому делу, а вы уже приступили к работе. Правда, я еще не докладывал Правителю, но, думаю, он поддержит это начинание. Личные архивы, несомненно, весьма важны для истории. Я же, со своей стороны, готов оказывать вам всяческое содействие.

Говоря это, первый сенатор еще раз подумал, что неплохо было бы, со временем, поручить этому толковому старику навести примерный порядок в его личных бумагах. Разумеется, в тех, которые предназначены для посторонних глаз.

Барти Круз согласно закивал головой и рассыпался в благодарностях за обещанную главой сената поддержку. Уж очень ему не терпелось добраться до личного архива Тита Брицилла. Тем более что теперь, после стольких часов весьма небезполезно, как оказалось, проведенных в галерее, он представлял, где нужно искать и знал, что именно рассчитывает найти.

— А я, знаете, иногда очень устаю от людей, — со вздохом продолжал Вик Лициус, — здесь же они, как видите, бывают редко. Однако не примите это на свой счет. Общение с вами, Барти, — он только что вспомнил, как зовут архивариуса, — одно удовольствие, поверьте. Не хотел вам помешать, просто до заседания государ-

ственного совета оставалось немного времени, и я решил провести его здесь, в тишине, среди картин. Но, кажется, мне пора. Правитель не терпит опозданий. Я, кстати говоря, тоже. Счастливо оставаться и успехов вам.

Тут взгляд его случайно упал на одно из плохо освещенных полотен за спиной архивариуса и остановился на нем. «Кажется, не зря я здесь прогуливался, — удовлетворенно подумал первый сенатор, не отрывая глаз от картины. — Вот оно, то, что я надеялся увидеть. Завтра же нужно будет показать это Квинту. Но вот интересно, что делает старик именно возле этой картины».

Он внимательно посмотрел на Барти Круза, который, попрощавшись с собеседником, снова с головой ушел в работу.

«Да нет же, — отмахнулся от внезапно возникших подозрений Вик Лициус. — Что за чушь, в самом деле, лезет в голову. При чем тут архивариус? Просто совпадение. Человек добросовестно выполняет свою работу, вот и все. Да и вообще, если бы не он, я еще очень нескоро добрался бы до этой картины. По крайней мере, то что не сегодня, это уж точно. А теперь неплохо было бы и поторопиться. Все, наверняка, уже собрались и теперь ожидают Правителя».

Мысли его тут же переключились на предстоящее заседание государственного совета, которое обещало быть долгим и, учитывая события последнего времени, сулило участникам большие неприятности.

Как только затихли удаляющиеся шаги первого сенатора, Барти Круз вздохнул с облегчением.

«Надо же, — подумал архивариус, — откуда, спрашивается, такой интерес то ли к живописи, то ли к родословной Правителя. Ведь Вик Лициус ничего не делает просто так, и уж если сюда пришел, то, наверняка, имеет для этого основания. И какие же? Ума не приложу. Плохо, что он застал меня как раз возле этой картины, хотя с другой стороны, откуда ему знать...»

Барти Круз с довольным видом потер руки и, не желая более углубляться в сущность резонов первого сенатора, еще раз взглянул на полотно.

Абсолютно тривиальный бытовой сюжет. Молодая женщина-аристократка, сидя в высоком резном кресле, с умилением наблюдает, как увлеченно играют неподалеку ее дети — две очаровательные черноволосые и зеленоглазые девочки-близняшки лет пяти. В описи галерейных картин, которой архивариус предусмотрительно запаса, эта работа значилась как портрет Гадзиллы Рэй с детьми. Сама же Гадзилла Рэй приходилась прапрабабушкой супруге нынешнего Правителя Фелиции.

Эта находка архивариуса косвенно подтверждала гипотезу, выдвинутую Дастином. Анна, которую грудным младенцем подбросили его родителям, вполне могла иметь близнеца. А если так, то с интервалом в несколько поколений достаточно вероятным было появление девочек-близнецов, сохраняющих в пределах рода столь удивительное сходство. Тем не менее, все эти предположения нуждались в тщательной проверке, которая была невозможна без доступа к личным архивам семьи Правителя. Причем речь не шла о секретной их части. Поэтому Барти Круз надеялся, что Тит Брицилл благосклонно отнесется к идее систематизации и копирования личных архивов высшего руководства с целью сохранения их для истории. Тем более что озвучить эту инициативу взялся сам первый сенатор, который всегда знал, что делает, и делал то, что знал. А знал он много. Уж в чем-чем, а в этом старый архивариус ничуть не сомневался.

* * *

Лишившись довольно приличного приработка, Марк Кабрий почувствовал себя обездоленным. Мало того что постоянные скандалы с женой давно истребили в нем всякое желание возвращаться после службы домой, так теперь он еще и потерял возможность захаивать по вечерам в свои любимые златные заведения да изредка проводить время с женщинами, которые, по крайней мере, ничем не напоминали ему ненавистную супружницу.

«На жалование много не находишься, — с унынием думал начальник смены почетного караула. — Все из-за

этого скаредного Гая Сервия, разрази его гром. Платил ведь сущие гроши, а следить ему надо было за всеми сразу, да еще и самого Правителя подслушивать, рискуя собственной шкурой. А теперь, оказывается, все, не нужен больше Марк Кабрий. Как бы не так! Узнай кто о его проделках, ой не поздоровилось бы нашему премьеру».

Все более и более распаляясь, он представлял себе разные душераздирающие картины. Как перед лицом возможных разоблачений насмерть перепуганный премьер просит его стать военным министром. Как начальник тайной полиции от имени Правителя вручает ему награду за разоблачение опасного заговорщика Гая Сервия. Как высокородная красавица Юлия просит своего батюшку поскорее выдать ее замуж за отважного спасителя отечества Марка Кабрия.

«Ну нет. Это, пожалуй, уже лишнее, — спохватился размечтавшийся “спаситель отечества”, — да и женат я, — при этой мысли он в сердцах сплюнул себе под ноги. — А вот получать небольшую, но достойную плату за молчание было бы, действительно, справедливо».

Не переставая думать о возможных размерах достойной платы за молчание и о том, на что станет ее тратить, он направился в сторону дворца правительства.

На этот раз его здесь не ждали. После долгих переговоров с помощниками и секретарями и утомительного ожидания в приемной он, наконец, был принят. Войдя в кабинет премьера, Марк Кабрий остановился и несколько раз кашлянул, чтобы таким образом обратить на себя внимание.

— Я слушаю вас, Марк, — холодно произнес Гай Сервий и, оторвавшись от бумаг, поднял глаза на посетителя. В них читался немой вопрос и сквозило плохо скрытое пренебрежение.

— Ваша милость, я тут вот что подумал, — переминаясь с ноги на ногу, заговорил начальник смены почетного караула, — может, задания какие для меня есть, как раньше, а? Я ведь готов делать все, что надо. А ежели сейчас не надо, так потом ведь, наверняка, понадобится. Разве не так?

— Извольте выражаться яснее, Марк. Я вас не понимаю, — раздраженно сказал премьер, смерив его презрительным взглядом.

— Ну просто раньше я все время был занят, — попытался объяснить Марк Кабрий. — Сутки — караул, потом — разные ваши задания, потом — опять караул. Вот и получалось, что хоть человек все время занят, зато и оплата соответствующая. А сейчас что? Ни работы, ни денег. Одна караульная служба и все. А какие с нее заработки? К тому же все время думать приходится, как бы чего лишнего кому не сболтнуть, — он исподлобья взглянул на хозяина кабинета и выжидательно замолчал.

— И чего вы хотите от меня? — насмешливо поинтересовался Гай Сервий, — денег, что ли? — он на мгновение задумался, потом улыбнулся. — Хотя почему бы и нет? Вы, пожалуй, правы, Марк. Я должен был сам об этом подумать. Действительно, сегодня нет работы, а завтра, глядишь, и появится. Не должны же вы из-за этого сегодня без денег сидеть.

Настроение премьера заметно изменилось к лучшему.

— Вы были мне хорошим помощником, — сказал он. Потом достал из увесистого кошелька несколько золотых, поднялся и, велев Марку Кабрию немного подождать, удалился в соседнюю комнату.

Через несколько минут Гай Сервий вернулся, неся в руках бутыль явно недешевого вина. Тщательно завернув ее в кусок холста и уложив в плетеную корзину, он присовокупил к ней монеты и передал все это начальнику смены почетного караула, никак не рассчитывавшему на такой головокружительный успех.

— На следующей неделе мы с вами обязательно встретимся и все обсудим, — премьер дружески похлопал Марка Кабрия по плечу, — а пока что выпейте это лучшее из вин за мое здоровье и успех задуманного мною предприятия.

Оказавшись на улице, окрыленный неожиданной удачей и чувствовавший себя богачом, Марк Кабрий подумал, что если уж сам премьер-министр пляшет под его дудку, то... Что «то», он и сам, честно говоря, не знал.

— Лучшее из вин, — пробормотал он себе под нос. — И что мне теперь с ним делать прикажете? Делиться с кем-то жалко, дорогое ведь, наверняка. Домой нести, фурия моя увидит — крику не оберешься. Эх, лучше б деньгами дал. Ну да ладно, сейчас отолью немного во флягу, попробую, а остальное спрячу в сарае возле дома, на потом.

Отойдя за стену ближайшего строения и оглядевшись вокруг, начальник смены почетного караула, стараясь не пролить дорогостоящий напиток, нацедил полную флягу, которая так кстати была при нем и, аккуратно поднеся ее ко рту, начал пить с жадностью и удовольствием. Напиток действительно оказался божественным.

«До чего же все удачно складывается...» — радостно подумал Марк Кабрий, не отрываясь от фляги. Это было последнее, о чем он успел подумать. Непереносимая боль огнем обожгла горло и внутренности, темная пелена упала на глаза, и он, бессильно сползая по стене наземь, уже не видел, как тонкой красной змейкой струилось из горлышка фляги и тут же впитывалось в землю вино, смешанное с быстродействующим ядом, который вовсе не портил восхитительный вкус напитка.

Проходивший мимо сборщик налогов, увидев лежавшего под стеной мужчину в воинской форме, решил, что тот безнадежно пьян. На земле около него валялась пустая фляга и стояла прикрытая тканью плетеная корзина с большой бутылкой, аккуратно закрытой пробкой. Подняв бутылку и внимательно ее осмотрев, он достал пробку из горлышка, принялся к тонкому аромату вина и, запрокинув голову, залпом выпил столько, на сколько хватило дыхания. Через минуту мытарь уже лежал бездыханный рядом с Марком Кабрием, а на лице его застыло выражение муки, смешанной с удивлением. Он оказался здесь, вроде бы, совершенно случайно и умер как-то абсолютно бессмысленно. Хотя, говорят, в мире не бывает случайностей и все происходящее имеет смысл. А если так, не значит ли это, что именно в это время и в этом месте его настиг карающий и неотвратимый перст судьбы?

Никогда раньше Механизм не давал сбоев в определении точных координат. Это было невозможно в принципе. Потому она плохо понимала, а вернее не понимала вообще, что произошло и как оказалась в этом допотопном времени. Но здесь было даже интересно. Правда, по сравнению со значительно более поздними периодами, где ей часто приходилось исполнять Миссию, все казалось каким-то уж очень замедленным. Вместе с тем черепаший ритм бытия, примитивное оружие, неэффективные средства передвижения и коммуникации, отсутствие таких благ цивилизации, как электричество, центральное водоснабжение и канализация не делали живущих здесь людей ни лучше, ни хуже других. Те же страсти и пороки овладевали ими. Те же благородные порывы вдохновляли их на подвиги, а низменные чувства — на преступления. Они так же любили и ненавидели, дружили и предавали, жертвовали собой и другими, интриговали и боролись за власть. И во все времена соотношение праведников и негодяев, героев и трусов, созидателей и паразитов, гениев и бездарей оставалось, как правило, величиной постоянной.

Дастина, сколько себя помнила, была молода и красива. И знала, что будет такой всегда. Или, по крайней мере, до тех пор, пока продолжает функционировать Механизм и существует необходимость в ее работе. В том, что это надолго, сомневаться не приходилось. Еще она знала, что не может иметь детей. Исполнители не способны к размножению. Девушка относилась к этому, как к данности и даже не стремилась понять почему. Мужчины, в большинстве своем, были ей неинтересны. Она слишком много знала, умела и могла. Сверхъестественные возможности тела и разума применяла, как правило, только при исполнении Миссии. Верила в необходимость того, что делала.

Иногда ей казалось странным, что собственная память, хранившая колоссальный объем информации, не пускает ее в детство и юность. Этих воспоминаний будто и не было вовсе. А любые попытки приблизиться к ним

вызывали мучительные головные боли. Желание вспомнить будто разбивалось о наложенное кем-то табу. С этим приходилось мириться. Пока.

Непредвиденная возможность отдохнуть оказалась как нельзя кстати. Пока Механизм, по непонятным причинам отправивший ее сюда, не выдаст новые координаты, она будет какое-то время предоставлена сама себе. А значит, может делать, что хочет. Наслаждаться красками и запахами на удивление теплой осени, бодрящей прохладой чистейшего изумрудного моря, восхитительной местной кухней и неожиданным романтическим приключением. По правде говоря, оказавшись здесь, Дастина никак не рассчитывала на последнее. Но раз уж оно случилось, было бы глупо отказать себе в короткой необременительной связи с красивым и умным мужчиной. Как ни странно, но он заинтересовал ее сразу же в их первую случайную встречу. И не разочаровал во вторую. Ей хотелось видеть его и быть с ним. Столько, сколько будет возможно. Кто знает, может впереди лишь день, а может несколько, до получения новых координат. И все. Вряд ли еще когда-нибудь ей придется попасть сюда, а если и придется, то Квинта, скорее всего, уже не будет в живых. Раньше она никогда не позволяла себе ни к кому привязываться, чтобы потом, уходя, не приходилось сожалеть. Но на этот раз все почему-то было немного иначе.

Иногда мрачные размышления смущали ее покой. Во все времена в разных уголках земли рождались, жили, старились и умирали люди. В чем-то они были очень разные, а в чем-то — очень похожие. Мужчины и женщины любили друг друга, изменяли, ревновали, страдали, ссорились и мирились. Кто-то готов был отдать жизнь ради своей любви, кто-то — забрать ее у другого. Они рожали и растили детей, переживали, когда те болели, радовались их успехам и огорчались неудачам, учили их наукам, ремеслам и жизни. Потом дети занимали место родителей и продолжали их дело. Или не продолжали. Она видела всякое. Немоощных стариков, брошенных собственными детьми, младенцев, не нужных ни отцу, ни матери. Иногда ей до боли хотелось заботиться о каком-нибудь

обездоленном малыше. И что дальше? Он вырастет, состарится и умрет на ее глазах. Нет. Об этом нельзя думать. Такие мысли лишь тревожат сердце и отравляют разум. Все это не для нее.

С некоторых пор, пытаясь вспомнить и проанализировать свои отношения с мужчинами, она все чаще задумывалась над тем, что в большинстве своем они были случайными и непродолжительными, не оставлявшими сколько-нибудь значимого следа ни в памяти, ни в сердце. Она никогда не любила. Никогда и никого. Почему? Если она не может иметь детей, разве это означает, что не может любить? И всегда ли она была *такой*? Ведь когда-то и где-то она родилась и была ребенком. У нее наверняка были родители и могли быть друзья. В другой жизни она могла бы любить и быть любимой. И знать, что такое счастье. Простое человеческое счастье. Волна корежащей головной боли накрыла Дастину. Так случилось всякий раз, стоило ей только начать думать о запретном. Что ж, давно пора смириться с тем, что ее удел — одиночество. Впрочем, не только ее. Одиночество — удел всех живущих.

Жизнь людей конечна и коротка. Один из философов двадцатого века сказал, что жизнь — это остров в океане одиночества. Что ж, пожалуй, ведь одиночество — естественное состояние человека. Приходя в этот мир и покидая его, человек абсолютно одинок. Только во втором случае он обременен знаниями, бесполезным социальным опытом и нелегким грузом бытия. Эффект присутствия друзей и близких рассеивается с их уходом. Одни уходят в вечность, другие — в сторону. Со временем люди начинают понимать, что никто никому не нужен. Большинство живущих, боясь одиночества, стремится стать частью толпы и, расталкивая локтями окружающих, преуспеть, протискиваясь в первые ряды. Они не думают, что толпа со временем становится стадом, зачастую оказываясь в руках бездарных и недобросовестных пастухов. А те, из первых рядов, чаще других попадают на бойню. Меньшинство, стремящееся найти и по-

знать смысл, предпочитает уединение и тишину. Но человеческая жизнь коротка, а знание необъятно и не всегда освещает жизнь радостью. Одни воспринимают одиночество как наказание, другие — как данность, а иные — как благо. С учетом ограниченного ресурса времени — это ничего не меняет. Ровным счетом ничего.

* * *

После короткого, но весьма обстоятельного доклада начальника тайной полиции, Правитель надолго задумался. Теперь он был уверен, что смерть Луция Прова как-то связана с документами, найденными в министерстве финансов. Об их существовании знали лишь трое: он сам, Сергиус Рон и Луций Пров. Министр финансов и начальник монетного двора мертвы. Получается, что знал кто-то еще. И сейчас этот кто-то завладел документами, которые могут серьезно скомпрометировать его самого накануне выборов и, кроме того, дают возможность воспользоваться золотом, украденным и припрятанным покойным министром финансов. Это может быть выгодно только политическому сопернику. Но таковых за четырнадцать лет его правления практически не осталось. По крайней мере явных. Или, все же, остались? Если да, то где-то он допустил серьезную ошибку. И еще один вопрос не давал ему покоя. Кто и откуда мог узнать о золоте?

— Послушайте, Квинт, — заговорил Правитель, выйдя, наконец, из состояния глубокой задумчивости, — а что, треугольник на руке Луция Прова действительно не похож на предыдущие? То есть вы уверены, что это не продолжение необъяснимой серии самоубийств, которые вы и первый сенатор связываете с возможной деятельностью некоего Исполнителя, якобы поддерживающего работу того самого древнего Механизма?

— Абсолютно уверен, — ответил Квинт Юст. — Это имитация, причем весьма посредственная. А более всего меня смущает то, что я не вижу в ней никакого смысла, — продолжал он. — Ведь убийца зачем-то сам

сужает круг подозреваемых. О треугольных знаках, появившихся на руках предыдущих жертв, знало не так уж много людей. Получается, что преступник, располагающий этой информацией, указывает нам на кого-то из них. С какой целью? Он, определенно, или очень умен и ведет какую-то сложную игру, или, убивая, действовал под влиянием порыва и теперь об этом сожалеет. Не о том, что убил, — уточнил начальник тайной полиции, — а о том, что устроил представление с выжиганием треугольника. Убежден, это не профессионал. Наемные убийцы так не работают. А значит, искать заказчика, скорее всего, не имеет смысла. На мой взгляд, действовал некто, лично заинтересованный то ли в смерти Луция Прова, то ли в получении от него важной информации. И в том и в другом случае преступник добился своего.

Наткнувшись на недоуменный взгляд Правителя, Квинт Юст пояснил:

— Если ему нужна была информация, то начальник монетного двора, определенно, был жив до тех пор, пока убийца не получил от него то, что хотел.

«Интересно, как и когда он этим воспользуется», — подумал про себя Тит Брицилл, а вслух язвительно произнес:

— Хотелось бы, Квинт, чтобы ваши усилия по поимке преступников были столь же успешны, сколь стройны ваши рассуждения. А теперь идите. Мне нужно осмыслить эту информацию.

Начальник тайной полиции молча опустил глаза. Он чувствовал себя очень неуютно и достаточно резкий выпад Правителя в свой адрес на сей раз воспринял, как должное. Ему и ранее случалось до поры до времени скрывать от Тита Брицилла сведения, которыми он располагал. А в данном случае, когда дело касалось Юлии, которая к тому же впервые в жизни была влюблена, тем более не следовало спешить с непроверенной информацией. Поделиться сейчас с Правителем соображениями о том, кем на самом деле мог оказаться предполагаемый жених его дочери, обласканный двором, им самим и его супругой, князь Ингвар, было бы крайне опрометчиво.

Не успел Квинт Юст вернуться в управление, как ему сообщили о том, что обнаружены еще два трупа — начальника смены почетного караула Марка Кабрия и сборщика налогов (по крайней мере, так утверждают местные жители), личность которого вот-вот будет установлена налоговым начальством. Оба умерли в результате отравления вином, содержащим смертельный быстродействующий яд. Причем вино, якобы, было одного из самых изысканных сортов, а яд, как полагают полицейские медики-патологоанатомы, тот же самый, что в случае с Луцием Провом.

— Час от часу не легче! — в сердцах воскликнул начальник тайной полиции, оставшись в кабинете один. — До чего же мне все это надоело. Просто кара богов какая-то. Одни трупы за другими, как грибы после дождя, и никакого просвета, ни малейшего.

Сегодня он впервые подумал о том, что, может быть, тайная полиция не самое лучшее место для самореализации и карьерного роста. Привычка к неизменным успехам, легкому преодолению любых препятствий и всегда сопутствующей удаче укоренилась в нем настолько, что трудности, с которыми пришлось столкнуться в последнее время, раздражали до безумия, до зубовного скрежета.

Закрыв глаза и откинувшись в кресле, Квинт Юст попытался расслабиться. Ужасно хотелось хоть на какое-то время отвлечься от всего. Он подумал о Даistine, невольно вспоминая необыкновенную ночь, проведенную с ней, и улыбнулся. Сегодня они должны были встретиться снова. По крайней мере, он очень надеялся, что неблагоприятные обстоятельства этому не помешают.

«Да что это я в самом деле, — уже спокойно подумал он. — Ну, проблемы. А у кого их нет? Ну не так все быстро и гладко, как обычно. Ничего, справлюсь. Я справлюсь».

Дождавшись точного подтверждения идентичности ядов, ставших причиной смерти Луция Прова, Марка Кабрия и неизвестного сборщика налогов, начальник тайной полиции понял — между этими событиями

определенно существует какая-то связь. Интуиция подсказывала, что, обнаружив эту связь, можно будет найти и преступника.

«Если бы не один и тот же яд, — устало вздохнул Квинт Юст, — последнее происшествие мало кого заинтересовало бы. Так, банальное отравление неизвестно где взятым вином. А ведь действительно, откуда такое дорогое вино? Это следует выяснить. Им обоим оно явно не по карману».

А пока нужно было опять отправляться в резиденцию и докладывать Правителю о новых трупах и новых обстоятельствах, что не предвещало ничего хорошего.

От мрачных размышлений его отвлек секретарь, доставивший письмо Вика Лициуса. Первый сенатор назначал ему встречу во дворце.

Тем временем Тит Брицилл, уединившись в своих личных покоях и велел никого к нему не пускать, пытался проанализировать сложившуюся ситуацию. Было совершенно ясно, что кто-то умышляет против него. Вот только кто и с какой целью? В том, что здесь фигурируют политические мотивы, сомневаться не приходилось.

«Интересно, тот, кто все это затеял, станет торговаться или ударит сразу? — отстраненно рассуждал Правитель, будто речь шла не о нем самом, а о ком-то другом. — Скорее всего, должен торговаться. К тому же у него очень серьезные аргументы. Луций Пров поплатился жизнью из-за них. Имея на руках такие козыри, можно ставить любые условия. Притом, ему выгодно действовать тихо. Ведь иначе придется обнародовать информацию о “сэкономленном” золоте, а значит, — вернуть его в государственную казну. Он вряд ли на это пойдет. Слишком много золота.

Кто же это может быть? Выбор-то невелик. Сенаторов можно исключить сразу и полностью. Они за последние двадцать лет окончательно выродились. Заняты своими заработками и межпартийными усобицами. Все понемногу приворовывают — кто где может. Кроме того, абсолютно предсказуемы. Это нормально. Кто-нибудь из министров? Вряд ли. Они недалеко ушли от сенаторов.

Только будучи ближе к бюджету, из него и воруют. Правда, после этих странных смертей и те и другие резко умерили свои аппетиты и замерли в ожидании. В верхах поползли слухи о возобновлении работы Механизма. Всерьез поверив в это, добрая половина нашего политика, скорее всего, должна будет подать в отставку. Вот что значит страх, а особенно страх смерти. Сейчас многие вспоминают печальную участь наших покойников. Те не знали ни меры, ни страха, а значит, потеряли даже инстинкт самосохранения. Их, действительно, легче было убить, чем остановить.

Итак, кто же остается? Первый сенатор, начальник тайной полиции и премьер? Правда, последнее время, премьер держится как-то особняком. С чего бы это? Впрочем, какая разница. Что касается Вика Лициуса, он никогда не пошел бы на убийство, кроме того, уж очень умен и осторожен, чтобы так отчаянно рисковать. Квинт Юст слишком молод и руководствуется своим собственным кодексом чести, который, насколько я знаю, исключает убийство. Кроме того, он во всем советуется с Виком и быстро делает блестящую карьеру. Зачем ему эти игры? Гай Сервий? Удачливый муж при умной жене. Ловелас и волокита. Типичный приспособленец с завышенной, но скрытой самооценкой. Тоже, кстати, бывший выдвиженец первого сенатора. Но как-то охладели они друг к другу, охладели. Этот персонаж больше подходит к нашему сюжету. Но не настолько же он глуп и азартен. Поставить на кон все, чтобы попытаться занять мое место? И что дальше? Он на нем долго не удержится. Ну что ж, итог не весьма утешительный, а времени мало. Если я успею быстро вычислить этого игрока, по крайней мере до того как он это поймет, то, скорее всего, смогу его нейтрализовать. Или устранить. Так будет даже надежней. Только придется кому-то довериться. Не полностью, частично. Другого выхода просто нет».

Тит Брицилл вернулся в рабочий кабинет и, распорядившись вызвать к себе первого сенатора, стал разбирать накопившиеся бумаги.

Оказалось, что Вик Лициус прибыл во дворец еще до того, как Правитель послал за ним. Сейчас он прохаживался в картинной галерее, ожидая Квинта Юста, который вот-вот должен был появиться. Завидев своего воспитанника, первый сенатор заулыбался и раскрыл ему объятия.

— Бедный мой Квинт, — сочувственно произнес он, — представляю, как вы устали. Столько неприятных событий подряд.

— А вы, оказывается, оптимист, Вик, — с невеселой иронией отозвался начальник тайной полиции, — если почти десяток убийств за такой короткий срок для вас — всего лишь неприятные события.

— Почему десяток? — удивился глава сената.

— Я сказал почти, — тяжело вздохнул Квинт Юст. — Было шесть, стало восемь. Вот и получается — почти десяток. Чего уж тут мелочиться.

— Почему же я до сих пор ничего об этом не знаю? — поинтересовался Вик Лициус. В его голосе явно слышалось неудовольствие.

— Потому что вы здесь, Вик, а мой курьер со срочной депешей, наверняка, у вас в сенате, — ответил начальник тайной полиции. — Уж кто-кто, а вы всегда первым получаете свежую информацию из нашего ведомства.

— Согласен, — примирительно кивнул первый сенатор. — Итак, кто же на этот раз?

— Некто Марк Кабрий, начальник смены почетного караула, и сборщик налогов, имени которого я пока не знаю. Его уже должно было опознать начальство. Нет, Вик, эти без треугольников, — предваряя вопрос, готовый сорваться с уст собеседника, уточнил Квинт Юст. — Они, скорее всего, отравлены.

— Почему отравлены, а не отравились?

— Дело в том, что яд тот же самый, что в случае Луция Прова. Только доза значительно больше.

— Погодите-ка, Квинт, — Вик Лициус сосредоточенно нахмурился, будто пытаясь что-то вспомнить. — Марк Кабрий, Марк Кабрий... А, кажется, вспомнил.

Как раз на прошлой неделе мне докладывали, что он посещал резиденцию Правителя и что-то там инспектировал в подвальных помещениях. Странно, не правда ли? Я тогда почему-то не придал этому особого значения, хотя удивился, конечно. Да, и вот еще что. Каждый раз после этого он отправлялся во дворец правительства и проводил там какое-то время. Может, тоже в подвалах, я не знаю. Получается, его отравили?

— Да, и, кстати, яд был подмешан в очень дорогое вино, которое большинство простолюдинов не то что не пробовали, но и не видели никогда.

— Послушайте, друг мой, мы с вами непременно вернемся к этому делу, но сейчас времени мало, а я хотел встретиться с вами именно здесь, чтобы показать кое-что интересное. Идемте же.

Первый сенатор взял Квинта Юста под руку и подвел к портрету Гадзиллы Рэй с детьми.

— Видите? Эта очаровательная дама — прапрабабушка Фелиции. А около нее девочки-близнецы. Приглядитесь повнимательней. Ничего не замечаете?

— Честно говоря, нет, — пробормотал начальник тайной полиции, пристально разглядывая полотно и пытаясь понять, к чему клонит его собеседник.

— Скажите, на кого похожи эти дети, девочки, которые играют подле молодой дамы?

— Они похожи... Ну конечно же, они похожи на Юлию. Как я сразу не сообразил? Как две капли воды похожи на Юлию в детстве... — он вдруг замолчал и после паузы добавил: — А еще на нее, на Дастину. И что, по-вашему, это означает, Вик?

— Это означает, что в роду Юлии по материнской линии были близнецы. А вот что из этого следует, узнаем после того, как Тит Брицилл даст добро на упорядочивание и копирование семейного архива. Я обещал поддерживать эту инициативу архивного руководства и способствовать в организации работы. Так что скоро что-нибудь прояснится. Правда, нашему Правителю сейчас не до того. Он очень удручен смертью начальника монетного двора. И это, наверняка, неспроста.

— От меня он требует скорейшей поимки преступника. Думаю, разобраться с этим делом будет несколько проще, чем со всеми предыдущими. Там не было никаких следов, никаких зацепок, никаких улик. Если бы не одинаковые у всех трупов ожоги в виде треугольников — чистой воды самоубийства. Здесь же типичное отравление, которое преступник грубо маскирует под продолжение серии. Если бы мы знали мотив, то найти убийцу не составило бы большого труда. И еще, знаете, чем дальше, тем более призрачными кажутся мне наши с вами предположения о том, что всех предыдущих убил Механизм, о котором люди и думать-то уже забыли, или он же, только руками или волей Исполнителя. Может быть, князь Ингвар просто князь...

— Ну да, — с ироничной улыбкой перебил его первый сенатор, а ваша новая подруга — просто дальняя родственница Юлии, которая носит такой же треугольный перстень, как князь Ингвар, так же бледна, неизвестно откуда появляется и куда исчезает. Будьте осторожны с ней, Квинт, как бы она ни была к вам расположена. И обязательно пригласите девушку на костюмированный бал, а если ей это покажется интересным, то и на спортивные состязания. Слышите, обязательно. Я бы очень хотел с ней познакомиться. Кстати, вы, надеюсь, не забыли заручиться согласием князя поучаствовать в состязаниях и потанцевать на балу? Хотя этим, наверняка, уже озаботилась Юлия. А теперь, как бы мне не хотелось побыть с вами подольше, пора к Правителю.

— Тогда нам с вами по пути, Вик — заметил Квинт Юст, — ведь о последних двух трупах я его еще не информировал. Да, незавидная роль у меня сегодня, — вздохнул он. — Если бы не идентичный яд, и докладывать не нужно было бы. Кстати, не забудьте сказать ему о посещении покойным Марком Кабрием подвалов резиденции и двorca правительства. Это интересно, хотя очень странно.

— Непременно, Квинт, только не сегодня. Сначала мы разберемся с этим сами, а потом уже проинформируем Тита Брицилла. Вы же знаете, он не любит неподготовленных докладов. Правителям следует докладывать или

то, что они хотят услышать, или то, в чем вы абсолютно уверены. Хотя и при соблюдении этих условий не всегда удается избежать неприятностей. Идемте же скорее, время не терпит.

* * *

Со стороны могло бы показаться странным, что чиновники и вельможи, занимавшие столь высокие посты в государстве, не ставили перед собой задачу сделать хоть что-то значимое для граждан. Интересы и устремления подавляющего большинства министров, сенаторов и придворных почему-то не простирались дальше собственного непомерного и, зачастую, совершенно бессмысленного обогащения. Они не хотели думать ни о том, что смертны, видимо, собираясь жить вечно, ни о том, какую незавидную роль уготовила им беспощадная история. На каком-то этапе они просто перестали понимать, что люди, которые непонятно почему так долго и безропотно позволяли им присваивать результаты своего труда, могут быть не средством, а целью.

Хотя политика того времени являла собой клубок затейливых интриг и непримиримых противоречий. Правителю хватало могущества и воли, чтобы сохранять равновесие среди своих придворных, политической и государственной «элиты». Умело манипулируя интересами враждующих кланов, он всегда оставался над схваткой и контролировал каждый ее промежуточный исход, периодически подыгрывая одной из сторон. Его личная секретная служба, хорошо организованная и обученная, доставляла и систематизировала сведения о злоупотреблениях властью и хищениях, внебрачных детях и любовницах, мужеложестве и педофилии в высших эшелонах власти. Информация, которой располагал Тит Брицилл, позволяла ему чувствовать себя достаточно уверенно.

Оказавшись заложником ситуации, в которой кто-то располагал убийственным компроматом на него самого, Правитель повел себя на удивление спокойно и рассудительно. Он знал, что этот кто-то так или иначе должен

себя проявить. И понимал, что только тогда начнется настоящая игра на политическое, а может быть, и физическое выживание. Раз его противник решился на убийство, значит, намерения у него серьезные. Тит Брицилл был к этому готов. Однако не собирался ни сдаваться, ни сидеть сложа руки и ждать. Наверняка существует возможность вычислить того, кто все это затеял. Только нужно умело воспользоваться ею. И чем быстрее будет обнаружен убийца Луция Прова, тем больше вероятность, во-первых, выиграть в этой смертельно опасной игре, а, во-вторых, вернуть найденные Луцием Провом документы и не допустить утечки информации о «сэкономленном» золоте.

Ситуация осложнялась еще и тем, что свидетелем возможных разоблачений, чреватых политическим кризисом, мог стать князь Ингвар, который, судя по всему, может вот-вот сделать предложение Юлии. А сделает ли он это предложение, если в самом деле разразится скандал? Правитель не был в этом уверен. То есть, получается, что на карту поставлено не только его собственное политическое будущее, но и счастье его единственной любимой дочери.

«Я должен найти этого негодяя, — с мрачной решимостью подумал Тит Брицилл. — Причем, быстро, очень быстро. У меня просто нет другого выхода».

В это время ему доложили, что в приемной ожидает первый сенатор, а также начальник тайной полиции, который хотел бы доложить Правителю о вновь открывшихся обстоятельствах в связи с убийством Луция Прова.

— Пусть заходят оба, — устало бросил Тит Брицилл, решив сначала выслушать информацию Квинта Юста, которого предпочитал пока использовать втемную, не посвящая в суть дела, а уж после, оставшись наедине с Виком Лициусом, поговорить с ним доверительно и откровенно. Это, конечно, большой риск. Но оправданный и неизбежный. У Вика пока нет мотива интриговать против меня. Конечно, втайне он, возможно, и видит себя на моем месте. Хотя пока что, наверняка, хочет остаться главой сената. И, наверняка, сможет, если я останусь

Правителем еще на семь лет. Так что сегодня мы с ним заинтересованы друг в друге и в том, чтобы играть на одной стороне. А он, нужно сказать, отменный игрок. И глупо было бы этим не воспользоваться.

* * *

В Парке Защитников и Покровителей было, как всегда, пустынно. Только в дни государственных праздников он заполнялся толпами граждан, которые приходили сюда отведать бесплатного угощения, организованного комитетом общественных финансов и священных щедрот. Тогда почетный караул удваивался, а то и утраивался, дабы исключить возможность просачивания подвыпившего плебса к Стеле Свободного Выбора.

А сегодня был тихий, в меру теплый осенний день. Командир Роб Свэнс, изрядно проголодавшийся за время дежурства, уже успел основательно подкрепиться домашними колбасками на ржанных гренках, приготовленными заботливой супругой. И теперь, на сытый желудок, ничто не мешало ему предаваться философским размышлениям о суетности бытия, неизбежности умирания и непредсказуемости ухода. Он то и дело возвращался мыслями к внезапной и какой-то бестолковой кончине Марка Кабрия.

«Вот ведь как все получилось, — искренне сокрушался про себя начальник смены почетного караула, — сгубила Марка выпивка, ох, сгубила. Ай-ай-ай, это ж надо вином насмерть отравиться. Да еще каким дорогим, говорят. Ну что тут скажешь, жил себе человек, как мог. На службу ходил, с женой скандалил, питался из-за нее кое-как. Хозяйка та еще. Все мечтал когда-нибудь овдоветь... А сложилось-то совсем иначе. Сборщика налогов тоже, конечно, жалко. Ведь как-никак божья тварь.

Его размышления прервал шум приближавшегося экипажа. Через несколько секунд Роб Свэнс рассмотрел, что это карета самого министра двора.

«Ему-то что тут понадобилось? — удивленно подумал он. — Может проверка какая?»

Выстроив личный состав, не задействованный на охраняемом периметре, Роб поправил форму, с трудом втянул живот и, чеканя шаг, двинулся навстречу карете.

Отрапортовав начальству об отсутствии происшествий и посторонних на территории парка и, отойдя в сторону, он проводил взглядом удалявшихся министра и приехавшего с ним стройного светловолосого вельможу. Последний с большим интересом слушал старинную историю о том, откуда взялись Стелы Свободного выбора и куда они потом делись. Мужчины не спеша шли к охраняемому объекту, а Роб Свэнс на почтительном расстоянии следовал за ними на случай, если министру и знатному молодому господину, которого он сопровождал, что-нибудь понадобится.

«Где-то я его уже видел», — подумал начальник смены почетного караула, присматриваясь к спутнику министра. Мгновением позже он сообразил, что это тот самый юноша, на которого они с Марком Кабрием обратили внимание во время празднования Дня справедливости и согласия, почему-то одновременно решив, будто видели его раньше. Только вот где именно, Роб Свэнс припомнить не мог, да и Марк тогда не сказал ничего вразумительного. И уже никогда ничего не скажет.

Дойдя до Стелы, они обошли ее вокруг, затем остановились. Министр двора, подкрепляя свой эмоциональный рассказ энергичной жестикуляцией, указывал гостю на ряды бронзовых кнопок, тускло поблескивающих на поверхности старинного сооружения. Тот словно невзначай провел по ним ладонью, и Робу Свэнсу на миг показалось, будто на руке иностранца что-то сверкнуло красным огнем и тут же погасло.

«Еще один, — отстраненно подумал Дастин, ощутив рукой знакомый жар. — Жаль, что не премьер. Очень жаль. Его кнопка разогрета почти до критической отметки. Но Механизму виднее. Он сам устанавливает очередность. Значит, придется подождать».

Тем временем на заседании сената министр обороны и общественной безопасности Крисп Урван, завершив свой отчет о расходовании средств на нужды армии, вернулся

с трибуны в ложу правительства и, удобно расположившись в кресле, с облегчением вздохнул. Работа, проведенная с сенаторами накануне, оказалась не напрасной. Хотя и дорого, но все же удалось купить молчание тех, кто, располагая весьма опасной информацией, мог бы задать ему крайне неудобные вопросы и, в конечном итоге, даже инициировать отставку. А в отставку Крисп Урван уж никак не собирался.

Сегодня он находился в правительственной ложе один и, хотя его отчет был принят, как ни странно, не ушел сразу, а зачем-то пересел в кресло первого ряда и, положив руки на широкие подлокотники, о чем-то задумался. Вдруг раздался странный треск и нечто, упавшее с потолка, вмиг превратило лицо Криспа Урвана в кровавое месиво. Уже через несколько секунд вокруг суетились повскакивавшие со своих мест сенаторы. Вскоре появился и лекарь, который лишь констатировал смерть министра и обратил внимание на яркий треугольный след ожога, проявившийся на его правой руке, чуть ниже шитого золотом обшлага рукава.

Стараясь не смотреть в обезображенное лицо покойного, первый сенатор, который уже отправил курьера с сообщением для Квинта Юста, подошел поближе. На полу возле залитого кровью кресла он увидел осколки того, что по злой иронии судьбы стало причиной смерти Криспа Урвана. Раньше это было чашей весов, которые держала в правой руке богиня справедливости Эквитас — одна из многочисленных скульптур, украшавших зал заседаний сената и расположенных по его периметру под куполом.

Вик Лициус поднял глаза и внимательно посмотрел на величавую мраморную деву с прекрасным непроницаемым лицом и сломанными весами в руке. Сокрушенно покачив головой, он подозревал всегда находившегося поблизости помощника и поручил ему немедленно отправляться в резиденцию. Там следовало, не привлекая к себе внимания, постараться выяснить, где в данный момент находится дорогой гость Правителя князь Ингвар.

А князь Ингвар после короткой содержательной экскурсии по Парку Защитников и Покровителей

оживленно беседовал с министром двора в его карете. Они двигались в направлении дворца Правителя, где его с нетерпением ожидала Юлия. Абсолютно беспредметный светский разговор никак не мешал Дастину думать. Он думал о жизни, хотя нет, наверное, все же о смерти.

Человек знает, что смертен и принимает это как данность. Если он доживает до старости, то мирится с тем, что его тело из молодого, сильного и красивого превращается в нечто омерзительное для созерцания и непригодное для использования. Более молодые представители вида начинают сторониться его, не задумываясь, что им уготована точно такая же участь. А если смертельная болезнь или несчастный случай настигают его в молодости или зрелости, в расцвете сил и надежд? Если он невольно становится жертвой войн, стихийных бедствий или природных катаклизмов? Если оставляет после себя беспомощных малышей или немощных стариков? Как тогда? Как уходить, зная, что ты должен и нужен кому-то, что кто-то, еще слабый или уже слабый, может быть, не сумеет жить без тебя? Для одних смерть становится избавлением от боли и страданий, для других — завершением достойно пройденного пути, а для кого-то — неожиданностью, внезапно прервавшей этот путь. Те, чей срок еще не пришел и кому суждено какое-то время оставаться в мире живущих, провожая в вечность себе подобных, испытывают самые разные чувства: от искренней и глубокой скорби до тщательно скрываемого облегчения. На похоронах люди, часто сами того не желая, примеряют чужую смерть на себя, а потом гонят, гонят эти мысли подальше, как будто не думая о смерти, можно ее избежать. Увы, смерть почти всегда нелепа и несвоевременна. Кроме, разве что, тех случаев, когда сознательно принята за кого-то. За веру, за отечество, за любимого человека, за ребенка... Тогда это честная сделка, реализованное право свободного выбора, справедливый размен: смерть за жизнь, жизнь за смерть. И тогда она имеет смысл.

Совершенно счастливый Руфус Филч, безбожно фальшивя, мурлыкал себе под нос веселую песенку о храбром солдате и дождавшейся его с войны красавице-невесте. Он только что получил солидный аванс в счет поставки ко двору сладостей на предстоящие костюмированный бал и спортивные состязания. Теперь следовало решить, как этими деньгами грамотно распорядиться. Конечно, в первую очередь нужно будет пополнить запасы муки, сахара, патоки, меда, цукатов, рома и эссенций, купить новые формы для тортов и пирожных. Неплохо было бы нанять еще хотя бы двух толковых работников. Ведь заказов, хвала богам, становилось все больше и больше.

Предаваясь этим приятным мыслям, он преодолел две трети пути от резиденции Правителя до кондитерской и даже не заметил, как стемнело. Почему поставщик двора не взял экипаж, а пошел пешком, он и сам не знал. Когда всего несколько коротких кварталов отделяли Руфуса Филча от дома, путь ему внезапно преградили двое мужчин весьма подозрительной наружности.

— Гляди-ка, какой румяный и упитанный, — сказал один из них, рассматривая кондитера и при этом нехорошо улыбаясь.

— Наверняка, этот откормленный старикашка ни в чем себе не отказывает, — в тон ему ответил другой, — жирует, небось, с утра до вечера, не то, что мы. Ни тебе поесть по-человечески, ни поспать. Только и думаешь, как бы на пропитание разжиться себе да детишкам, — не унимался он.

— Давай-ка, толстячок, раскошеливайся по-быстро-му и уйдеешь отсюда целым и невредимым. Только не вздумай сейчас сказать, что забыл дома кошелек. Меня это может очень сильно огорчить. И тогда... Я думаю, ты знаешь, что тогда, — тихо и угрожающе произнес первый.

Бедный Руфус от страха потерял дар речи. Он лихорадочно думал о том, что будет с кондитерской, если его сейчас вдруг убьют. А если не убьют, но отберут все деньги, полученные во дворце, и он не сможет выполнить заказ. Что тогда? Тогда — позор, равносильный смерти.

Дрожащими руками кондитер попытался расстегнуть пояс, на котором висел крепко привязанный увесистый мешочек с монетами.

— Что ты там возишься, толстяк? — прикрикнул на него один из грабителей, а другой тем временем многозначительно вытащил из-за пояса устрашающих размеров нож.

— Да прикончить его надо и все тут, а то разводим церемонии, — раздраженно сказал он, наступая на помертвевшего Руфуса Филча.

Совершенно неожиданно в едва освещенном переулке появилось новое действующее лицо. Хрупкая женская фигурка возникла будто бы ниоткуда, словно материализовалась из внезапно наступившей темноты. Она откинула капюшон плаща и не спеша огляделась.

— Оставьте в покое этого милого старика, — слегка растягивая слова, произнесла девушка, обращаясь к застывшим в недоумении охотникам за чужим добром, — и уходите, я отпускаю вас.

— Госпожа Юлия! Госпожа Юлия! — вдруг истошно закричал внезапно обретший голос кондитер. — Бегите, бегите немедленно, я постараюсь их задержать, — и он неловко раскинул руки, словно пытаясь заслонить девушку от злоумышленников.

«Опять Юлия, — подумала она, — неужели мы действительно так похожи? Я определенно должна на нее посмотреть».

— Вы меня с кем-то путаете, — спокойно сказала она, обращаясь к поставщику двора, который в своем благородном порыве защитить девушку начисто забыл о собственном страхе. — Меня зовут Дастина. А вас?

— Руфус Филч, — ошарашенно ответил он и даже попытался галантно поклониться. Кондитер, хоть и был в состоянии стресса, тут же вспомнил историю, рассказанную Робом Свенсом о том, что приключилось с ним во время несения караула.

«А ведь действительно, — мелькнуло в его голове, — у госпожи Юлии глаза зеленые, а у этой девушки, которая называет себя Дастиной, — светло-серые».

— Что это за балаган тут происходит? — истерически взвизгнул более нервный и радикально настроенный грабитель. — Пошла вон отсюда, ты... — и он грязно выругался. — Хотя нет, ты останешься и в следующий раз будешь знать, как вмешиваться в мужские дела.

Он подскочил к ней и замахнулся, намереваясь ударить. В ту же секунду Руфус Филч с неожиданной для его комплекции прытью бросился вперед и, навалившись на противника всей своей массой, вцепился зубами ему в руку.

— Ах ты, мешок с дерьмом! — взревел второй бандит и, обнажив клинок, бросился на кондитера, впившегося зубами в его подельника.

Когда смертоносное лезвие было уже в нескольких сантиметрах от шеи Руфуса Филча, тонкий красный луч прорезал темноту, и в то же мгновение оба грабителя повалились на землю, стеная и корчась от боли.

— Говорила же, отпускаю, — пожала плечами Дастина.

Она подошла к кондитеру, который все еще не мог унять нервную дрожь, и, участливо наклонившись к нему, спросила:

— С вами все в порядке? Надеюсь, они не успели навредить вам?

— Дитя мое, — со слезами на глазах произнес Руфус Филч, — если вы не Юлия, то я, наверное, не кондитер. Но раз вы говорите, что вас зовут Дастина, то, скорее всего, вам все-таки виднее. Послушайте, а что это с ними? — он уставился на два скрюченных тела, которые продолжали кататься по земле, издавая какие-то нечеловеческие звуки.

— Им просто больно, очень больно, — беззаботно ответила девушка. — Они или умрут, или запомнят эту боль на всю жизнь. Надеюсь, она поможет им измениться, если только они выживут, — с сомнением добавила она и тут же спросила: — А вы действительно кондитер?

— Я действительно кондитер, — с облегчением вздохнул Руфус Филч, — причем — поставщик двора, — он смущенно потупился, — и говорят, очень неплохой.

Он уже понял, что опасность миновала, и теперь, даже не пытаясь осмыслить случившееся, хотел только одного — поскорее попасть домой, а вернее — в свою кондитерскую.

— О боги, — вдруг запричитал поставщик двора, — позор мне, позор. Милая девушка, ведь если бы с ними не произошло вот *это*, — он недоуменно и все еще опасливо посмотрел в сторону своих обидчиков, — я бы даже не смог вас защитить.

— Что вы, что вы такое говорите? — попыталась успокоить его Дастина. — Вы вели себя очень мужественно и защищали меня, как... лев.

Взглянув на девушку и убедившись, что она вовсе не шутит, Руфус Филч вздохнул с облегчением. Ему почему-то ужасно захотелось сделать для нее что-нибудь хорошее. А первым делом, конечно же, вкусно накормить.

— Не окажете ли вы мне честь быть моей гостьей? — приосанившись, произнес кондитер и церемонно поклонился.

— Конечно же, окажу, — весело рассмеялась она. — Во-первых, вы мне нравитесь, а во-вторых, — она лукаво опустила глаза, — я очень люблю сладкое.

— А как же с этими? — поинтересовался Руфус Филч, указывая на грабителей, продолжавших, видимо, испытывать страшные мучения.

— С этими... — задумалась на секунду Дастина. — Полагаю, — заодно улыбнулась она, — что эти двое должны пойти в полицию, заявить о том, что напали на вас и попросить для себя примерного наказания. Они, наверняка, так и сделают. А теперь идемте. Я, честно говоря, очень хочу есть, — смущенно сказала она, — а вы меня обнадежили...

— Уж в чем-чем, а в этом, милая девушка, вы на меня понадейтесь, — расплывшись в улыбке, произнес Руфус Филч и, галантно предложив Дастине руку, повел ее в сторону кондитерской.

Настроение у нее было отменное. Во-первых, перспектива сытного и вкусного ужина с многообещающим десертом выглядела более чем привлекательно. Во-вто-

рых, было приятно выручить душку-кондитера, то есть совершенно неожиданно для себя сделать доброе дело. В-третьих, ближе к ночи ей предстояла встреча с Квинтом, и это слегка будоражило.

«Я же ни во что не вмешивалась, — убеждала саму себя Дастина, — ну ладно, почти не вмешивалась. Но ведь все вроде бы живы, никто не пострадал, кроме этих двух уродов. Ничего, будет наука на будущее, как обижать таких добрых, незащищенных и отважных пухликов. Он совершенно серьезно решил меня защищать, — улыбнувшись, подумала она. — Как это непривычно и как приятно, однако».

Пиршество, затеянное Руфусом Филчем по случаю своего чудесного спасения, превзошло все самые смелые ожидания Дастины. А кондитер на этот раз превзошел сам себя. Пока девушка расправлялась с обильными закусками и горячим, окрыленный поставщик двора метался между кухней и гостиной, лично руководя процессом, дабы не ударить в грязь лицом перед дорогой гостьей.

У него еще не было времени хорошенько поразмыслить над происшедшим, но интуиция подсказывала, что если бы не она, не эта девушка, принятая им сначала за дочь Правителя, то, вполне возможно, лежал бы он сейчас совершенно мертвый, с ножом в животе и, конечно же, без денег, что, впрочем, уже не имело бы никакого значения.

Наверняка, именно эту девушку и видел Роб Свэнс на дежурстве в Парке Защитников и Покровителей, когда решил, что ему мерещится госпожа Юлия. А сливовая настойка тут, скорее всего, вовсе ни при чем.

* * *

Когда, разбирая бумаги, взятые им наобум в доме Луция Прова, премьер наткнулся на эти письма, его сердце учащенно забилося. Такого везения он даже не ожидал. Интимная переписка супруги Правителя и покойного министра финансов была как нельзя кстати. Вернее, это была не переписка, а только письма Фелиции. Но зато какие письма! Ай да начальник монетного

двора, ай да молодец. Прихватил на всякий случай из кабинета министра финансов, не побрезговал. Эх, жаль, не было времени посмотреть, что он там еще полезного успел обнаружить.

«Теперь со всеми изъятыми документами разбирается наш милейший Квинт Юст. Интересно, попади к нему письма Фелиции, куда бы он с ними пошел — к ней самой, к Правителю или просто сжег бы? Да, начальник тайной полиции оказался бы тогда в весьма щекотливом положении. Что делать — вечная проблема выбора. Скорее всего, он бы их просто уничтожил. И все из-за своих ложных представлений о чести и благородстве.

Мне проще. Сначала я пойду с ними к Фелиции и использую эту блудливую дуру, как посчитаю нужным, а уж после этого отправлюсь к Титу Брициллу. Хотя ему вполне хватило бы и одних бумаг о припрятанном золоте. Впрочем, громкий скандал, связанный с бесстыдным распутством жены самого Правителя, лишним не будет. Так что все, в общем-то, складывается к лучшему. Скоро Юлия будет моей, и все остальное в этой стране тоже».

Задумавшись, он не сразу заметил, как в кабинет бесшумно вошла Сабина.

— Прости, что отвлекаю, любимый, — тихо произнесла она, — но мне нужно с тобой посоветоваться, а ты в последние дни все время занят.

— Да полно, душа моя, — ответил Гай Сервий, поднимаясь из-за стола ей навстречу, — для тебя я всегда свободен, и ты прекрасно это знаешь. А еще ты знаешь, — продолжил он, — что у меня самая умная, добрая, преданная и любимая жена в мире.

Подойдя к Сабине, он крепко прижал ее к себе и небрежно поцеловал, не замечая, что она из последних сил сохраняет самообладание и сдерживает слезы.

— Я весь в твоём распоряжении, дорогая, — сказал премьер, снова усаживаясь за стол, — располагайся. Может быть, немного вина?

— Нет, благодарю, я не настроена, — вяло отмахнулась она. — Послушай, Гай, во-первых, я хотела бы

обсудить с тобой наши костюмы на предстоящем балу. Времени осталось очень мало, а ты почему-то ничего не говоришь.

— Костюмы, костюмы... — задумался Гай Сервий. — Да, действительно, я как-то упустил это из виду, но ведь у меня есть умница-жена, которая вовремя исправит любую мою оплошность и не позволит мне совершить серьезную ошибку. Не так ли, милая? А о костюмах давай поговорим за ужином, если ты не возражаешь, конечно. У меня уже появились некоторые соображения.

— Я никогда тебе не возражаю, — как-то безразлично ответила Сабина, поднялась и медленно направилась к выходу.

— А во-вторых, что во-вторых, Сабина? — полюбопытствовал премьер, когда его супруга была уже у двери.

— Во-вторых, — с тяжелым вздохом сказала она, не оборачиваясь, — во-вторых, ты не любишь меня, Гай, и никогда не любил. Я знаю. Я даже не уверена, любишь ли ты наших детей. И еще насчет ошибок. Ты уже совершил нечто непоправимое. Я не знаю что. Мне даже страшно об этом думать. Но я чувствую беду.

С этими словами, не дожидаясь ни ответа, ни объяснений, Сабина вышла и тихо притворила за собой дверь.

Гай Сервий не очень озаботился словами жены. Мало ли что под настроение придет в голову любящей женщины. Он действительно был невнимателен к ней в последнее время. Ничего страшного. Она всегда его прощает. Простит и в этот раз.

«Как я мог забыть про костюмированный бал? — с досадой подумал премьер. — Ведь это отличная возможность реализовать часть моего плана. Только нужно будет приготовить несколько разных костюмов. Одними пускай занимается Сабина, а другими, пожалуй, займусь я сам. Что ж, полагаю, на этом балу мне удастся преподнести славные сюрпризы и нашему, пока еще, Правителью, и его “благородной” супруге».

Мысль, которая пришла Гаю в голову после напоминания о предстоящих торжествах, показалась ему весьма оригинальной и остроумной. Он невольно заулыбался,

представив себе реакцию Тита Брицилла и, особенно, Фелиции. Налив себе немного вина, того самого, которым ему пришлось «угостить» Марка Кабрия, он с удовольствием выпил несколько глотков и, ощутив прилив бодрости и энергии, продолжил разбирать бумаги.

«Жаль, конечно, что в этом деле нельзя будет воспользоваться помощью и советами Сабины, — рассуждал про себя Гай Сервий. — Она, безусловно, очень умна, но никогда не пойдет на участие в том, что я задумал, еще и отговаривать будет, наверняка. Уже ведь пробовала. Да и о моих планах насчет Юлии ей пока знать вовсе не обязательно».

Вызвав секретаря, премьер дал ему некоторые распоряжения по текущим делам, потом просмотрел документы, подготовленные к заседанию кабинета министров, подумал, кого Правитель мог бы утвердить теперь исполняющим обязанности министра финансов, и, наконец, стал размышлять о том, какие костюмы больше подойдут для того, что он задумал сделать на предстоящем балу.

А Сабина, вернувшись к себе, заперла дверь и, подойдя к окну, долго стояла, равнодушно глядя, как ветер гонит по улице разноцветные листья. Она машинально барабанила пальцами по подоконнику, думая о том, какое тяжелое решение должна принять, и хорошо понимая, что времени для этого у нее совсем мало.

— Уж лучше бы он в ту ночь был у женщины, — обреченно прошептала супруга премьер-министра.

Как-то на днях, выпив слишком много вина, Гай начал говорить совершенно жуткие вещи. Он хвастливо рассказывал, как Марк Кабрий подслушивал для него разговоры, ведущиеся в кабинете самого Тита Брицилла, и уверял Сабину, что располагает убийственным компроматом на Правителя. Вернее, вот-вот будет располагать, как только Луций Пров... Но не договорил, а, уронив голову на руки, уснул, прервавшись на полуслове.

Сначала Сабина подумала, что это просто бредовые фантазии пьяного мужа. Что ж, с каждым бывает. Наутро он ничего не помнил, а она деликатно не напоминала.

Когда стало известно о смерти Луция Прова, страшное подозрение закралось в ее голову и уже не покидало. Прослышав же об отравлении начальника смены почетного караула, несчастная женщина поняла, что, скорее всего, не ошиблась. Он принялся за реализацию своего плана и не гнушается ничем ради достижения цели.

Она слишком хорошо знала своего мужа, а он слишком многое ей доверял. Поэтому, сопоставив пьяные откровения Гая с реальными фактами и собственными рассуждениями, Сабина пришла к весьма неутешительному выводу. Любящая жена и мать, готовая на все ради благополучия своей семьи, поняла, что если Гай действительно совершил то, о чем она боялась даже думать, если он всерьез решил шантажировать Правителя с целью отстранения его от власти, ей придется выбирать между мужем и детьми. И она, конечно же, выберет детей, дабы уберечь их от последствий ужасных деяний Гая. Нужно забрать их и уйти, пока следствие еще не вышло на след убийцы и пока Тит Брицилл не знает, кто умышляет против него. Иначе в жернова жестоких репрессий попадут не только в чем не повинные сыновья, родители, она сама.

А что если попробовать выкрасть документы, которые муж заполучил такой страшной ценой, пока он еще не успел ими воспользоваться? Ведь раз Луций Пров мертв, а Гай доволен и весел, значит, эти бумаги у него. Если их не будет, то он не сможет реализовать свой ужасный план, вернее вторую его часть. И тогда, быть может, боги смилуются над ней и убийцу Луция Прова не найдут, а она сумеет сохранить самое дорогое в жизни — семью. Сабина все прекрасно понимала, но упрямо продолжала гнать от себя мысли о том, что произошло непоправимое и теперь уже ничего не будет как раньше.

* * *

Прохладным осенним утром в полицию неожиданно явились двое небезызвестных ее старожилам граждан. Выглядели они так, будто только что побывали в серьезной переделке, едва не стоившей им жизни. К удивлению

полицейских, оба настойчиво требовали взять их под стражу и поместить в изолятор для отрешенных. А потом непременно судить за разбойное нападение и попытку ограбления известного в городе кондитера Руфуса Филча.

Все это выглядело как-то уж очень странно. Сначала их хотели вытолкать из участка взашей, предварительно отделив как следует, чтобы неповадно было впредь разыгрывать полицейских. Но они клялись и божились в серьезности своих намерений и отказывались уходить даже под страхом примерной взбучки. Более того, они осмелились угрожать. Угрожать, что будут жаловаться полицейскому начальству на преступную халатность и бездеятельность низших чинов.

Пришлось посылать за кондитером, который по приходу в участок, не раздумывая подтвердил факт нападения на него и попытку ограбления. Он сразу же опознал преступников, явившихся с повинной и требовавших для себя наказания по всей строгости закона. При этом Руфус Филч нисколько не удивился такому повороту дела. Напротив, он заявил, что именно это и предсказывала девушка, благодаря которой ему удалось сохранить и жизнь, и кошелек.

Заподозрить всеми уважаемого, известного в городе человека, поставщика двора в сговоре со злоумышленниками было просто невозможно. Да и с какой целью, спрашивается, понадобилось бы кому-то таким странным способом вводить в заблуждение или разыгрывать представителей власти?

Все попытки выяснить у кондитера что-либо о девушке, так своевременно пришедшей ему на помощь, оказались тщетными. Он упорно твердил, что был сильно напуган и не запомнил, как она выглядит. Руфус Филч предпочел умолчать как о ее поразительном сходстве с дочерью Правителя, так и о том, что она была его гостьей.

Сами же любители ночного промысла вообще не помнили лица девушки. Они не помнили практически ничего, кроме своего преступного умысла против Руфуса Филча, нечеловеческой боли, которая долго не отпускала их, и

непреодолимого желания сдаться полиции, дабы получить по заслугам.

Только оказавшись за решеткой в изоляторе для отрепанных, они смогли, наконец, успокоиться и расслабиться.

Уже к вечеру эта странная история облетела столицу, и Руфус Филч, сам того не желая, оказался героем дня. Нельзя сказать, чтобы это ему очень льстило. Скорее, наоборот. Он предпочитал завоевывать известность первоклассными кондитерскими изделиями и отменным обслуживанием клиентов, а не участием в каких-то сомнительных историях. Кроме того, поставщика двора несколько смущал тот факт, что во время ночного происшествия он оказался под патронатом юной девушки, пусть даже такой очаровательной, как Дастина.

Вспоминая прощание со своей спасительницей, у которой, кстати говоря, оказался отменный аппетит, Руфус Филч незаметно смахнул слезу, предательски выкатившуюся из глаза. Он очень надеялся, что эта милая девушка не забудет дорогу в его дом, а значит, в его кондитерскую.

Ближе к вечеру того же дня, не сговариваясь и не дожидаясь традиционной встречи в каретной мастерской, повидаться с другом пришли Лоуи Марий и Роб Свэнс, которые, конечно же, не отказались отужинать.

— Что это ты вечно в какие-то истории попадаешь, скажи на милость? — добродушно басил Лоуи Марий. — Где ты, там и грабители обязательно. То в таверне, то на улице. Да и вообще, вышел из дворца с немалыми деньгами, почему, спрашивается, экипаж не взял?

— Да я и сам, честно говоря, не знаю, просто пройтись захотелось, воздухом подышать, — виновато оправдывался Руфус Филч, будто из-за того, что он не додумался взять экипаж, ограбили самого Лоуи Мария.

— С таким везением Руфусу нужно оружие с собой носить, — поддержал разговор начальник смены почетного караула. — Кинжал, например, а еще лучше — арбалет.

Оба друга долго смеялись, представляя себе румяного, пышного и совершенно не воинственного кондитера идущим по улице с арбалетом.

— Очень смешно, — укоризненно произнес поставщик двора, подкладывая гостям перепелов в сливочном соусе и доливая в кубки вина, — тоже мне, друзья называется. А насчет оружия я вам так скажу, Марк Кабрий всегда вооруженный ходил. Ну и что, помогло ему это? То-то же.

— Да ты не обижайся, дружище, мы же любя, — примирительно сказал Лой Марий. — Расскажи-ка лучше, какая это девушка так отделала твоих обидчиков, что они с утра пораньше со всех ног в полицию сдаваться бросились?

— Вот как ты думаешь, Лой, если человека грабят, есть у него охота девушек рассматривать или нет? У меня лично не было, и вам, в случае чего, не советую, — авторитетно заключил кондитер, обращаясь к друзьям. — Хотя, храни вас боги от таких приключений.

Про себя же Руфус Филч подумал, что молчание — золото. Он давно в этом убедился и не собирался пускаться в откровения ни с кем: ни с друзьями, ни тем более с полицией. Сходство Дастины с госпожой Юлией лично для него ничего не меняло. К тому же, не будь он поставщиком двора, знающим дочь Правителя в лицо, ему бы и в голову не пришло, что эта очень красивая девушка на кого-то похожа. Вот так. А то, что она сделала с грабителями, поделом им. Побольше бы таких девушек — все бандиты давно сидели бы в тюрьмах.

Единственным человеком, которому осторожный кондитер мог смело довериться, не сомневаясь в его деликатности и не опасаясь негативных последствий, был двоюродный брат Барти Круз.

«Если Барти не придет ко мне завтра, я сам к нему соберусь, — решил Руфус Филч. — Он ведь не мог не слышать об этой странной истории, разве что сидит, запершись, в своем пыльном архиве и ничего не знает. Нужно будет завтра непременно соорудить достойную корзинку его любимых сладостей и провести, а заодно обо всем поговорить».

Сегодняшний разговор с Титом Брициллом произвел на главу сената сильное впечатление. Правитель, судя по всему, был с ним достаточно откровенен. Но не потому, что безгранично доверял (он не доверял никому), а потому, что в сложившейся ситуации просто не нашел другого выхода.

«Если тот, кто имеет на руках документы о золоте, сумеет быстро и грамотно ими воспользоваться, Правителю придется уйти, — думал Вик Лициус. — И это в самом лучшем случае, если нынешний владелец документов согласится на тихий вариант. Тогда Тит Брицилл просто покинет свой пост по состоянию здоровья. Но ведь может разгореться политический скандал с совершенно непредсказуемыми последствиями. И что тогда? Тогда придется уйти всем. Мне — в первую очередь. Ведь новый Правитель, конечно же, захочет как можно быстрее расставить на ключевые посты своих людей. Ну что ж, это жизнь и принимать ее нужно такой, как она есть. Хотелось бы мне знать, кто же все-таки за этим стоит?»

Первый сенатор вполне разделял мнение Правителя — чтобы ответить на этот вопрос, нужно как можно быстрее найти убийцу Луция Прова. Тогда, может быть, удастся не допустить обнародования компрометирующих документов и нейтрализовать того или тех, кто замыслил уничтожение Тита Брицилла как политика и как главы государства.

Квинт Юст бросил лучшие силы тайной полиции на это расследование и делает все возможное для скорейшей поимки преступника. Правитель, однако, недоволен им и весьма раздражен тем, что драгоценное время уходит, а конкретного результата все нет.

Выходя из резиденции после беседы с Титом Брициллом, глава сената столкнулся с Юлией и князем Ингваром, которые возвращались с верховой прогулки и выглядели совершенно счастливыми. Он сразу же вспомнил, что, как докладывал один из самых смысленных и расторопных его помощников, во время трагической гибели

министра обороны и общественной безопасности Криспа Урвана князь знакомился с достопримечательностями столицы и в сопровождении министра двора как раз посещал Парк Защитников и Покровителей.

Повинуясь внезапному порыву, продиктованному скорее интуицией, чем здравым смыслом, Вик Лициус, любезно раскланявшись с дочерью Правителя и князем, тут же пригласил последнего посетить сенат, добавив при этом, что готов сам быть его гидом по уникальному зданию с четырехсотлетней историей.

— Почту за честь, — тут же, не раздумывая, согласился князь.

— Вот и приезжайте прямо сегодня, — предложил первый сенатор. — Зачем же откладывать? Тем более что дамы, насколько я знаю, планировали примерять костюмы к предстоящему балу, не так ли?

Юлия утвердительно кивнула.

— Согласитесь, дорогой князь, — улыбаясь, продолжил он, — примерка — это надолго. Поэтому, уверяю вас, мы успеем не только осмотреть здание, но и отобедать.

По дороге в сенат Вик Лициус вспомнил о покойном начальнике смены почетного караула Марке Кабри. Интересно, разобрался Квинт с тем, что он делал в подвалах резиденции и во дворце правительства? И откуда взялось дорогое вино, в которое был подмешан яд? И при чем тут сборщик налогов?

Вернувшись к себе, Вик Лициус принялся кругами ходить по кабинету, время от времени останавливаясь, чтобы выглянуть в окно. Впрочем, если бы карета князя Ингвара подъехала ко входу, первый сенатор, наверняка, услышал бы.

* * *

После тщательного осмотра места происшествия, где весы богини правосудия Эквитас размозжили голову министра обороны и общественной безопасности, Квинт Юст вернулся к себе и впал в состояние апатии и уныния. Снова красный треугольный след на руке покойного.

Снова никаких зацепок и улик. Чистой воды несчастный случай. Масса свидетелей. Правда, Правитель почему-то почти никак не отреагировал на это событие. Он рвет и мечет, требуя предъявить ему убийцу Луция Прова.

Тут тоже все не просто, но есть хоть какие-то подвижки. Удалось установить поставщика вина, которое перед смертью пили начальник смены почетного караула и сборщик налогов. Оно оказалось привозным и, действительно, очень дорогим. Заказчиков — несколько сотен. Проверка, безусловно, потребует времени. Кроме того, подтвердилось, что яд, которым были отравлены все трое, — один и тот же. Причем очень редкий. Только в первый раз его подмешали в вино Луцию Прову, а во второй — Марку Кабрию. Мытарь, скорее всего, ни при чем. Так, случайный прохожий или собутыльник. Самое главное — поскорее выяснить, как это вино оказалось у Марка Кабрия. Тот, кто дал ему бутылку с уже отравленным напитком, и есть убийца. Его самого и, по всей вероятности, Луция Прова.

Сейчас нужно как можно быстрее разобраться, что покойный начальник смены почетного караула инспектировал в подвалах резиденции Правителя, кто ему это поручал и перед кем он отчитывался.

Начальник тайной полиции решил заняться этим сам, не откладывая и никому не перепоручая. Он велел подавать карету и уже через несколько минут спустился к центральному подъезду. Открыв дверцу экипажа, Квинт Юст увидел удобно расположившуюся там Дастину, которая заговорщицки улыбалась ему, приложив палец к губам.

— Не ожидал? — тихо спросила девушка, когда карета тронулась. — Не волнуйся, меня никто не видел, можешь быть в этом уверен, — добавила она. — До резиденции — больше четверти часа езды, — Дастина взглянула на диковинный браслет со стеклом посередине, украшавший ее левую руку. — Как думаешь, успеем? — и, не дожидаясь ответа, подалась ему навстречу.

Когда Квинт Юст очнулся от сладкой истомы, карета стояла и, кроме него, в ней никого не было. Уже собираясь выходить, он обратил внимание на маленький

прямоугольник плотной белой бумаги с непонятными выпуклыми письменами, поверх которых типичным почерком левши было выведено: «До вечера. В кабинете Правителя сыро. Обрати внимание на вентиляционные каналы».

Эта девушка одновременно притягивала и пугала его. Прекрасно понимая, что предположения Вика Лициуса относительно того, кем на самом деле могут оказаться Дастина и князь Ингвар, имеют веские основания, он не хотел этому верить.

Тем не менее, оказавшись в резиденции, Квинт Юст все-таки решил сначала осмотреть кабинет Правителя, что и сделал в сопровождении его секретарей и охранников. Сам Тит Брицилл в это время кормил Дуката и принимал лечебный массаж в личных покоях.

«Сказать, что здесь сыро, было бы большим преувеличением, — скептически думал начальник тайной полиции. — Просто неуютно как-то. Мрачно, что ли, а может быть, прохладно».

Рассуждая так, он обошел кабинет по периметру, потом прошел еще немного, остановился и принялся внимательно разглядывать резную крышку вентиляционного канала на стене.

Велев вызвать начальника охраны резиденции с планом здания и ключами от всех подвальных помещений, Квинт Юст внимательно ознакомился с чертежами. Затем, отобрав несколько листов, аккуратно сложил их и засунул за пояс, вооружился факелом, увесистой связкой массивных ключей и, отказавшись от сопровождения, спустился в дворцовое подземелье.

Нельзя сказать, что это была приятная прогулка. Он с детства не любил крыс и летучих мышей, а здесь их было — не счесть. Время от времени сверяясь с планом, начальник тайной полиции двигался в том направлении, где должно было находиться помещение, расположенное под кабинетом Тита Брицилла.

Добравшись до места, он обратил внимание на следы грубой солдатской обуви, ведущие вдоль стены к маленькой неприметной двери. Их было много. Кто-то, видимо, проходил здесь не раз и не два.

Когда один из ключей на связке все-таки подошел к дверному замку и Квинт Юст попал внутрь, то был немало удивлен. Вместо большого помещения, соответствующего размерам кабинета Правителя, он обнаружил крохотную, сырую каморку с явными признаками недавнего пребывания человека. Прямо под отверстием вентиляционного канала стояла грубо сколоченная скамья, около которой валялись засохшие остатки пищи. Тут же на полу лежала, видимо забытая кем-то, пустая солдатская фляга.

Еще раз все обследовав, он понял, что основное пространство под кабинетом было наглухо замуровано, как и значилось на плане. Из чертежей также следовало, что дверь, которую он открыл, ведет в помещение, расположенное не под кабинетом Тита Брицилла, а под смежными апартаментами.

«Как же это проверить?» — подумал начальник тайной полиции. — Придется, наверное, подняться наверх, осмотреть все там, а потом снова спуститься сюда».

Тщетно пытаясь привести в порядок пропыленную и перепачканную паутиной одежду, он вдруг услышал доносившиеся откуда-то голоса. Сначала Квинт Юст подумал, что кто-то еще спустился в подполье, но, прислушавшись, понял, что это не так.

Голоса доносились из той самой клетушки, которую он только что осматривал, а точнее, из отверстия вентиляционного канала на ее стене. Подойдя поближе и прислушавшись, молодой человек к своему ужасу убедился, что один из них принадлежит Титу Брициллу, а другой — его секретарю. Правитель, будучи явно не в духе, отдавал некоторые распоряжения об изменении порядка намеченных на сегодня встреч. Потом отменил примерку нового парадного платья к предстоящему балу и велел вызвать к себе министра двора на первое же послеобеденное время.

Поднявшись наверх, Квинт Юст поинтересовался у начальника охраны резиденции, какие документы предъявлял Марк Кабрий, приходя инспектировать подвальные помещения, и кем они были подписаны.

Получив ответы на все интересующие его вопросы, он тут же отправил гонца в сенат с запиской для Вика

Лициуса, а сам поспешил домой переодеться, ибо платье его было в состоянии столь плачевном, что появиться в нем в резиденции или в сенате было совершенно невозможно.

«Откуда Дастина узнала об этом? — думал Квинт Юст. — Неужели Вик все-таки прав? Неужели и она, и князь?.. Не далее как вчера первый сенатор интересовался, пригласил ли я Дастину на бал. Конечно же, пригласил. А она, словно заранее зная о моем намерении, тут же ответила, что уже приготовила маскарадный костюм и готова быть моей дамой на этом балу. Еще девушка сказала, что ей было бы очень интересно посмотреть спортивные состязания».

Пытаясь по дороге сосредоточиться на ходе расследования, он поймал себя на том, что не перестает думать о Даistine, и решил на время выбросить эти мысли из головы. Но сделать это оказалось не так-то просто.

* * *

Теперь Барти Круз знал удивительную историю близнецов, которую ему удалось-таки раскопать в семейном архиве Правителя. В последнее время удача сопутствовала ему настолько, что архивариус не устал возносить хвалу богам. Вздохнув с облегчением, он подумал, что завтра поручит лучшим переписчикам скопировать часть изрядно обветшавших документов, которые уже были им тщательно систематизированы. Потом их упакуют в специальные короба, и работу по упорядочиванию личных бумаг Тита Брицилла можно будет считать оконченной.

Хотя сам он смертельно устал, зато результат, безусловно, того стоил. Подумав, что сегодня же вечером нужно будет обязательно встретиться с Дастином, Барти Круз, весьма довольный собой, отправился домой.

Едва он успел переоблечься в домашнее, как в дверь постучали. «Как же мне сейчас не до гостей», — с досадой подумал архивариус и обреченно поплелся открывать.

Однако, зайдя на пороге своего родственника Руфуса Филча с внушительных размеров плетеной корзиной,

доверху наполненной разнообразной снедью, Барти Круз обрадовался и заметно оживился. Во-первых, он искренне любил двоюродного брата, во-вторых — любил поесть, а в-третьих — очень любил сладкое.

— Проходи, Руфус, проходи, дорогой, — Барти Круз хотел помочь кондитеру и, взяв у него из рук корзину, чтобы внести в дом, невольно согнулся под ее тяжестью. — Да что ж это ты, в самом-то деле? Разве можно так надрываться? Ты хоть взял экипаж?

— Взял, Барти, взял, не сомневайся, — успокоил его гость. — Мне еще кучер и донести все это до твоего дома помог. Так что не волнуйся, сегодня я экипаж взял, хотя еще и не вечер.

— А при чем тут вечер к экипажу? — спросил архивариус, не переставая хлопотать вокруг Руфуса Филча.

— Так ты, получается, ничего не знаешь, — разочарованно протянул кондитер.

— Чего не знаю? — любопытствовал Барти Круз, аккуратно выкладывая на стол содержимое корзины и испытывая при этом обильное слюноотделение.

— Ну честное слово, обидно даже, — возмутился Руфус Филч. — Весь город знает, а он один, видите ли, не знает. На его родственника нападают разбойники, грабят и вообще... А он не знает. Лой Марий с Робом Свэнсом почему-то знают. Приходили вчера посочувствовать, поддержать, поужинать заодно.

Архивариус отвлекся от заветной корзины и растерянно уставился на двоюродного брата, возмущенного таким невниманием родственника к его собственной, едва не ограбленной и не убитой персоне.

— Руфус, прости, но я делал одну очень важную работу и вообще никуда не выходил, ни с кем не общался, — начал оправдываться Барти Круз. — Как неудобно получилось. Но ты ведь жив и, надеюсь, здоров? Тебя ведь не ограбили? Все обошлось? Ну рассказывай же поскорее. Я сгораю от любопытства.

— Видишь ли, Барти, — картинно откашлявшись и поудобнее устраиваясь на стуле, начал свой рассказ

Руфус Филч, — я, как ты знаешь, получил очень выгодный и почетный заказ.

Он сделал многозначительную паузу, словно давая возможность Барти Крузу в полной мере осознать, что такой заказ мог получить только поставщик двора. А дальше, не заставляя себя долго упрашивать, кондитер принялся красочно описывать драматические события ужасного вечера, едва не стоившего ему, в лучшем случае, кошелька, а в худшем — репутации и самой жизни.

Барти Круз слушал эту душераздирающую историю, затаив дыхание и не сводя глаз с рассказчика, что, впрочем, не мешало ему машинально жевать и отхлебывать ароматный маслянистый таниотик, который его добрейший родственник, несмотря на пережитый стресс, не забыл захватить с собой.

— И тут вдруг, словно ниоткуда, появилась она, — продолжал громогласно вещать Руфус Филч, дойдя, наконец, до самого интересного места. — И говорит им: «Я вас отпускаю на все четыре стороны», а они не понимают и снова лезут на рожон, обзываются, сквернословят, а она им: «Раз так, — вам же хуже. Если выживете, сами пойдете в полицию и сядете в изолятор для отрешенных». Грабителям, конечно, туго пришлось. Я думал, вообще помрут на месте. Ничего, живучие оказались. Даже до полиции кое-как поутру добраться смогли. Вот. А девушка добрая, чувствительная. Мне очень понравилась. Только уж очень худенькая да бледная. Питается, наверное, плохо, — сочувственно вздохнул кондитер. — Да, Барти, я ведь тебе самое главное забыл сказать, — он понизил голос. — Я поначалу ее за госпожу Юлию принял, так похожа. Защитить хотел от этих подонков. Хоть умереть, но защитить, правда. А оказалось, эта девушка сама кого хочешь... защитит. Дастина мне сразу сказала, что она — это она, а не Юлия. Пришлось поверить. Да и глаза у нее серые, а не зеленые, как у госпожи Юлии. Но это я уже потом хорошенько рассмотрел, когда мы ужинали...

От неожиданности архивариус едва не поперхнулся таниотиком.

— Погоди-ка, Руфус, — перебил он кондитера, — то есть ты хочешь сказать, что девушка, которая выручила тебя из беды, похожа на дочь Правителя?

— Почему хочу, я уже сказал, — невозмутимо ответил поставщик двора. — И не просто похожа, а одно лицо. Но она сказала мне, что она не Юлия, и я поверил, а потом сам убедился. Я же тебе только что это уже рассказывал. Какой ты, право, невнимательный.

— Да-да, извини, что перебил, продолжай дальше.

— А что тут продолжать? — развел руками Руфус Филч. — Дальше я пригласил ее в гости и, на мой взгляд, — он скромно потупился, — очень недурно угостил.

— Кого угостил? — перестал жевать Барти Круз.

— Ну как кого, Барти, девушку, конечно, — ответил кондитер, удивляясь про себя, как такой умный Барти Круз не понимает элементарных вещей. — Она была голодна, — терпеливо продолжал объяснять Руфус Филч. — Кроме того, Дастина сказала, что любит сладкое. А я сказал, что кондитер, и пригласил ее в гости. И накормил. Хорошо накормил. Она очень худая и бледная. Недокормленная какая-то. Понимаешь теперь?

— Теперь понимаю, — тут же откликнулся оцепеневший от таких удивительных новостей архивариус. — Значит, ее зовут Дастина?

Кондитер утвердительно кивнул.

— Да ты, действительно, настоящий герой, Руфус. Послушай, а ты кому-нибудь о сходстве рассказывал, — осторожно поинтересовался Барти Круз.

— Барти, ты что думаешь, я круглый дурак, что ли? Я всем сказал, что перепугался до смерти и ничего не помню. Не до того мне было, чтобы девушек разглядывать. Да и стемнело уже, а у меня глаза — совсем не те, что раньше. Я так и Лою с Робом сказал. Мало ли. Зачем мне лишние проблемы? А после того как ты мне рассказал, к чему приводит знание секретов и тайн, особенно государственных, я вообще предпочитаю больше помалкивать. Так что знай, я тебе одному все как есть поведал, ничего не утаив. К тому же, я понял, что Робу

тогда в Парке не померещилось и на настойку сливовую он зря грешил. И вот еще что. О том, что Дастина у меня в гостях была, кроме тебя, никто не знает. Она еще придет. Обещала. Только вот не сказала когда. Веселая девушка. Как проголодаюсь, говорит, так сразу и приду. Значит, скоро. И уж очень меня хвалила. Особенно кремовые рогаики. Я, кстати, ей о тебе рассказывал, какой у меня брат замечательный. Хоть и двоюродный, а ближе любого родного.

Барти Круз от умиления даже прослезился и положил себе на тарелку упомянутый кремовый рогаик.

— Вот я и подумал, — продолжал кондитер, — жаль, что у меня такой дочки нет, как эта девушка Дастина. И у тебя тоже нет. И не будет уже, — он окончательно расчувствовался. — Я вас обязательно познакомлю. Слышишь, Барти, обязательно. И мы будем дружить. Ты, я и Дастина.

Старый архивариус, никак не ожидавший такого поворота беседы, даже растерялся. Хотя перспектива знакомства со спасительницей кондитера его очень даже привлекала. Как человека и как ученого.

— Ты, Руфус, никак удочерить ее задумал, — пошутил Барти Круз.

— Удочерить? — переспросил Руфус Филч. — Почему ты думаешь, что она сирота? — совершенно серьезно поинтересовался он.

— Да брось ты в самом деле. Ничего я такого не думаю. Шучу просто. Понятно? Шу-чу.

Они поболтали еще немного, и кондитер, сославшись на неотложные дела, засобиравшись уходить. Работа есть работа. Тепло попрощавшись с родственником, Барти Круз взял с него обещание сообщить, как только Дастина снова появится в кондитерской. Проводив гостя, он почувствовал, что очень устал. Что ни говори, а возраст давал о себе знать. Кроме того, архивариус в свое удовольствие угощался таниотиком и так наелся, что его стало непреодолимо клонить в сон.

«Если я прилягу и немного подремлю, ничего не случится, — уговаривал он сам себя. — А потом встану и

сразу же отправлюсь к Дастину. Думаю, он будет мною доволен. В конце концов, какие-то несколько часов ничего не решают».

* * *

После всего случившегося с Сергиусом Роном в день их последнего свидания, свидания, ставшего смертельным для министра финансов, Фелиция пребывала в постоянном волнении. Сначала она то и дело возвращалась мыслями к тому роковому дню и пыталась припомнить, ничего ли не оставила, не забыла, не обронила, поспешно покидая злополучный дом. Никто ли не видел ее, убегающую в панике, никто ли не узнал. Со временем страх разоблачения притупился, но не пропал.

Однако самым неприятным неожиданно оказалось вот что. Желание завести новый роман разбивалось о некую непреодолимую психологическую преграду. Образ любовника, испутившего дух во время их интимной близости, никак не отпускал супругу Правителя.

Не без удовольствия встретившись несколько раз с одним молодым, успешным и неболтливым сенатором, заинтересованным в ее содействии, она так и не смогла лечь с ним в постель. Вернее, смогла, но и только. Желание тут же покинуло ее, а перед глазами возникло почти осязаемое видение лежащего на ней потного безжизненного тела. То же самое повторилось и в другой раз, после чего Фелиция благоразумно предпочла свернуть их отношения, понимая, что не сможет довести их до логического завершения. Впрочем, несостоявшийся партнер остался не в накладе. Вопрос, с которым он обращался к супруге Правителя, был решен наилучшим образом.

Она хорошо знала, о чем иногда шушукались за ее спиной придворные сплетники и сплетницы. Но была уверена, что никто из них не рискнет пойти дальше банального злословия. Оговор первой дамы государства был чреват весьма неприятными последствиями. А изолятор для отрешенных мог отбить желание «клеветать» даже у самых отъявленных моралистов.

Увидев на балу князя Ингвара, Фелиция зажглась было желанием, но тут же одумалась, осознав, что он может стать весьма выгодной партией для ее дочери, которая до этого игнорировала всех женихов и даже слышать не хотела о замужестве. К князю же Юлия отнеслась более чем благосклонно. Да и сам Правитель, казалось, был к нему расположен.

В последнее время весьма приятные и ощутимые знаки внимания ей оказывал министр налогов и сборов Валент Руф. Его подарки всегда были дороги и изысканны, а манера преподносить их настолько почтительна, что не принять подношение было просто невозможно. Он не обращался к супруге Правителя ни с какими просьбами, ни за кого не хлопотал, а просто всячески демонстрировал свое уважение и преданность, заставляя ее иногда задумываться, в чем же здесь подвох.

Главный мытарь страны был, несомненно, талантлив, обладал привлекательной внешностью, феноменальной памятью, типичными повадками баловня судьбы и огромным состоянием, значительную часть которого, якобы, унаследовал от родителей.

Злые языки, однако, приписывали его богатству несколько иную природу. При дворе, и не только, ходили упорные слухи, что далеко не все поступления от многочисленных налогов и сборов оказываются в государственной казне, а, минуя ее, оседают в сундуках министра. Но, как говорится, не пойман — не вор.

От большинства высших сановников государства его выгодно отличали покладистый характер и умение делиться. Кроме того, Валент Руф прекрасно знал свое дело, умел быть полезным Правителю, находить общий язык с вельможами и сенаторами и, что немаловажно, руководить своим непростым ведомством, не вызывая ненависти подчиненных.

В общем-то он по всем параметрам подходил Фелиции в качестве очередного любовника. Ее тревожило лишь то, не зашло ли его уважение к ней слишком далеко и не станет ли оно преградой на пути отношений другого свойства. И еще она опасалась снова оказаться в плену своих стра-

хов, когда дело дойдет до близости. Но проверить это можно было только эмпирическим путем. По крайней мере, именно так рассуждала первая дама государства.

Большие надежды по части реализации своих амурных планов супруга Тита Брицилла возлагала на предстоящий костюмированный бал. Она не поскупилась, чтобы раздобыть информацию о том, какой костюм готовит для себя Валент Руф. И теперь, располагая ею, могла, оставаясь до поры до времени неузнанной на балу, кое-что проверить. Во-первых, его отношение к дамам в целом, способность и умение доставить им удовольствие, а во-вторых, удастся ли ей, наконец, избавиться от навязчивого комплекса, виной которому стала такая неожиданная кончина министра финансов.

* * *

— Вы в этом уверены? — взволнованно спросил Дастин после того, как Барти Круз закончил свой рассказ.

— Я уверен лишь в том, что своими глазами прочитал эту удивительную историю в личных бумагах Правителя, — ответил архивариус. В том, что Роб Свэнс и Руфус Филч говорят правду, у меня тоже нет никаких сомнений. А еще я думаю, что таких совпадений не бывает.

— Когда я увидел портрет, — сказал молодой человек, то узнал маленькую Анну в первый же миг. Но получается, что девочек действительно было две. И документы, найденные вами, полностью подтверждают это.

— Строго говоря, — возразил Барти Круз, — на портрете изображены не Анна и ее сестра, а другие близнецы, родившиеся много позже, но каким-то образом сохранившие это необыкновенное сходство. Итак, что мы имеем? — продолжил он. — Для начала — материалы из семейного архива Правителя, проливающие свет на то, каким образом Анна, будучи младенцем, оказалась в доме ваших родителей. Но придворные летописи часто врут. Что поделаешь. Их пишут всего лишь люди. Обычные люди, которые по-разному видят, думают и по-разному все понимают. Люди, которых легко можно

запугать и недорого купить. Поэтому относиться к придворным летописям следует уважительно, но все же снисходительно. Затем мы имеем картину, написанную много лет спустя, которая подтверждает появление на свет, с интервалом в несколько поколений, девочек-близнецов. И, наконец, мы видим, что они, как две капли воды, похожи на Анну в детстве, что можете засвидетельствовать вы, и на госпожу Юлию в детстве, что могу подтвердить я сам, ссылаясь на собственную неплохую память и ее многочисленные детские портреты. Еще мы имеем сведения от двух надежных людей — начальника смены почетного караула Роба Свэнса и моего родственника кондитера Руфуса Филча. Они в один голос утверждают, что видели девушку, которую оба приняли за дочь Правителя. Правда, Роб Свэнс считает, что это ему померещилось. Зато мой двоюродный брат, которого эта юная особа удивительным образом спасла от грабителей, общался с ней достаточно долго и даже принимал у себя в доме. Более того, он вспыхнул к девушке такой симпатией, что, по-моему, был бы даже рад, окажись она сиротой. Ибо, как мне кажется, в этом случае с удовольствием бы ее удочерил. Я уже не говорю о том, что на правой руке у нее перстень абсолютно идентичный вашему. Но самое любопытное — другое. Руфус назвал мне ее имя, — Барти Круз сделал эффектную паузу. — Так вот, ее зовут Дастина. Интересно, не правда ли?

Архивариус сознательно приберег эту новость напоследок и теперь наблюдал за реакцией собеседника, который впился в него взглядом и жадно ловил каждое слово. Наверняка, на сей раз у Дастина не останется сомнений в том, что эта девушка и есть Анна. Только что с того, если она на самом деле лишена памяти? Тем большее будет тогда его новому другу попрощаться с хрупкой надеждой, едва обретя ее.

«Может, действительно, было бы лучше, если бы Анна умерла в те давние времена, — подумал Барти Круз. — Ведь умирают все люди. Ибо смертны по своей природе. Иного не дано. В день нашего рождения начинается непрерывный отсчет отпущенного нам времени.

Мы постоянно живем с этим знанием, принимая его как данность, а не как трагедию, и уходим, окончив свой земной путь, как уходили до нас все ранее живущие».

Его невеселые философские размышления были прерваны Дастином.

— Наверное, напрасно я все это затеял, — сказал он сдавленным голосом, с трудом преодолевая охватившее его волнение. — Вы ведь тоже так считаете и только что как раз думали об этом.

— А еще говорили, что не читаете мои мысли, — с легким укором произнес архивариус.

— Не читаю, — грустно ответил юноша. — Это правда, поверьте. Просто вы слишком умны, чтобы думать иначе. И еще вы абсолютно правы. Нужно было оставить все как есть. Никто не может перехитрить судьбу. Впрочем, я ведь хотел только узнать... Вот и узнал. Правда, слишком много такого, на что вовсе не рассчитывал. Я встретил Юлию, точную копию Анны, и, забывшись, пошел на то, чего не должен был делать ни при каких обстоятельствах. Я должен исполнять Миссию и не более того. Но ведь я тоже живой, хотя и не такой, как все. Слишком долго живой, — тут же прибавил он с горькой иронией. — У меня нет права на чувства, но, к сожалению, есть сами чувства. А виной всему моя память, будь она проклята! — с горечью воскликнул он.

Сердце Барти Круза разрывалось от жалости. Но что он мог еще сделать, чтобы помочь Дастину? Пока все его немалые усилия, потраченные на то, чтобы распутать этот таинственный клубок древних загадок, увенчались лишь успехом для него самого как ученого. Дастин же в результате изысканий архивариуса не обрел желанного покоя для памяти, к которому так стремился. Напротив, новое знание стало для него тяжким бременем. И теперь вместо того, чтобы примириться, наконец, с давно минувшим прошлым, он должен...

— Я должен встретиться с ней, — твердо произнес Дастин, словно откликнувшись на мысли архивариуса. — Хотя Анна все равно меня не узнает... Она сразу же поймет, что я такой же, как она, но никогда не узнает. Такие,

как мы, не пересекаются во времени и пространстве. Это просто какой-то сбой Механизма. Никогда раньше ничего подобного не бывало, — пояснил он Барти Крузу. — А потом мне лучше будет исчезнуть навсегда. Правда, только после того, как завершу здесь кое-какие дела, — тяжело вздохнул он. — Я сам во всем виноват и сам должен все исправить. Вот только Юлия... Из-за меня она какое-то время будет страдать. Зато я не позволю свершиться тому, что задумал этот негодяй. — Дастин побледнел сильнее обычного, глаза его гневно сверкнули и сузились, а губы плотно сжались. И сразу же выразительное лицо искренне страдающего человека снова превратилось в холодную маску не ведающего ни чувств, ни сомнений Исполнителя.

— Мы обязательно еще увидимся, Барти, — вновь потеплевшим голосом сказал он, — и спасибо вам за все.

Потом, будто повинувшись внезапному внутреннему порыву, подошел к старику, нежно обнял его и поцеловал в морщинистую щеку.

— До встречи.

А через мгновение неожиданно растаял в воздухе, не очень удивив этим растроганного до слез архивариуса.

Оставшись один, Барти Круз тяжело опустился в кресло, укутал ноги старым шерстяным плащом и надолго задумался. Он размышлял о той удивительной давнишней истории, которую сегодня подробно поведал Дастину.

«Вот уж, действительно, не бывает ни вечных империй, ни уж тем более вечных правителей, — подумал архивариус. — Только сами правители и раньше не хотели, да и теперь никак не могут примириться с этой простой и совершенно очевидной истиной. Редко кто из них согласен довольствоваться тем, что большинство людей веками почитает обычным человеческим счастьем. Часто, вступая в брак без любви, многие из них видят в женах лишь необходимый инструмент по производству здорового потомства и больше всего ценят в них способность к деторождению. На детей же они смотрят как на потенциальных наследников, располагая ими по своему усмотрению, исходя из соображений политической целесообразности».

Когда молодая супруга наместника восточных провинций, любимца самого богоподобного императора, двое суток не могла разрешиться от бремени, ее муж испытывал по отношению к ней нечто среднее между жалостью и раздражением. Он был зол на лекарей и повитух, которые, испробовав все известные им средства, лишь беспомощно разводили руками и предлагали уповать на милость богов, жертвоприношений которым с лихвой хватило бы на две дюжины младенцев. Но страдания роженицы лишь усугублялись. Все уже приготовились к худшему. Только душераздирающие крики и жалобные стоны измученной женщины, время от времени оглашавшие дворец, подтверждали, что она еще жива и в одиночку продолжает бороться со смертью. Своей и своего еще не родившегося ребенка.

Утром третьего дня, когда никто уже не рассчитывал на благополучный исход затянувшихся родов и было ясно, что и роженицу, и дитя ожидает, скорее всего, печальная участь, а наместник, еще не имевший законных наследников, подумывал о новой женитьбе, его супруга все-таки разродилась вполне здоровой и крепкой девочкой.

Тут же началась невообразимая суматоха. Воспрявшие духом лекари возносили хвалу милостивым богам, избавившим их от неминуемых крупных неприятностей в случае смертельного исхода. На радостях или просто по халатности они даже не удосужились, спустя некоторое время, убедиться в том, что вышла плацента.

Насколько опытные царедворцы не любят приносить своему властелину плохие вести, настолько же спешат оказаться первыми с радостным известием. Так было всегда и, наверное, всегда будет. Потому желающих оповестить наместника о рождении дочери оказалось предостаточно. Каждый из них был преисполнен чувства гордости, будто сам двое с лишним суток мучился в тяжелейших родах.

Счастливый отец тут же в сопровождении многочисленной свиты отправился в покои супруги, где все спешно было приведено в порядок, а его дочь, помытая и завернутая в нежнейшую ткань, мирно спала, то и дело причмокивая маленьким беззубым ртом в ожидании

первого в жизни завтрака. Поблагодарив жену за старание и боязливо поцеловав красное сморщенное личико своей новоявленной наследницы, наместник отдал необходимые распоряжения по организации празднования и удалился, обретя, наконец-то, покой и умиротворение.

Когда новорожденную унесла кормилица и вконец измученная и обессиленная, но счастливая роженица осталась одна, она тут же уснула. Сон был болезненный и беспокойный. Ей снилось, что роды продолжаются. Она даже чувствовала схватки. Не такие сильные, как наяву, но весьма ощутимые. Боль во сне все усиливалась. Женщина хотела позвать кого-нибудь, но не смогла и... проснулась. Это был не сон. Она снова рожала. Осознав это и, почему-то не предпринимая попыток позвать кого-нибудь, жена наместника, сжав зубы и впиваясь ногтями в ладони, чтобы не кричать, изо всех сил пыталась вытолкнуть из себя нечто, снова доставляющее ей боль. Не прошло и пяти минут, как она без посторонней помощи родила вторую девочку. За это время в ее покоях так никто и не появился.

Дитя почему-то молчало и не шевелилось. Супругу наместника охватили ужас и отчаяние. Она поняла, что девочке плохо, и хотела позвать на помощь, но впала в оцепенение и не смогла издать ни единого звука. Силы оставили ее, и женщина лишилась чувств. На пороге вдруг появился главный придворный лекарь. Несколько мгновений он созерцал представшую перед ним картину, видимо оценивая сложность ситуации, а потом начал действовать решительно и быстро. Перерезал пуповину, проверил целостность родившейся плаценты, схватил младенца и начал резко шлепать его по ягодицам и пяткам. Потом окунул новорожденную сначала в нагретую воду, которую еще не успели унести, а после — в холодную. Девочка молчала и не подавала никаких признаков жизни. После более чем четверти часа безуспешных попыток ее оживить он вынужден был сдаться и признать, что младенец мертв. Понимая, что теперь виновным в смерти ребенка, скорее всего, будет признан именно он, главный придворный лекарь решил бежать. Но куда?

Разве можно скрыться где-то от гнева всеильного наместника? Внезапно, повинувшись неясной, еще не оформившейся окончательно мысли, он схватил бездыханного младенца, быстро завернул в окровавленные простыни и, положив в сундучок со своими инструментами, выбежал из покоев жены наместника. Добравшись до чердачного помещения, где хранились травы и корни, из которых готовились разнообразные снадобья, лекарь немного отдышался. Никто, кроме него, не видел вторую девочку. Роженица не в счет. Это ведь мог быть сон, бред, родильная лихорадка... Да что угодно. Опрометью главный лекарь бросился назад. Увидев, что женщина еще не пришла в себя, он вздохнул с облегчением и, участливо склонившись над ней, начал нарочито тщательно исследовать плаценту, оставленную им сознательно, дабы оправдать вновь окровавленную постель. Тут весьма кстати появились его помощник и повитухи. Гневно потрясая перед ними последом, придворный лекарь грозил им неминуемой карой за недопустимый просчет, но милостиво согласился не информировать о нем отца ребенка. Когда через несколько минут супруга наместника пришла в себя, он еще раз поздравил ее с рождением дочери. Измученная тяжелыми родами женщина с его помощью вскоре убедилась в том, что видела всего лишь страшный сон, спровоцированный выходом плаценты.

Когда после всех перепитий этого безумного дня и двух предыдущих суток обессиленный придворный лекарь добрался до каморки, где оставил трупик новорожденной девочки, то, открывая дверь, услышал слабый писк. Охваченный ужасом, он бросился к сундучку, в котором оставил тело, и убедился в том, что девочка жива. Убить ребенка он не мог ни при каких обстоятельствах, не мог вернуть его родителям и сознаться во всем — это означало бы неминуемую смерть. Оставалось одно — вывезти младенца куда-нибудь подальше от столицы и подбросить в хорошую семью, людям, которые вырастят бы девочку, как свою родную дочь. Он знал таких людей. У них был маленький сын, дружная семья и добрые любящие сердца.

Перед самой смертью, будучи уже глубоким стариком, он сознался в содеянном своему единственному сыну, так и не назвав имена людей, на пороге дома которых много лет назад оставил девочку.

«Наверное, правильно сделал, что не назвал, — подумал Барти Круз, возвращаясь к реальности. — Это все равно уже ничего не изменило бы».

* * *

Когда первый сенатор уже решил, что князь Ингвар не придет, чем был немало раздосадован, ему передали записку, в которой тот приносил свои извинения и просил по возможности перенести встречу на более позднее время. Вик Лициус тут же отписал ему, что с удовольствием разделит бы с гостем вечернюю трапезу, и, подумав, что это даже к лучшему, занялся текущими делами.

Он ужасно не любил костюмированные балы и, как правило, игнорировал участие в них. Однако на этот раз бал давал сам Правитель. Не пойти было нельзя. При одной только мысли о необходимости облачаться в маскарадный костюм у него портилось настроение. Но ничего не поделаешь. Вот Квинт, например, обожает праздники, и заказал бы себе не один, а несколько костюмов, но недавно жаловался, что не имеет для этого ни минуты свободного времени.

Как только глава сената подумал о своем воспитаннике, на пороге появился секретарь с посланием от начальника тайной полиции, в котором последний уведомлял, что хотел бы навестить Вика Лициуса ближе к вечеру.

«Как бы они не появились в одно и то же время, — подумал первый сенатор. — Хотя... может быть, это и к лучшему. А возможность поговорить с каждым из них наедине, если понадобится, я всегда найду». С этой мыслью он распорядился, на всякий случай, готовить ужин на троих.

Осенними вечерами темнело рано. Поэтому апартаменты Вика Лициуса уже освещали многочисленные восковые свечи, горящие в массивных канделябрах. В

камине весело потрескивал огонь, со всех сторон облизывая сухие поленья. В такие часы хотелось, отрешившись от всего сущего и ни о чем не думая или же предаваясь исключительно приятным воспоминаниям, глядеть на причудливый, завораживающий танец языков пламени. Но времени для этого почему-то всегда не хватало.

Закончив работать с бумагами, глава сената пересел в кресло поближе к камину и решил до прихода гостей немного передохнуть, а заодно попытаться упорядочить свои мысли. Он специально не готовился заранее к разговору с князем, зная, что экспромты всегда удавались ему неплохо.

«Интересно, — подумал Вик Лициус, — кто из них появится первым?»

Первым появился Квинт Юст. Увидев, что стол накрыт на троих, он хотел было поинтересоваться, кого ожидает его наставник, но не сделал этого, резонно рассудив, что первый сенатор скажет сам, когда и если сочтет нужным. А пока никто им не мешал, начальник тайной полиции поспешил поделиться последними новостями, не предназначенными для посторонних ушей.

— Наконец-то, Вик, мне есть что сообщить вам о ходе следствия. Правда, не знаю, обрадует вас это или огорчит. И учтите, Правителю я еще ничего не докладывал. Так что времени у нас в обрез. Утром я должен быть у него. Начнем, пожалуй, с Марка Кабрия. Вы не поверите, но этот прохвост подслушивал через вентиляционный канал разговоры, ведущиеся в кабинете Тита Брицилла. Сидел в подвале и подслушивал, — Квинт Юст сделал эффектную паузу, понимая, что сказанное им должно произвести на собеседника сильное впечатление. И не ошибся.

Первый сенатор действительно был ошеломлен услышанным и даже не пытался это скрыть. Зная из разговора с Правителем то, чего не знал начальник тайной полиции, он тут же сопоставил факты, и все сложилось.

«Так вот где утечка информации, — подумал Вик Лициус. — Теперь осталось выяснить, на кого он работал», — а вслух произнес:

— Продолжайте, Квинт, продолжайте. И не сомневайтесь, вам удалось меня удивить.

— Как вы знаете, — повел дальше свой рассказ Квинт Юст, — начальник смены почетного караула по статусу имеет право допуска на территорию резиденции. Представьте, совсем недавно этот самый Марк Кабрий был назначен по совместительству инспектором пожарной безопасности государственных сооружений, что давало ему право посещать не только резиденцию Правителя, но и здание сената, и дворец правительства. Он мог совать свой нос в любые закоулки зданий, начиная от кухонь и заканчивая, естественно, подвалами. Вам, наверное, любопытно узнать, кто составил ему протекцию? Так вот, это был Гай Сервий. Он же подписал документы о назначении. Более того, вы ведь помните, что после каждого посещения резиденции Марк Кабрий отправлялся во дворец правительства. Я думаю, вы уже догадались, с кем он там встречался.

Первый сенатор утвердительно кивнул.

— Да-да, именно с премьер-министром, — подтвердил начальник тайной полиции. — И не один раз. Кстати, они встречались и до того, как Марк Кабрий стал «инспектировать». Задолго до того. Я полагаю, Гай Сервий или оплачивал ему некоторые услуги деликатного свойства, или просто содержал при себе в качестве освещателя.

— Возможно, сначала это было нечто, связанное с необузданным женолюбием Гая, — предположил Вик Лициус. — Он ведь постоянно за кем-то волочит. И как только бедная Сабина это выдерживает?

— Вполне вероятно, — согласился Квинт Юст. — Но что могло заставить его потерять голову настолько, чтобы решиться организовать прослушивание кабинета самого Правителя? Ведь это, фактически, государственная измена. А если так, значит — смертная казнь, конфискация всего имущества, репрессии в отношении родственников и так далее. Не понимаю, такой риск... Ради чего?

У первого сенатора был ответ на этот вопрос, по крайней мере, он так думал, но пока ничего не мог сказать Квинту.

«Пожалуй, мне следовало бы встретиться с Титом Брициллом, не откладывая до завтра, — подумал Вик Лициус. Он уже досадовал на себя за то, что пригласил князя Ингвара. — Кем бы он ни был, попытки государственных переворотов вряд ли входят в сферу его интересов».

— Получается, — рассуждал дальше начальник тайной полиции, — Марк Кабрий слушал, слушал и, наконец, услышал нечто такое, что, видимо, хотел знать Гай. Последний раз в резиденции Правителя он был за два дня до убийства Луция Прова, а во дворце правительства — через два дня после его убийства. И в тот же самый день начальник смены почетного караула был найден мертвым в компании сборщика налогов. Оба, как вы помните, оказались отравлены.

— Скажите, Квинт, — спросил первый сенатор, — а вы выяснили, откуда у них это вино? Где они могли его взять? Ведь месячного жалования обоих не хватило бы и на кувшин такого напитка.

— С вином тоже интересно, — вновь заговорил Квинт Юст. — Поставщик дал моим людям полный список покупателей. Их, кстати, не так уж много, вино ведь, мягко говоря, недешевое. Но только двое имеют непосредственное отношение ко всем отравленным, включая Луция Прова. Это, во-первых, Гай Сервий, а во-вторых, министр налогов и сборов Валент Руф.

— А он тут при чем? — удивился Вик Лициус.

— Ну, как же, Вик, министр налогов и сборов — не последняя фигура в исполнительной власти, вы же знаете. Он тесно общался с покойным Сергиусом Роном. Они, по-моему, были дружны с детства. С Луцием Провом, правда, его связывали исключительно деловые отношения. А вот Гай Сервий, как мне кажется, слегка недолюбливает Валента Руфа. Кроме того, в числе отравленных — чиновник его ведомства. Хотя лично я склонен думать, что сборщик налогов оказался там случайно.

Квинт Юст поудобнее устроился в кресле и снова заговорил:

— Мы аккуратно опросили смену наружной охраны, дежурившую у дворца правительства в день смерти

Марка Кабрия. Они показывают, что заходил он с пустыми руками, а вышел с плетеной корзиной средних размеров. Что было в корзине, никто не знает. Видели лишь, что она была чем-то накрыта. Она же была обнаружена полицией около трупов Марка Кабрия и сборщика налогов. Поскольку мы с вами, Вик, в своих рассуждениях следуем от частного к общему, — продолжал он, — а Правителя более всех других расследуемых дел интересует раскрытие убийства начальника монетного двора, обратимся теперь к обстоятельствам, предшествующим его смерти. Вечером того дня, когда Марк Кабрий последний раз побывал в резиденции, Правитель принимал в своем кабинете Луция Прова. О чем они говорили, теперь знают лишь сам Тит Брицилл и тот, кому Марк Кабрий эту информацию передал. Весь следующий день, до самого вечера, начальник монетного двора провел в министерстве финансов, разбирая по поручению Правителя бумаги в кабинете умершего при загадочных обстоятельствах Сергиуса Рона. Оттуда он отправился прямо домой. А утром его уже с нетерпением ожидал Тит Брицилл и был, кстати говоря, настолько обеспокоен его отсутствием, что ближе к полудню поручил мне разыскать начальника монетного двора, где бы он ни был, и доставить к нему. Я же, увы, доставил лишь известие о том, что обнаружил труп Луция Прова в его собственном доме. Мы знаем, что он был отравлен тем самым ядом, который несколько дней спустя послужил причиной смерти Марка Кабрия и сборщика налогов. Кроме того, на правой руке жертвы был выжжен треугольный знак, которым убийца хотел поставить это событие в один ряд с серией предыдущих необъяснимых самоубийств и несчастных случаев. Кстати, Вик, у следствия по сей час нет абсолютно ничего, что могло бы пролить хоть какой-то свет на необъяснимую гибель трех сенаторов и двух министров. Нет и пока что не предвидится. Кроме вашей версии насчет Исполнителя, разумеется.

— А вот об этом мы с вами, Квинт, попробуем побеседовать с князем Ингваром, — нарочито небрежно произнес первый сенатор. — Я пригласил его сегодня

к ужину, — он не удержался от довольной улыбки. — Признайтесь, друг мой, мне удалось вас удивить, не так ли?

— Более чем удивить, — отозвался начальник тайной полиции, — вы повергли меня в недоумение, Вик. Скажите, — спросил он, — пристально глядя на собеседника, — как вы представляете себе эту беседу?

— Да пока, честно говоря, никак, — беззаботно ответил Вик Лициус. — Наш случай, если я прав, настолько неординарный, что планировать какие-то хитрые ходы было бы просто глупо. Однако, пока мой гость не прибыл, давайте продолжим нашу беседу, — предложил он. — Хотел бы сообщить вам, милый Квинт, одну пустяковую, на первый взгляд, деталь. Угадайте, где находился князь Ингвар в то самое время, когда на заседании сената министр обороны и общественной безопасности Крисп Урван принял смерть от богини правосудия Эквитас, которая почему-то без предупреждения уронила ему на голову свои весы. Не знаете? А я вот знаю. Хотя кто из нас, спрашивается, начальник тайной полиции? — первый сенатор, шутя, погрозил пальцем своему воспитаннику. — Так вот, именно тогда наш милейший князь был в Парке Защитников и Покровителей. Министр двора в тот день проводил для него экскурсию по достопримечательностям столицы. И еще кое-что интересное. Я надеюсь, вы слышали историю, связанную с кондитером, поставщиком двора?

— Конечно, слышал, — с готовностью ответил Квинт Юст.

— А вас ничего в ней не смущает? — поинтересовался Вик Лициус. — Девушка-спасительница, странное поведение грабителей, их явка с повинной и непреодолимое желание во что бы то ни стало оказаться в изоляторе для отрешенных. Ведь странно, не правда ли?

— Да, конечно, странно, — тут же согласился молодой человек. — Просто я был очень занят расследованием и как-то не придавал этому особого значения.

— А зря, — с укором произнес первый сенатор. — Такие фокусы вполне могла бы проделать ваша новая

подруга, опять-таки в том случае, если моя гипотеза верна. Вы, кстати, давно ее видели?

— Вчера, — лаконично ответил Квинт Юст и тут же перевел разговор на другую тему: — Если вы не возражаете, Вик, — сказал он, тщательно пытаясь скрыть некоторое смущение, — я бы предложил подвести некоторые промежуточные итоги, пока не появился ваш гость.

Первый сенатор чуть заметно улыбнулся и в знак согласия утвердительно кивнул.

— Итак, что же мы имеем? — продолжал начальник тайной полиции, вновь обретя присущие ему уверенность и невозмутимость. — Я сейчас говорю только о тех трех убийствах, которые не подпадают под вашу гипотезу. То есть о нормальных преступлениях, в которых присутствуют такие элементы, как орудие, мотив, улики, подозреваемые и так далее. Мы имеем яд как орудие убийства, подозреваемого в лице, как это ни прискорбно, Гая Сервия и еще целый ряд косвенных улик. С мотивом — большой вопрос. Если это дело рук Гая, и если он не обезумел настолько, чтобы выбрать Юлию в качестве предмета своей очередной страсти, то мотив, скорее всего, политический. Может быть, он сам захотел стать Правителем? Нет, понять это очень трудно. Я бы даже сказал — невозможно. Разве что он узнал нечто, сильно компрометирующее Тита Брицилла, и подкрепил это бумагами, которые отобрал у начальника монетного двора. Сначала отобрал, а потом убил. И собирается шантажировать Правителя. Маловероятно, конечно. Но это так — гипотетически. Что мы можем ему инкриминировать? А практически, ничего. Мы не располагаем прямыми уликами, позволяющими предъявить обвинение премьер-министру. Кроме того, это был бы громкий политический скандал, который сейчас никому не нужен. Марк Кабрий и Луций Пров мертвы. Искать яд в доме премьера глупо. Если Гай действительно убийца, то, наверняка, давно от него избавился. Искать какие-то документы? Но мы ведь даже не знаем какие. Это может знать только Правитель. Что же в сухом остатке?..

В это время доложили о прибытии князя Ингвара.

— Дорогой князь, — радушно улыбаясь, произнес Вик Лициус, — мы с Квинтом вас уже заждались и, честно говоря, изрядно проголодались. Мой юный друг даже несколько раз порывался незаметно умыкнуть что-нибудь со стола, но я был начеку.

— Вик просто хотел, чтобы я умер от голода еще до вашего прихода, — смеясь, парировал Квинт Юст.

— Поверьте, господа, я никак не желал создавать вам неудобства, а уж тем более морить вас голодом, — извиняющимся тоном произнес князь. — Всеми виной эти костюмы для предстоящего бала. Не выношу примерок и медлительных портных. А сегодня был как раз такой случай. Но это вовсе не снимает с меня вины. И я готов искупить ее любым способом, который вы сочтете приемлемым.

— Ловлю вас на слове, князь, — шуточно сказал первый сенатор. — Мы с Квинтом не бескорыстны и не так уж великодушны, учтите. А теперь, господа, не угодно ли к столу?

Ужин действительно был великолепен, а беседа за столом протекала столь непринужденно, как будто встретились трое старых друзей, которым всегда есть о чем поговорить. Князь вел себя безупречно. Легко поддерживал разговор на любую тему, с удовольствием ел и пил, хвалил повара Вика Лициуса, расспрашивал, как обыкновенно проходят у них ежегодные спортивные состязания и костюмированные балы. Когда подали десерт, начальник тайной полиции, сославшись на неотложные дела, засобирался уходить. Хозяин дома отнесся к этому с пониманием и не стал возражать. Когда Квинт Юст уже готов был откланяться, князь Ингвар, сохраняя совершенно безмятежный вид, вдруг произнес:

— Оставайтесь, Квинт. Вам ведь не нужно никуда идти. Не знаю, как у первого сенатора, а у меня нет никаких секретов от вас.

Это было сказано весьма любезным тоном, не допускающим, однако, ни малейших возражений. Мягкость голоса и изысканность манер гостя никого не обманули. Что-то неумовимо изменилось за столом.

Начальник тайной полиции вопросительно взглянул на первого сенатора.

— А ведь князь прав, — произнес Вик Лициус. — Дела и в самом деле подождут, Квинт. Тем более что ни вы, ни наш гость еще не попробовали фисташковое суфле. Что же касается секретов, то, как мне кажется, они есть у всех, включая каждого из присутствующих. Просто, не посягая на чужие секреты, а уж тем более тайны, удастся лучше сохранить свои. Это мой собственный рецепт. К тому же чрезмерное любопытство часто бывает губительным для здоровья. Не правда ли, князь?

— Совершенно с вами согласен, — ответил князь, — и рад, что наши мнения совпадают. Но что же тогда, скажите на милость, делать Квинту, который по долгу службы обязан интересоваться чужими секретами?

— Помилуйте, господа! — воскликнул начальник тайной полиции. — Я сам не терплю праздного любопытства и чувствую отвращение, когда кто-то без нужды сует свой нос в чужую частную жизнь или тем более постель. Мне нет дела до секретов добропорядочных граждан, чьи помysłы не содержат преступных целей. Если же кто замышляет государственную измену, злокозненно задумывает покушение или переворот, посягает на основы общественного устройства, то, как мне кажется, любопытство тут ни при чем. Я просто делаю свою работу, за которую получаю жалование, и немалое, кстати. А тайная полиция, на мой взгляд, должна располагать всей необходимой информацией, чтобы действовать на опережение и своевременно предотвращать преступления, а не только расследовать их и ликвидировать последствия уже содеянного.

— Bravo, брависсимо, Квинт! — захлопал в ладоши Вик Лициус. — Запомните этот патетический текст. Он очень пригодится вам для отчета на заседании сената и государственного совета о результатах расследования последних дел. Особенно для ответов на вопросы. Наверняка, всех будет интересовать, что за мор напал на сенаторов и министров. И почему некоторые из них в последнее время заканчивают свой земной путь при весьма странных обстоятельствах?

— Не иронизируйте, первый сенатор, прошу вас, — заговорил князь Ингвар. — Никто не смог бы организовать расследование серии *самоубийств и несчастных случаев* лучше и толковее, чем это сделал Квинт Юст. Поверьте мне на слово. Я знаю, что говорю. Кроме того, не примите за комплимент, Вик, но *ваша гипотеза верна*. Вы с самого начала мыслили в верном направлении. Я восхищен. Теперь, что касается ваших проблем, Квинт, — размеренно продолжал князь. — Доверьтесь моей интуиции и моему опыту, и вы не ошибетесь. Я абсолютно уверен и думаю, вы согласитесь со мной, что сенаторы Дорус Лок и Тур Витий покончили с собой, имея на то очень веские основания. Министр Сергиус Рон умер своей смертью, хотя вполне мог бы последовать примеру уже упомянутых нами покойных сенаторов. Что и говорить, такой кончине, как у министра финансов, мог бы позавидовать любой мужчина, — притворно вздохнул он. — С Криспом Урваном произошел типичный несчастный случай. Что подделаешь, министр обороны и общественной безопасности сам пересел под руку богини правосудия, в которой она держала весы. Вот уж, действительно, непостижим промысел богов. Вы можете не тратить время и силы на дальнейшие поиски в этом направлении. Все равно по этим делам ничего нового уже не обнаружится. Грабителям в таверне и сборщику налогов просто не повезло. Злая ирония судьбы, и ничего более. А вот раскрыв убийства Луция Прова и Марка Кабрия, вам удастся выявить государственную измену, предотвратить политический кризис в стране и задуманный кое-кем государственный переворот. Вы с первым сенатором уже знаете имя убийцы. И не ошибаетесь. Теперь осталось лишь раздобыть необходимые улики. И еще, заметьте, господа, супруга вашего подозреваемого — очень умная женщина, и ради спасения своей семьи или, в крайнем случае, детей она будет готова на многое. Практически на все. Воспользуйтесь этим.

Князь в интересах Юлии предпочел пока умолчать о болезненной и тщательно скрываемой страсти Гая Сервия, подтолкнувшей его, вкуче с непомерным тщеславием

и жаждой власти, к той роковой черте, за которой путь назад уже заказан.

Квинт Юст и Вик Лициус — умны, прозорливы и находчивы. А Тит Брицилл — непревзойденный мастер политической интриги. Узнав то, что уже известно им двоим, он сможет заполучить и уничтожить опасные бумаги, которыми сейчас располагает премьер-министр. Тогда Юлия будет в безопасности.

Все было бы намного проще, если бы Механизм указал сейчас на Гая Сервия. Его кнопка тогда в парке оказалась одной из самых горячих. Но надеяться только на это было бы весьма опрометчиво. Как бы там ни было, никто не посмеет причинить зло Юлии.

— А теперь, Вик, я бы с удовольствием вернулся к вашему фисташковому суфле, — прервав затянувшееся молчание, обезоруживающе улыбнулся князь, — оно, действительно, бесподобно.

* * *

Столица снова готовилась к торжествам. Стадион уже давно был приведен в полный порядок, и теперь мастеровой люд на скорую руку подкрашивал и подмазывал фасады домов, расположенных близ него и в центре, неподалеку от резиденции Правителя. С десятков работников, вяло переругиваясь, убрали во дворцовом парке обильно опавшую осеннюю листву и посыпали его дорожки гравием и золотистым ракушечным песком.

Жители пригородов и провинций, особенно мужчины, которым удалось втайне от рачительных супругов сэкономить несколько монет, только и говорили о том, как бы попасть в качестве зрителей на ежегодные спортивные состязания. Количество мест на стадионе, предназначенных для простолюдинов, было ограничено, и только самые предприимчивые и расторопные могли рассчитывать на успех.

Жены лавочников и ремесленников проветривали праздничные платья, в которых не стыдно было бы вечером пройтись по центральным улицам со своими мужья-

ми. Они мечтали хотя бы издали, через витую парковую решетку, подсмотреть роскошное таинство придворного маскарада, чтобы потом, вернувшись домой, еще долго делиться незабываемыми впечатлениями с менее удачливыми соседками.

Владельцы многочисленных столичных таверн и харчевен запасались сверх обыкновенного наиболее ходовыми продуктами и напитками, предвидя большой наплыв приезжих, которые, несомненно, пожелают хорошенько выпить и закусить.

Не покладая рук работал и Руфус Филч. Ему нужно было не только в срок выполнить большой заказ двора, но и подготовить все необходимое для бесперебойной работы кондитерской, когда изрядно проголодавшийся за время спортивных состязаний люд хлынет со стадиона в город.

Лоуи Марий уже давно перекрасил и полакировал свои не самые новые экипажи, не сомневаясь, что публика позажиточней не захочет целый день сбивать ноги об пыльные столичные улицы и толкаться в толпе приезжих, а предпочтет за вполне разумную плату передвигаться на колесах.

Располневший в последнее время Роб Свэнс торжественно доверил Мерион распустить в боках и начистить свой парадный мундир. Начальник смены почетного караула ждал распоряжений начальства по организации службы в день спортивных состязаний и бала. Он еще не знал, придется ему дежурить со своей сменой или нет. Если придется, то уж лучше, конечно, на стадионе, чем в Парке Защитников и Покровителей.

Готовился к торжествам и Барти Круз. Он не поленился по собственной инициативе поднять архивные документы обо всех предыдущих состязаниях. Тщательно с ними ознакомившись, архивариус подготовил короткую, но весьма емкую и интересную справку, после чего предложил своему непосредственному начальнику Эрию Прату передать ее первому сенатору, который, в отличие от многих других, понимал всю важность архивного дела, умел и любил читать толково составленные бумаги.

Воровская братия тоже не осталась в стороне от предпраздничной суеты. Она готовилась во всеоружии встретить праздный люд и помочь ему облегчить свои карманы раньше, чем это сделают хозяева питейных заведений.

Светские дамы и кавалеры, уставшие от изнурительных примерок, держали в строгом секрете эскизы своих костюмов и масок, а лучшие столичные портные были в последние дни буквально на вес золота и пользовались этим обстоятельством без зазрения совести.

Фелиция втайне от всех приготовила для себя несколько разных костюмов. Она, зная наперед, какой костюм будет у министра налогов и сборов, собиралась воспользоваться маскарадом и, оставаясь неузнанной, проверить, так ли почтителен и нерешителен Валент Руф по отношению к дамам в целом, как к супруге Правителя в частности.

Юлия, не понимая, почему князь Ингвар (или Дастин, как она привыкла его называть) до сих пор не предложил ей стать его женой, надеялась, что он ищет удобный случай, дабы приурочить это к какому-нибудь торжеству. Ей казалось, что предстоящий праздник вполне подошел бы для обручения и официального объявления об их помолвке.

Квинт Юст был слишком загружен, чтобы уделять много времени подготовке к балу. Он заказал своему портному костюм, но даже не имел возможности его примерить. Целыми днями начальник тайной полиции занимался расследованием, а все ночи проводил с Дастиной.

Вик Лициус готовился к встрече с Сабиной, женой Гая Сервия. Он обязательно должен был увидеться с ней до бала. Первый сенатор, хоть и терпеть не мог маскарадные костюмы, вынужден был поступать как все. Ему не оставалось ничего другого, кроме как заказать себе новый костюм, поскольку в старом он появлялся уже дважды.

Сабина была преисполнена мрачной решимости довести до конца то, что задумала. Если удастся, она спасет семью, если нет, то хотя бы детей. Ее костюмы были готовы давно и надежно спрятаны, а молчание портного было оплачено так щедро, что он и под страхом смерти не проболтался бы, кем будет на балу его заказчица.

Министр налогов и сборов Валент Руф намеревался на предстоящем балу разыграть задуманную им комбинацию и подготовить почву для реализации своих далеко идущих планов. А для этого одного костюма ему было более чем достаточно. Кроме того, догадываясь, что супруга Правителя нынче к нему расположена, он хотел бы выяснить, насколько и как это можно использовать для достижения намеченной цели. Разузнать, какой костюм будет у нее на балу, не составило для него особого труда.

Гай Сервий готовился к балу особенно тщательно. Для того чтобы, не обнаружив себя, подбросить Правителю копию или фрагмент (он еще не решил) так интересующих его документов, а Фелиции — одно из ее писем к покойному любовнику, премьер-министр разработал целую схему. Чтобы она сработала, ему пришлось сшить не один, а целых три маскарадных костюма, причем у портного, который за деньги заказчика не только кроил и шил, но и готов был забыть все, что угодно. Они висели у него в кабинете под замком, подальше от посторонних глаз.

Правитель уже не мог ни отменить, ни перенести на позже запланированные мероприятия, которые сейчас, когда кто-то посягал на его политическое будущее, были так некстати. Необходимость присутствовать на спортивных состязаниях и особенно на балу раздражала Тита Брицилла сверх меры. О костюме он вообще не задумывался. Фелиция прекрасно знала его предпочтения, а портной — его мерки.

Дастина наслаждалась праздным времяпрепровождением и приятным общением Квинта Юста. Она с воодушевлением готовилась к балу, а еще собиралась, переодевшись в мужское платье, поучаствовать в спортивных состязаниях.

Дастин к балу не готовился. Он был поглощен мыслями об Анне и искал встречи с ней, хотя наверняка знал исход. А кроме того, пытался вывести для себя рациональную формулу, которая позволила бы, не вмешиваясь в существующий порядок вещей, нейтрализовать замысел

Гая Сервия и положить конец его посягательствам в отношении дочери Правителя. Собственно, сама возможность государственного переворота и устранения Тита Брицилла мало интересовала бы Дастина, не будь ее последствия связаны с судьбой Юлии. Он понимал, что любое общество не идеально, как и люди, которые в силу стечения обстоятельств временно управляют им. Здешние государственные мужи, за исключением тех, на кого указал Механизм, были ничем не хуже, хотя и не лучше других. Нельзя было не согласиться с тем, что многие из них отличались на удивление острым умом и глубокими знаниями, что стало впоследствии большой редкостью. Возможно, именно это и позволило им длительное время избегать крупных бунтов и народных волнений. Любопытно было наблюдать, как «свободные граждане» искренне радуются бесплатному уличному ужину и возможности наблюдать за пышными праздниками знати, не задумываясь над тем, что они сами все это и оплачивают.

Он давно уже научился принимать все как есть, включая несовершенство любого общественного устройства. В разные времена он часто видел, как правящая верхушка общества неуклюже примеряла на себя одежды аристократии и духовной элиты, оставаясь при этом всего лишь примитивной по своим ценностям и мотивам олигархией, сборищем выскочек, жадных к деньгам и власти, плебеев, напустивших на себя патрицианскую спесь. Очерстевшие сердцем и не преуспевшие разумом, забывшие, что народ состоит из людей, многие злополучные вожди и правительства бессовестно распоряжались общественным бюджетом и делегированными им полномочиями. Утопая в богатстве, созданном чужими руками, кичась роскошью и окружая себя незаслуженными почестями, они, не утруждая ни моралью, ни здравым смыслом, двигались к единственно возможной развязке — концу своего короткого и бесславного времени. И этим убогим было все равно, плюнут ли современники или потомки им вслед.

После разговора с Барти Крузом Дастин решил наведаться в кондитерскую Руфуса Филча. Архивариус полагал, что Анна, или Дастина, как она сама себя называла, обязательно еще заглянет к его родственнику, который неожиданно для себя самого вспыхнул к ней едва ли не отеческими чувствами. К тому же, если ты сластена, то, кем бы ты ни был еще, все равно останешься сластеной.

Чем ближе подходил Дастин к заведению поставщика двора, тем вкуснее становился уличный воздух. Ароматы свежей выпечки, ванили, тертого миндаля, карамели и сливочного крема приятно щекотали ноздри, вызывая одновременно сладкие и щемящие воспоминания. В детстве мама готовила им с Анной лакомство, похожее на то, которое впоследствии люди называли конфетами. Смешивая мед, инжир и орехи, она делала из этой массы небольшие шарики, охлаждала их и выдавала детям, по две штуки каждому, после завтрака, обеда и ужина. Он помнил, как Анна мгновенно съедала свою порцию и молча устремляла на него укоризненный взгляд огромных изумрудных глаз. После этого его порция тут же становилась ее добычей.

Переступив порог кондитерской, Дастин пожалел, что не заходил сюда раньше. Вокруг все сверкало чистотой. Было тепло, уютно и как то уж очень по-домашнему. Заняв свободное место в углу, лицом ко входу, он с интересом осмотрелся. Почти все столы оказались заняты. Среди посетителей сразу угадывались завсегдатаи, которые чувствовали себя привилегированными особами, потому что хозяин заведения, наверняка, хорошо знал вкусы и предпочтения каждого из них. Сам кондитер, пышный и румяный, как свежеиспеченный пончик, беспрестанно хлопотал, то являя свою внушительную персону любителям сладкого, то исчезая в недрах кухни. Он успевал одновременно раздавать указания работникам, здороваться и прощаться с посетителями, собирать и выдавать посыльным свои знаменитые корзинки, которые многие граждане побогаче предпочитали заказывать на дом.

Дастину показалось, что, увидев его, родственник Барти Круза, достоинства которого милейший архивариус превозносил на все лады, как-то изменился в лице. Потом подошел, радушно поприветствовал и сказал, что очень рад новому гостю и хочет предложить ему все самое лучшее, на свой вкус, причем обязательно за счет заведения. Молодой человек попытался было отказываться, но добрейший кондитер был так настойчив, что Дастин сдался. Спустя час он едва не засыпал от непомерного количества съеденных пышек, рогаликов, кренделей и засахаренных фруктов. Довольный Руфус Филч кружил вокруг его стола, предлагая новому посетителю попробовать все новые и новые сладости и незаметно подливая в его кубок то вина с медом, то морса.

«А ведь не зря Барти Круз расхваливал своего двоюродного брата, — разморено подумал Дастин. — Действительно, добрейшей души человек. Где-то я его уже видел. Нельзя столько есть. Если так дальше пойдет, — усмехнулся он, — хорош я буду. Посмотрел бы кто. Сидит Исполнитель в кондитерской и объедается за чужой счет в ожидании выбора Механизма. За все годы Миссии я столько ерунды не напорол, как в этот раз. Скорее всего, сегодня Анна уже не придет. И нет никаких гарантий, что она вообще здесь появится. Ее видели возле Стелы в Парке. Потом она выручила из беды этого милого кондитера и ужинала у него. Ей, несомненно, понравилось. Она с детства была сладкоежкой. Поэтому должна прийти. Может быть, не сегодня, но обязательно должна».

Разрозненные воспоминания детства и юности теснились в голове, сменяя друг друга. Внезапно он ощутил безотчетный страх, подумав о том, что вот-вот может увидеть ту, единственную, которую столько лет считал навсегда потерянной для себя, продолжая любить и помнить.

Словно в ответ на его мысли в дверном проеме появилась Анна. Сердце забило как бешенное, а в горле мгновенно пересохло. Дастин вдруг почувствовал, что почти не может дышать. С тех пор как судьба разлучила их, прошли долгие столетия, которые сейчас непостижи-

мым образом сжались в единый миг. С большим трудом ему удалось взять себя в руки и кое-как унять внутреннюю дрожь. Даже для него это было запредельно.

Кондитер же, завидев на пороге дорогую гостью, всплеснул руками от радости и ринулся ее навстречу с прытью, плохо совместимой с его комплекцией.

— Ну, наконец-то, — радостно запричитал он. — Насилу дождался. Вот радость-то. А я уж боялся...

— Боялись, что я не приду? — невинно поинтересовалась девушка. — Ну, вот еще. Последние два дня я только и мечтала об этом, — она выразительно закатила глаза и жадно принюхалась. — Как вкусно пахнет.

— Сейчас будем ужинать, дитя мое, — воскликнул Руфус Филч. — Две минуты терпения и, поверьте, я не обману ваших ожиданий.

Он усадил Дастину за лучший стол, который держал незанятым специально для нее, и опрометью бросился на кухню, чтобы отдать необходимые распоряжения.

Памятуя о том, что обещал Барти Крузу познакомить его со своей спасительницей, кондитер дал посыльному денег на экипаж, велел немедленно отправляться к архивариусу и везти его сюда.

Пока окрыленный поставщик двора заканчивал последние приготовления к подаче тех блюд, которыми он собирался попотчевать девушку до десерта (не может же человек питаться одними сладостями), сама она в ожидании ужина уютно устроилась за столом в нише у окна и рассеянно смотрела по сторонам. Дастина ожидала Квинта Юста. Как оказалось, он бывал в кондитерской, и предложение встретиться здесь вечером воспринял очень положительно.

«Нужно было сказать Руфусу, — подумала Дастина. — Хотя я уверена, он не будет против такого гостя, как Квинт».

Почувствовав на себе чей-то пристальный взгляд, девушка незаметно скосила глаза в сторону и увидела... Исполнителя. Это было невероятно, но ошибиться она не могла. Такие, как они, практически никогда не встречались, но если это все-таки происходило, безошибочно

узнавали друг друга. Он был очень красив и смотрел на нее в упор, не отрываясь, словно чего-то ждал.

«Что это с Механизмом такое происходит? — удивленно размышляла она. — То меня сюда забросил, но это даже приятно, для разнообразия. Интересно, он здесь с Миссией или тоже случайно, как я?»

Дастина приветливо кивнула ему и жестом руки предложила подойти.

— Располагайся, прошу, — просто произнесла она, указывая подошедшему юноше место напротив себя и невольно любуясь им. Какие-то несколько мгновений они молча смотрели друг на друга. Дастин изо всех сил старался не выдать охватившего его волнения, а Дастина, глядя на него, начинала чувствовать знакомую головную боль.

«Этого еще не хватало, — с досадой подумала девушка. — С чего бы? Я ведь ничего не пытаюсь вспоминать. Просто собираюсь вкусно поужинать и жду Квинта. Ладно, постараюсь не обращать на это внимания».

— Ты здесь как, — без обиняков спросила она, — с Миссией или тоже по ошибке, как я?

— С Миссией, — тихо ответил он, сиюсь скрыть смятение и говорить спокойно. — Скоро заканчиваю. А что значит по ошибке?

Они не называли друг друга по имени, так как знали, что Механизм присваивал всем им одинаковые имена и различал Исполнителей лишь по цифровым индексам.

— Да так получилось. Наверное, Механизм дал сбой. Выдал неверные координаты — и вот я здесь. Это впервые. Странно, правда? Теперь сижу и жду. Что-то вроде незапланированного отдыха. Но мне даже нравится. Немного не хватает привычных благ, особенно электричества и канализации. Зато интересно. Мне раньше не приходилось бывать в этом времени. Как-то не складывалось. Обычно я работаю в значительно более поздних периодах. Да что тут говорить, ты сам знаешь, времена меняются, люди — нет. Просто одеваются иначе. Вот и все.

— Просто одеваются иначе, — эхом повторил Дастин, и глаза его затуманились.

Он вспомнил, как Анна примеряла свадебное платье. Это был их последний день накануне той страшной ночи, когда его жизнь закончилась. Все, происходившее после, было лишь нескончаемой Миссией. С трудом подавляя в себе острое желание дотронуться до ее руки, Дастин поинтересовался, как долго она еще пробудет здесь.

— Не знаю, — легкомысленно ответила девушка. — Может, несколько дней, а может, неделю. Надеюсь успеть попасть на костюмированный бал, — она улыбнулась. — Меня пригласили. Да, не удивляйся. Я успела обзавестись тут друзьями, хоть и не положено. Но ты этого не слышал, правда. Вот, кстати, один из них. — Дастина кивнула в сторону вынырнувшего из кухни Руфуса Филча. — И, знаешь, он мне очень нравится. Да что это с ним?

Застав свою гостью за одним столом с юношей, которого он видел в тот ужасный день в таверне «Праведный путь» и запомнил на всю оставшуюся жизнь, кондитер действительно выглядел, мягко говоря, озабоченным. Он узнал его сразу, как только тот зашел в кондитерскую. Сначала смертельно испугался, а потом решил кормить до отвала за счет заведения.

«В конце концов, — рассудил кондитер, — приходил же он к Лою Марию. Ну и что? Ничего страшного. Приобрел отменный экипаж. Самый дорогой, кстати. И заплатил вдвое, как обещал, за то, что Лой ему быстро лошадей нашел. Чего мне бояться? Я человек мирный. Людей кормлю. Что ему до меня? Но вот что ему понадобилось от Дастины?» — с тревогой подумал кондитер.

Убедившись вскоре, что девушка не проявляет никаких признаков беспокойства, велел подавать.

Когда внушительных размеров стол был до отказа заставлен разнообразными закусками, а на кухне заканчивали готовить горячее и десерт, Руфус Филч подошел к Дастине и ее собеседнику и искренне пожелал им приятного аппетита. Как ни уговаривала его девушка разделить с ними трапезу или хотя бы просто составить компанию, кондитер был непреклонен.

— Дитя мое, я как-никак поставщик двора, — пустил он в ход свой последний неубиваемый аргумент. — У меня бал на носу. И не для того, наверное, вы спасли меня от грабителей, чтобы я покрыл свои седины позором, не выполнив в срок такой ответственный заказ. Мне нужно работать, — заключил он и, поклонившись, важной поступью удалился на кухню.

— Скажи, правда, он милый? — с нежностью спросила девушка и, словно ища подтверждения своим словам, взяла Дастина за руку. — Мне будет его не хватать. А теперь давай есть, я ужасно голодна.

Он замер, испытывая одновременно неосознанный восторг и вполне осознанное отчаяние. Это прикосновение сделало его беззащитным перед всеми воспоминаниями, которые были живы в его сердце и памяти. Зачем они ему, если она никогда не вспомнит? Зачем?

Тем временем к кондитерской Руфуса Филча с разных сторон подъехали два экипажа. Из одного, наемного и изрядно потрепанного, кряхтя, спустился Барти Круз. Из другого, нарядного, с государственным гербом на дверцах, легко выпрыгнул Квинт Юст. Они практически одновременно оказались у двери и, поприветствовав друг друга, вошли.

Представшая их взорам картина ничуть не удивила архивариуса, предполагавшего увидеть Дастина и Анну вместе. А вот начальник тайной полиции вряд ли ожидал застать Дастина, с которой договаривался встретиться здесь за ужином, в обществе князя Ингвара.

Отметив действительно необыкновенное сходство девушки, ради которой он приехал сюда, с дочерью Правителя, Барти Круз, стараясь не привлекать к себе внимания посетителей, проскользнул на кухню, чтобы там, без лишних глаз, пошутиться с родственником.

Квинт Юст же, преодолев некоторую растерянность, направился к столу, за которым, воздавая должное талантам Руфуса Филча и никого не замечая, увлеченно беседовала очень красивая пара. Он сразу обратил внимание на одинаковые массивные треугольные перстни на руках

обоих и подумал, что Вик Лициус, скорее всего, оказался, как всегда, прав.

«Ну и угораздило же меня», — с невеселой иронией подумал начальник тайной полиции, направляясь к ним. Он все еще не хотел признаться себе, что Дастина за это короткое время стала для него чем-то большим, нежели очередное мимолетное увлечение.

Неожиданно для себя самого, он почувствовал нечто очень похожее на укол ревности. Тем более что заметили его не сразу, а только после того, как он подошел достаточно близко и заговорил.

— Добрый вечер, Дастина, — произнес Квинт Юст и склонился в изящном поклоне. — Здравствуйте, князь, — непринужденно обратился он к собеседнику девушки, — очень рад видеть вас снова.

* * *

Все последнее время Юлия жила в лихорадке томительного ожидания. Избалованная всеобщим вниманием и поклонением красавица, первая невеста государства мечтала стать всего лишь обладательницей одного-единственного сердца. Теперь она часто бывала рассеянной и невнимательной. Безразлично выслушивая восторженные комплименты в свой адрес, тут же забывала их, потому что постоянно думала о другом. Ее разум никак не мог найти ответы на вопросы, которые волновали сердце. Девушка ничуть не сомневалась в том, что Дастин испытывает к ней глубокую и нежную привязанность. Иногда ей казалось, что он влюблен, но почему-то пытается подавить в себе это чувство. Он будто бы избегал их близости, к которой она стремилась, вел себя так, словно был в чем-то виновен перед ней. Он не говорил о будущем и умело уходил от любых разговоров о своем прошлом. Не зная истинной природы его чувств и переживаний, Юлия терялась в догадках. Хотя родители, да и весь двор, однозначно воспринимали Дастина в качестве ее потенциального жениха, Юлия вовсе не была уверена в том, что он вообще собирается сделать ей предложение. Чем

ближе к балу, тем острее становилось для нее ожидание определенности. Да, они знакомы недолго, но это первый и единственный мужчина в ее жизни, которого она хотела бы видеть одновременно в качестве мужа, любовника, спутника жизни и отца своих детей.

Девушка уже не представляла, как жила раньше, когда Дастина не было в ее жизни. Она теперь не могла и не желала мыслить себя без него, хотя какое-то тревожное предчувствие не оставляло ее, подсказывая, что ее счастье хрупко и недолговечно. Если на предстоящем балу он не сделает ей предложения, которого она так ждет, она сделает это сама.

Они виделись каждый день и много времени проводили вместе. Но сегодня вечером Дастин был занят и обещал появиться в резиденции лишь завтра утром. Почему бы ей не отправиться в город, чтобы хоть как-то отвлечься? Она как раз собиралась навеститься в кондитерскую Руфуса Филча, чтобы полакомиться своими любимыми пирожными и заодно послушать из первых уст о недавних приключениях поставщика двора.

В последнее время Юлии становилось все труднее покидать дворец незамеченной. Люди Квинта Юста теперь сопровождали ее постоянно. Поэтому, велев подать карету, она была уверена в том, что экипаж тайной полиции тоже готовится к выезду. А когда в сопровождении двух особо приближенных придворных дам спустилась к парадному входу, убедилась, что не ошиблась.

Подъехав к кондитерской и увидев возле входа карету Квинта Юста, девушка искренне обрадовалась. Она любила проводить время в его обществе. Им всегда, с самого детства, было о чем поговорить.

Глубоко вдохнув неповторимый запах, окутывающий заведение достойного Руфуса Филча, она поднялась по ступенькам и вошла вовнутрь, ожидая увидеть начальника тайной полиции, который, наверняка, будет очень рад ее появлению.

Юлия действительно сразу же увидела Квинта Юста, стоящего возле стола, за которым сидели Дастин и... она сама.

«Наверное, я сплю или сошла с ума, — подумала дочь Правителя. — Если я стою здесь и одновременно вижу себя сидящей за тем столом, значит это или сон, или бред. Скорее всего — сон. Значит, и Дастин, и Квинт мне просто снятся. Но почему так удивлены мои придворные дамы? Они стоят как вкопанные и переводят глаза с меня, стоящей... на меня, сидящую. Не может же нам троем сниться один и тот же сон. Так не бывает».

Первым заметил Юлию Квинт Юст и, многозначительно взглянув на «князя», как ни в чем не бывало направился ей навстречу. Дастина невольно залюбовалась его статной фигурой и легкой грациозной походкой, ощутив при этом нечто похожее на чувство гордости.

— Вот это да, — вздрогнув, удивленно прошептала она, увидев девушку, к которой подошел начальник тайной полиции. Дастина была наслышана о своем необъяснимом сходстве с дочерью Правителя, однако относилась к этому весьма скептически. Мало ли похожих людей.

Но то, что предстало ее взору, — действительно впечатляло. Точная копия ее самой то ли растерянно, то ли изумленно смотрела на Дастину, широко раскрыв огромные зеленые глаза редкого изумрудного оттенка.

«А ведь правда, — подумала она, — сходство просто невероятное. Будто зеркальное отражение. Если бы не глаза, вообще никакой разницы не было бы. Теперь я понимаю, почему и Квинт, и Руфус, и тот военный в парке решили, что я — это она».

Дастина решительно поднялась и, дружелюбно улыбаясь, двинулась в сторону Юлии и Квинта Юста, который, едва успев поприветствовать дочь Правителя, тотчас принялся что-то ей объяснять.

Дастин увидел Юлию последним, уже после того как Дастина встала из-за стола и пошла вслед за начальником тайной полиции, который, неожиданно появившись минуту назад, вдруг извинился и так же неожиданно ретировался.

Эта встреча никак не входила в планы Дастина. Он плохо представлял себе, как объяснит Юлии присутствие Дастины, особенно с учетом их абсолютного сходства.

Короче говоря, впервые за неизвестно какое время он был растерян, а еще — донельзя зол на себя.

«Хорош я, однако. Затеял неизвестно что, как мальчишка, как последний дурак. Знал ведь, что нельзя. Знал, что общение с людьми вне исполнения Миссии запрещено. Так нет же. А теперь что?» — с досадой и горечью думал он.

Подойдя к живописной группе, состоящей из двух абсолютно одинаковых девушек и ослепительно улыбающегося Квинта Юста, он уловил произнесенное начальником тайной полиции слово «сестра».

«О ком это он?» — недоуменно подумал Дастин и тут же получил исчерпывающий ответ на свой мысленный вопрос.

— Я уже успел представить госпоже Юлии вашу сестру, княжну Дастину, — непринужденно произнес начальник тайной полиции. — Помнится, мы с вами говорили об их внешнем сходстве. Оно, право, производит впечатление.

«Ай да Квинт Юст! Ай да молодец!» — с благодарностью подумал Дастин.

— Мне хотелось сделать Юлии сюрприз, — предвосхищая ее вопрос, вкрадчиво произнес он. — Иначе было бы неинтересно, не так ли?

— Безусловно, — с готовностью ответил начальник тайной полиции, отсекая возможность иных толкований «сюрприза».

«Ну вот, я уже княжна, — с удовольствием констатировала про себя Дастина. — Как же мне все это нравится. Хотя чего-то я, кажется, не понимаю. Ладно, надеюсь, кто-нибудь из мужчин мне потом объяснит, что здесь происходит».

— Князь большой мастер делать сюрпризы. Но тако-го, честно говоря, я не ожидала, — справившись с некоторым замешательством, сказала Юлия. — Ингвар не говорил мне, что его сестра... что мы с ней так... похожи. Что ж, сюрприз удался на славу. Я очень рада познакомиться с вами, княжна.

Квинт Юст тут же предложил расположиться за одним столом и продолжить ужин. Он хотел послать за хозяином, но в этом не было надобности. Руфус Филч, наблюдавший со стороны все от начала до конца, уже давно распорядился накрывать.

Такого букета знатных и таинственных посетителей у него давно не было. Да что там давно — никогда. Дочь Правителя, начальник тайной полиции (придворные дамы при таком раскладе, конечно, не в счет), его спасительница Дастина, по своей прихоти отправляющая грабителей и преступников прямо в полицию, и, наконец, убивающий взглядом юноша из таверны, которого начальник тайной полиции почему-то называет князем.

Посетители кондитерской, которых в вечернее время всегда было предостаточно и которые не знали в лицо дочь Правителя, увидели всего лишь знатных девушек-близнецов, почтивших своим присутствием заведение поставщика двора в обществе не менее знатных молодых людей.

— Голова кругом идет от всего этого, — округлив глаза, жалобно произнес Руфус Филч, вернувшись на кухню и обращаясь к архивариусу. — Ты что-нибудь понимаешь, Барти?

— А что тут понимать? — задумчиво сказал Барти Круз, любясь марципановой звездой на своей тарелке, — вроде бы и так все ясно. Это жизнь, Руфус. Просто жизнь.

* * *

К встрече с Сабиной Вик Лициус готовился особо тщательно. Она всегда была ему симпатична. Образцовая мать и жена, умница, каких мало, сделавшая все от нее зависящее, чтобы Гай Сервий занял подобающее положение в обществе и достиг своего нынешнего статуса в государственной иерархии. Первый сенатор размышлял о том, догадывается ли бедная женщина, что ее муж преступник, и представлял, как ей должно быть горько и больно, если догадывается. Сам глава сената испытывал

разочарование и смутное ощущение вины. Ведь именно он, в бытность сенатором, немало способствовал выдвижению Гая, который в то время был его помощником. Да и после не единожды ему пришлось приложить руку к тому, чтобы блестящая карьера мужа Сабины состоялась.

Вик Лициус планировал переговорить с супругой премьера, не ставя в известность Правителя. Такое решение он принял после того, как Тит Брицилл, молча выслушав подробный доклад начальника тайной полиции, дал им обоим полную свободу действий, сказав, что его интересует конечный результат, независимо от средств, которыми они воспользуются. Было видно — Правитель глубоко уязвлен тем, что злоумышленником оказался именно Гай Сервий, долгие годы раболепно искавший его милости и кормившийся с его руки.

Тит Брицилл требовал любой ценой как можно скорее добыть и доставить ему документы, которые стоили жизни Луцию Прову. Только после этого можно будет арестовать премьер-министра. А пока следовало, не допуская утечки информации, контролировать каждый его шаг и делать вид, будто следствие продолжает топтаться на месте или пошло по ложному пути.

Похоже, все остальное, включая странные смерти министров и сенаторов, перестало сейчас интересовать Правителя. Через призму грозившей ему опасности шантажа и серьезных разоблачений он воспринимал их, как нечто второстепенное. А когда на кону власть, второстепенные вопросы подождут, полагал он. Поэтому попытки Вика Лициуса именно сейчас заострить его внимание на причинах труднообъяснимой череды потерь в правящих кругах не увенчались успехом. Кроме того, глава сената был ограничен в свободе маневра. Не мог же он сказать Титу Брицилли, что Исполнитель — не чей-то досужий вымысел и не легенда из старинных рукописей, повествующих о якобы существовавшем когда-то Механизме, а не кто иной, как предполагаемый жених его единственной дочери.

Вик Лициус понимал, что князь Инвар, а вернее тот, кто скрывался под его именем, не безразличен к сложив-

шейся ситуации потому, что хочет защитить Юлию от возможных последствий интриг премьер-министра против ее отца. Он не ошибался, но, зная лишь часть правды, не совсем понимал, зачем князь посоветовал ему, не откладывая, встретиться с Сабиной. Это было весьма странно, но первый сенатор решил воспользоваться полученным советом. Он давно научился не заикливаться на вопросах, ответов на которые в данный момент все равно не было. Всему свое время.

А пока что глава сената, найдя благовидный предлог для встречи и зная, что Гай Сервий в это время инспектирует стадион на предмет готовности к ежегодным спортивным состязаниям, отправился с визитом к его супруге.

По дороге под мерный убаюкивающий цокот копыт, плотно задернув занавесками окна кареты, Вик Лициус предавался размышлениям о быстротечности времени и превратностях судьбы, от которых никто не застрахован. Он думал, как милостивы боги, устроившие все так, что смертные не знают своего будущего ни на день вперед. И как недалёковидны те из смертных, которые откладывают жизнь на потом, ошибочно полагая, будто впереди у них бездна времени.

Перед тем как нанести визит Сабине, первый сенатор отправил к ней курьера с запиской, дабы заручиться согласием на встречу. Поэтому надеялся, что его ожидают. И не ошибся. Супруга Гая Сервия встретила его у входа и, тепло поприветствовав, сама проводила в небольшую, уютную гостиную, где они удобно расположились в креслах друг напротив друга. Кажущаяся безмятежность женщины, привыкшей сдерживать эмоции и прятать от всех свои истинные чувства, не обманула проницательного и умудренного жизненным опытом мужчину, умевшего разглядеть истинное под напускным и отличить сущностное от являющегося. Обменявшись приличествующими случаю любезностями, они осторожно приступили к разговору.

— Мне необходим ваш мудрый совет, Сабина, и... не только совет, — произнес Вик Лициус. — Поэтому я

осмелился потревожить вас и оторвать от дел, хотя прекрасно знаю, что накануне бала это может быть весьма некстати.

— Не сомневайтесь, Вик, — вымученно улыбаясь, ответила она, — я сделаю все, что в моих силах и постараюсь помочь вам. Вы ведь писали, что нуждаетесь в моей помощи, не так ли?

— Совершенно верно. Дело касается моего малолетнего племянника, — серьезно заговорил первый сенатор. — Родители никак не могут найти для него достойного воспитателя. Поменяли уже третьего и все равно недовольны. Если мне не изменяет память, в детские годы у Юлии был наставник, он же учитель латыни, который потом перешел на службу к вам. Сколько я слышал, все отзывались о нем более чем лестно. Вот, собственно, зная об этом, я и хотел осведомиться, как долго еще понадобится он вашим сыновьям. Ведь дети растут быстро. А мне не хотелось бы его упустить. Если он не испортился, разумеется, и не растерял свои навыки и умения.

— Можете быть уверены, Вик, — сказала Сабина, — он все еще лучший, хотя годы, конечно же, берут свое. Но я вынуждена вас огорчить. Мы пока что не планируем отказываться от его услуг. Мои сыновья очень любят своего воспитателя и ни за что не отпустят. Они хоть и подросли, но едва ли меньше, чем прежде, нуждаются в таком мудром и добром наставнике. Однако я буду помнить о вашей проблеме, — добавила она, — и, если хотите, переговорю с ним. Возможно, он посоветует кого-нибудь, в ком вы не разочаруетесь.

— Вы, как всегда, добры ко мне, — прочувствованно произнес первый сенатор. — Я искренне признателен за участие и с удовольствием воспользуюсь вашим любезным предложением. Хотелось бы, чтобы мой племянник попал в хорошие руки.

Вик Лициус сделал вид, что собирается откланяться, хотя на самом деле у него были совсем иные планы. А Сабина просто не могла позволить, чтобы, в кои веки оказавшийся в ее доме, глава сената покинул его спустя какие-то пять минут. Это было бы верхом неприличия.

— Неужто при всей занятости, Вик, — с укоризной сказала она, — вы не уделите мне немного времени? Поверьте, общение с вами, как глоток свежего воздуха. Правда. Тем более вы уже здесь. Так что знайте, никуда я вас не отпущу. По крайней мере, в ближайшие полчаса.

Глава сената, предвидевший именно такое развитие событий, сердечно поблагодарил за добрые слова и сказал, что почтет за честь подольше пообщаться с самой умной и очаровательной женщиной из всех, кого он когда-либо знал.

Сабина готовилась к его приходу. Это было видно по тому, как быстро подали легкие закуски, причем именно те, которые он больше всего любил, и вино, которому он отдавал явное предпочтение.

Супруга Гая Сервия была прекрасной собеседницей — умной и тонкой. В ее обществе первый сенатор чувствовал себя легко и комфортно. Он тяготился необходимостью начать нелегкий разговор, ради которого и появился здесь. Но выбора у него не было. Совершенно неожиданно Сабина сама пришла ему на помощь.

— Скажите, Вик, а кто в детстве был наставником Квинта Юста? — вдруг поинтересовалась она. — Ведь когда погибли его родители, вы взяли на себя все заботы о нем. Значит, вы же и нашли ему воспитателя?

— Совершенно верно, — ответил Вик Лициус. — Это был очень достойный человек. Увы, его уже давно нет среди живущих. Но Квинт до сих пор помнит и чтит его.

— Квинт одарен многими талантами, — тут же подхватила Сабина, — а врожденное благородство сквозит в каждом его движении, в каждом слове. Жаль, что сейчас у него столько проблем. Я слышала, Правитель сетует на работу тайной полиции из-за отсутствия результатов в расследовании всех этих непонятных смертей.

— Вовсе нет, — возразил первый сенатор, пристально глядя на собеседницу, которая достаточно умело скрывала свое волнение. Все обстоит как раз наоборот. Тит Брицилл доволен Квинтом. Ему хоть и пришлось тяжело, однако же удалось почти во всем разобраться.

— До чего интересно, — подавшись вперед, произнесла заметно побледневшая Сабина. — Вы разжигаете мое любопытство. Да-да, не удивляйтесь. Как каждая женщина, я любопытна и, кстати, не вижу в этом абсолютно ничего предосудительного. Я пыталась расспрашивать Гая, но он лишь сказал мне, что сам мало что знает, а следствие, судя по всему, движется туго, — продолжала она. — Я рада, что Квинту удалось, наконец, распутать этот клубок загадок.

— Все оказалось значительно проще, чем вы себе представляете, и я готов хоть сейчас удовлетворить ваше любопытство. Но запомните, — Вик Лициус, шутя, погрозил ей пальцем, — это государственная тайна.

— Обожаю государственные тайны, — улыбаясь, сказала Сабина и, если бы не легкая дрожь в голосе, замеченная первым сенатором, ничто не выдавало бы ее испуга.

— Вы обещаете мне никому ни слова не говорить о том, что я вам сейчас расскажу?

— Обещаю, — серьезно ответила она, и улыбка исчезла с ее лица.

— Даже мужу?

— В первую очередь мужу, — с металлом в голосе уточнила супруга премьер-министра, глядя ему в глаза, и Вик Лициус тут же почувствовал, что она решилась на что-то и готова к откровенному разговору.

— Извольте, — первый сенатор подлил себе немного вина и вопросительно посмотрел на Сабину, но она отрицательно покачала головой.

— Постараюсь быть предельно краток, — сосредоточенно произнес он, и надеюсь, что нас здесь никто не услышит.

— Можете не сомневаться, — уверенно сказала Сабина. — Кроме нас с вами, в этой части дома никого нет. А слуг я отправила с поручениями.

Вик Лициус удовлетворенно кивнул. Он определенно в ней не ошибся. Умна и предусмотрительна. Сделав маленький глоток, он поставил кубок на стол и заговорил.

— Итак, следствие пришло к однозначному выводу, что в случаях с Дорусом Локом и Туром Витием произошли самоубийства. В этом нет никаких сомнений. Как и в том, что министр финансов Сергиус Рон скончался от разрыва сердца, а министр обороны и общественной безопасности Крисп Урван стал жертвой несчастного случая в зале заседаний сената прямо на моих глазах.

— Но как же объяснить одинаковые у всех их угольные ожоги на руках?

— Да никак, — невозмутимо пожал плечами Вик Лициус, — это необъяснимо и абсолютно ничего не меняет в результатах расследования.

— А остальные, как умерли остальные? — спросила Сабина, стараясь ничем не выдать снедавшее ее нетерпение.

— Остальные не умерли, они были убиты. Злонамеренно и цинично.

— Все?

— Кого конкретно вы имеете в виду? — тихо поинтересовался Вик Лициус и, не дожидаясь ответа, продолжил. — События в таверне не в счет, не так ли? Грабители получили, что заслужили. А вот начальник монетного двора Луций Пров и начальник смены почетного караула Марк Кабрий были отравлены. Сборщика налогов, скорее всего, никто не собирался убивать. Он, видимо, просто польстился на бесплатную выпивку, проходя мимо, и оплатился за это жизнью. Вот вкратце и все.

— Кто отравил их? Следствие уже вышло на след преступника? — с трудом шевеля губами, спросила женщина. В ее лице было что-то такое, от чего у Вика Лициуса сжалось сердце.

— Следствие знает его имя, — опустил глаза, ответил первый сенатор. — Поверьте, Сабина, мне очень жаль, но это действительно так.

Она будто окаменела и долго молчала, глядя потухшими глазами в одну точку прямо перед собой. Потом глубоко вздохнула, взгляд ее стал осмысленным и жестким.

— Когда его арестуют, и почему не арестовали до сих пор? — сухо спросила Сабина и тут же сама ответила: — Ну да, что это я, у него ведь бумаги. Скажите, Вик, он не знает, что все уже известно?

— Нет, не знает, — ответил Вик Лициус. — И не должен знать, — добавил он. — А то, что я вам сейчас рассказал, известно пока только нам с вами, Квинту и Правителю, который хочет как можно быстрее получить бумаги и не хочет огласки. Впереди выборы, и любой скандал может быть чреват непредсказуемыми последствиями.

— Если я найду возможность вернуть эти документы в ближайшее время, пока он не успел ими воспользоваться, что будет с Гаем? — сдавленным голосом спросила она. Казалось, супруга премьер-министра с трудом произнесла имя своего мужа.

Первый сенатор молчал. Ему нечего было сказать этой мужественной женщине, достаточно здравомыслящей, чтобы самой ответить на заданный ею вопрос.

— Он ведь все равно умрет, правда, Вик?

Это был скорее не вопрос, а утверждение, которое требовало от первого сенатора подтверждения либо опровержения.

— Вы бы предпочли, чтобы его судили за измену и казнили, а вас с детьми навсегда выслали из столицы, лишив перед этим гражданских прав и всего имущества?

— Нет, — твердо ответила она и надолго задумалась.

Молчал и первый сенатор. Он понимал, как ей сейчас трудно, и чувствовал себя скверно оттого, что ничем не мог ей помочь. Она сама должна была сделать выбор.

— Я достану те документы, которые Гай... взял у Луция Прова, — внятно сказала Сабина, — и передам их лично вам, Вик. Вы единственный человек, которому я сейчас могу доверять. Да у меня и нет другого выхода, — она переплела пальцы рук и сжала их так сильно, что побелели костяшки. — В обмен на это, — продолжала она, глядя в глаза первого сенатора, — я хочу, чтобы не пострадали ни мои дети, ни мои родители, а когда... Гай умрет, — с трудом выговорила женщина, — я хочу, чтобы его похоронили с подобающими почестями. Таковы мои условия. Если вы дадите мне слово, что они будут выполнены, будем считать, что мы договорились. Если нет, я воспользуюсь этими бумагами по своему разуме-

нию, и тогда никто, слышите, никто не сможет мне воспрепятствовать.

— Я считаю ваши условия разумными и приемлемыми и могу дать слово, что сделаю все от меня зависящее, чтобы они были выполнены. Но решение будет принимать Правитель.

— Так убедите же его! — воскликнула Сабина, которой все труднее удавалось сохранять самообладание. — Употребите все свое влияние и убедите. Вы ведь знаете, что любые другие варианты будут только хуже для всех. О боги! Что я говорю?! Что он наделал?! Зачем?

Она закрыла лицо руками, потом опустила их на колени и замерла, словно истратив на этот разговор последние жизненные силы.

— Я тоже все думаю зачем — и никак не могу понять, — задумчиво произнес первый сенатор. В его голосе слышалось сочувствие и искреннее недоумение. — Ведь он с вашей и нашей помощью получил от жизни все, что хотел. Чего же ему еще не хватало?

— Значит, не все, — с горечью сказала Сабина и опустила глаза. — Ему не хватало Юлии и, наверное, власти. Не знаю, чего больше и где здесь причина, а где следствие.

Вик Лициус сначала не поверил своим ушам, но уже спустя мгновение, осмыслив сказанное, все понял.

«Вот она, недостающая часть головоломки, — подумал он. — До чего же все, оказывается, просто».

— Простите меня, Сабина, — произнес первый сенатор, поднимаясь, — и поверьте, я меньше чем кто бы то ни было желал бы причинять вам боль и страдания.

— Вам не за что корить себя, Вик. Вы не причинили мне никакого вреда, — женщина обреченно вздохнула. — Так сложилось. Мой муж сам соорудил эту чудовищную ловушку и сам в нее попался, хотя до сих пор об этом не догадывается. Такие игры не для него. Для них нужен более изощренный ум. А я должна пережить это испытание. Ради детей. Это единственное, за что можно заплатить такую цену. Больше в моей жизни ничего не остается. Я буду с нетерпением ждать вашего ответа, вернее

решения Правителя. И поторопитесь. Времени до бала почти не осталось.

— До бала? — переспросил глава сената, подумав сначала, что ослышался.

— Да, Вик, до бала. Не удивляйтесь и поверьте, я знаю, что говорю.

Откланявшись, глава сената решил, не заезжая к себе, немедленно ехать к Титу Брициллу. Он чувствовал себя опустошенным и смертельно уставшим. Откинувшись на подушки в карете, Вик Лициус не переставал думать о Сабине, с ужасом представляя, что придется пережить этой хрупкой женщине с любящим сердцем, блестящим умом и железной волей.

* * *

От одного лишь вида князя Ингвара Гай Сервий доходил до состояния, близкого к буйному помешательству. Кто бы знал, чего стоило ему любезничать во дворце с этим надменным выскочкой. И откуда он только взялся? Сидел бы в своих северных землях с золотом и алмазами, так нет же.

Не желая признаться самому себе, что это всего лишь банальная ревность, а князь действительно умен и очень хорош собой, безнадежно влюбленный премьер все глубже погружался в трясину собственных нездоровых фантазий. Его воображение рисовало сладкие картины недалекого будущего. Еще совсем немного времени и ситуация в корне изменится. Он получит то, к чему стремится, то, чего, безусловно, заслуживает. Безраздельную власть, Юлию... Он получит все.

Премьер-министр пришел к выводу, что зря так боялся и переживал после всего случившегося. Оказывается, начальник тайной полиции не так уж умен, как все считают, раз следствие заглохло на нехитрую наживку с трюгальником. Да и Марк Кабрий очень удачно отравился в компании сборщика налогов. С такими успехами Квинту Юсту и до отставки недалеко. Правитель требует скорейшего расследования. Конечно. Ему ведь, как воздух,

нужны бумаги. Ничего, скоро он их получит. Не все, а малую часть. Чтобы было о чем подумать. А для большего эффекта пусть прочтет одно из писем его любвеобильной супруги покойному министру финансов. Для начала этого будет достаточно. Да, предстоящий бал обещает быть интересным.

Приподнятое в целом настроение отравляли ничем не подкрепленные слухи о том, что на балу может быть объявлено о помолвке Юлии и князя Ингвара. Никто ничего не знал наверняка, но придворные упорно сплетничали об этом. Вероятность подобного развития событий никак не входила в его планы. Ведь князь мог впоследствии предъявить свои права на Юлию как ее официальный жених.

Внезапно Гая Сервия посетила простая и, как ему показалось, гениальная мысль. Если князь не доживет до бала, вопрос предполагаемой помолвки отпадет сам собой. Было бы, конечно, очень эффектно, если бы он умер прямо на балу. Неважно, до помолвки, после или вместо нее. Мертвый князь в любом случае уже никак не сможет воспрепятствовать реализации задуманного им плана. А Юлии тогда не на кого будет смотреть влюбленными глазами. Но это может испортить праздник и помешать осуществить то, что он задумал. Нет, лучше сделать это заранее. Однако, чтобы успеть до бала, следовало поспешить. Почему, спрашивается, он не додумался до этого раньше?

Писать записку князю Ингвару с приглашением провести вечер в его доме за ужином и игрой в сенет (широко распространенная древняя настольная игра) премьер считал неосмотрительным и опасным. Записка в этом случае автоматически становилась опасной уликой. Нет, нужно найти удобный случай и предложить ему отужинать вместе будто бы спонтанно, невзначай. И сделать это следует не позднее, чем сегодня.

В надежде увидеть ненавистного князя Гай Сервий, не откладывая, отправился в резиденцию для решения хоть и мелких, но весьма срочных вопросов. Он хотел осведомиться у Юлии и Фелиции, какое количество мест на стадионе понадобится для придворных дам, желающих

наблюдать за спортивными состязаниями. Кроме того, министр двора уже должен был подготовить список зарубежных гостей и дипломатов, подтвердивших свое участие в праздничных мероприятиях.

И все-таки ему везло. Едва подъехав ко дворцу, премьер-министр чуть не разминулся с князем, который как раз покидал резиденцию. Подумав про себя, что тот наверняка был у Юлии, Гай Сервий подавил закипающую злобу, любезно раскланялся с ним и затеял ни к чему не обязывающий разговор ни о чем, который князь поддерживал легко и, казалось, лениво. А вот приглашение отужинать нынче вечером у премьера князь Ингвар встретил с воодушевлением и сказал, что почтет за честь и непременно будет. Теперь оставалось лишь отправить Сабину с детьми в загородный дом к ее родителям и распорядиться насчет ужина. Посмотрим, насколько тонким ценителем вин окажется этот умник. Он успеет сполна насладиться и ароматом, и вкусом благородного напитка. Концентрацию нужно будет рассчитать так, чтобы он успел покинуть мой дом и оказаться достаточно далеко от него, когда яд начнет действовать.

Наскоро завершив все намеченные на сегодня дела, Гай Сервий поехал домой значительно раньше обычного. Едва переступив порог и тут же наткнувшись на тяжелый взгляд не сказавшей ни слова супруги, он подумал, что Сабина становится просто несносной. Что ж, это ненадолго. За годы их совместной жизни она сделала все, что могла. И получила взамен то, что хотела, — его. Но не навсегда же. Тоном, не допускающим возражений, он велел жене собрать детей и навестить ее родителей в загородном доме, погостив у них хотя бы до завтра.

Когда непроглядный мрак глубокого осеннего вечера окутал столицу, а убийца совершенно буднично приготовился увеличить число своих жертв за счет гостя, которого ожидал к ужину, в охраняемом периметре Парка защитников и покровителей появились, будто материализовавшись из воздуха, две фигуры — мужская и женская. Темные плащи с опущенными на лицо капюшонами делали их практически невидимыми. Ничуть не боясь

оказаться обнаруженными, они вплотную подошли к Стеле Свободного Выбора.

— Какая старинная, — с нескрываемым восхищением произнесла женщина, рассматривая ее. — Наверное, одна из первых? До чего интересно. В моем времени все иначе. Проще и не так наглядно. Можно потрогать? — спросила она, поднося руку к кнопкам.

Мужчина утвердительно кивнул и после того, как его спутница удовлетворила свое любопытство, сам легко провел ладонью правой руки по рядам выпуклых бронзовых кнопок.

— Скольких ты в этот раз? — поинтересовалась она.

— Четверых, — ответил он и после небольшой паузы добавил, — вот, ожидаю пятого. Думал, Механизм закажет его на сегодня, но нет, придется еще немного повременить. Что ж, раз так — значит так. Подождем. Кстати, я нынче ужинаю у него и, кажется, уже заставляю себя ждать. Дело в том, что он задумал убить меня за ужином. Отравить, — мужчина тихо засмеялся. — Нужно поспешить. Мне не хотелось бы его разочаровать.

— Вот бы посмотреть на это со стороны, тем более, у меня еще есть время до встречи с Квинтом. Но, увы, я не приглашена. Расскажешь, когда отравишься, как все было?

— Непременно, — он опустил голову и долго молчал.

— Что с тобой? — она посмотрела на него с недоумением. — Из-за Квинта, да? Сама знаю, что не положено. Но я ведь здесь не с Миссией, а Квинт мне нравится. Послушай, если бы мы были такими, как все, я подумала бы, что ты ревнуешь. Правда, — она еле сдерживала смех. — А как насчет Руфуса Филча? С ним-то хоть можно дружить.

— Послушай, — вдруг оживился он, — а ведь ты можешь составить компанию князю Ингвару, то есть мне, если, конечно, не боишься быть отравленной. Сумеешь сделать глаза зелеными?

— Конечно, сумею. Даже проще, чем ты думаешь. Не забывай, я люблю пользоваться преимуществами

цивилизации. И у меня с собой всегда есть разноцветные линзы. Но зачем?

— Будешь дочерью Правителя, Юлией. Ты ведь теперь знаешь, что вы очень похожи. Как сестры-близнецы, — помедлив, добавил он. — А наш отравитель влюблен в нее.

— В Юлию? До чего интересно. Она произвела на меня впечатление очень славной девушки. Я бы не отказалась от такой сестры. Да и Квинт всегда хорошо говорит о ней.

«Квинт всегда...» — с болью подумал он, а вслух спросил:

— Согласна?

— Еще бы, — не раздумывая, ответила она. — Пропустить такое было бы непростительно. Только нужно преодолеться. Это не займет много времени.

Гай Сервий, который уже изрядно нервничал из-за затянувшегося ожидания, невольно вздрогнул, услышав стук дверного молотка. Открыв дверь и увидев на пороге князя Ингвара с Юлией, он на какое-то мгновение потерял дар речи. Как такое возможно? Дочь Правителя в такой поздний час не во дворце, с мужчиной... Знает ли кто-то, где она?

— Ну и долго мы будем так стоять? — насмешливо спросила девушка. — Нам здесь не рады, князь, вам так не кажется?

— По-моему, как раз наоборот, — принимая ее шуточный тон, ответил князь. — Не так ли, господин премьер-министр?

Страхнув овладевшее им оцепенение, Гай Сервий пригласил гостей в дом, путано извиняясь за отсутствие супруги и прислуги.

— Я имел удовольствие заручиться согласием князя разделить со мной скромный, если можно так сказать, «холостяцкий» ужин и никак не рассчитывал, что госпожа Юлия окажет мне честь... Если б я знал, ни за что не отпустил бы Сабину с детьми к ее родителям. Она очень хотела их повидать.

— Да не переживайте вы так, Гай, — успокоила его Дастина, с удовольствием входя в роль Юлии, — все нормально. О приличиях можете не беспокоиться. Никто в резиденции не знает, что я здесь. Мне насилу удалось уговорить князя взять меня с собой. Он не хотел, опасаясь гнева отца. Но со мной сложно спорить, вы же знаете. Я всегда сбегала из дворца, куда хотела, — продолжала импровизировать девушка, пользуясь информацией, полученной по дороге от «князя».

— Отказать Юлии было невозможно, — подтвердил князь. — Она умеет быть очень настойчивой, когда чего-то хочет. А тут, представляете, непременно захотела повидать вас. И вот мы здесь. Надеюсь, вы не в обиде?

— Как можно, — расплылся в улыбке хозяин. — Это просто подарок, на который я не смел даже рассчитывать. Прошу в гостиную. Стол давно накрыт.

Обретя внешнее спокойствие, он лихорадочно думал, как поступить. Первоначальный план теперь не годился. А отказываться от намерения покончить сегодня с князем Гай Сервий не хотел. Бросив на девушку плотоядный взгляд, он как никогда остро ощутил желание обладать ею во что бы то ни стало.

За столом все демонстрировали отличный аппетит. Гай Сервий, когда нервничал, всегда много ел. А его гости в такое позднее время, видимо, действительно были голодны и с удовольствием отдавали должное стараниям повара.

Дастине, судя по всему, понравилось быть Юлией. Она дарила премьеру многозначительные взгляды и улыбки, кокетничала напропалую и сокрушалась, почему раньше не замечала его пронзительного очарования.

Дастин наблюдал это, едва сдерживая смех, хотя настроение у него было прескверное. Дастина ребячилась так, как умела она одна в то время, когда... была Анной. Хватит. Все равно, иного не дано. Память никогда не вернется к ней. Нужно оставить все как есть. И вообще, зря он затеял эти поиски. К чему они привели? Кому стало лучше? То-то и оно, что никому. Все только еще

больше запуталось. И вообще, не передумал ли Гай Сервий меня отравить. Мельком взглянув на хозяина, он понял, что тот не передумал.

«Интересно, как он это сделает, — подумал Дастин. — Приди я один, ему было бы намного проще. Теперь задача усложнилась. Что ж, включайте фантазию, господин премьер-министр, посмотрим, на что вы способны».

Когда хозяин предложил сыграть в сенет, Дастин согласился, а Дастина отказалась. Она никогда не слышала о такой игре и предпочла остаться зрителем. Гай Сервий раздал фишки и предложил князю первому бросить игровой кубик. Выпала шестерка. По правилам, после шестерки можно было бросать снова. Когда шестерка выпала девять раз подряд и фишки Дастина продвинулись по полю настолько, что исход игры был предопределен, Гай Сервий нехотя сдался.

— А вы, оказывается, очень удачливы, князь, — скрывая легкую досаду, произнес он.

— Вы даже не представляете, насколько, — ответил Дастин. — Если желаете проверить, мы можем сыграть еще.

— Как-нибудь в другой раз, если, конечно, представится такая возможность.

— Непременно представится, — с ироничной улыбкой сказал Дастин, понимая скрытый смысл слов собеседника.

Время шло. Они уже успели по достоинству оценить изысканный вкус большинства блюд, когда Гай Сервий все-таки решился. Он подошел к стоящему поодаль небольшому столику, сплошь уставленному редкими винами, и стал подбирать что-нибудь к десерту.

— Мы с вами, князь, если не возражаете, попробуем фалернское, а вот Юлия, насколько я знаю, предпочитает что-то более сладкое, мультсум¹ например.

Стоя спиной к гостям и продолжая со знанием дела рассуждать о достоинствах напитков, он не спеша напол-

¹ Напиток темно-красного цвета из свежего виноградного сока и меда в пропорции 4:1.

нил кубки и, поставив их на серебряный поднос, вернулся к столу.

— Ваш мультсум, госпожа Юлия, прошу, — Гай Сервий поставил перед девушкой кубок.

— Ваше фалернское, князь. Надеюсь, вы по достоинству оцените его.

— Я, к сожалению, не большой ценитель южных вин, но постараюсь не обмануть ваши ожидания, — князь улыбнулся и сделал глоток. — Да, действительно, очень тонкий вкус и прекрасный букет, — он выпил до дна. Не отводя глаз от гостя, опорожнил свой кубок и хозяин.

— Не пора ли нам благодарить за гостеприимство и откланиваться, князь, — сказала Дастина. — Время пролетело так быстро. Кстати, Гай, ваш мультсум выше всяких похвал. Божественный напиток. Да и князю фалернское, как видите, очень понравилось. Но хорошего понемногу. Едемте же, Ингвар. Мне уже давно пора... во дворец.

Гай Сервий не стал задерживать дорогих гостей. А когда шум удалявшейся кареты растаял в конце улицы, подумал о том, что через несколько часов князь будет уже мертв и, значит, еще одним препятствием на его пути станет меньше.

Отъехав на порядочное расстояние от дома премьер-министра, Дастин и Дастина попрощались. Она спешила на встречу с Квинтом Юстом, он не спешил никуда.

— Интересно, как ты планируешь воспользоваться своей «смертью»? — спросила девушка перед тем, как захлопнуть дверцу кареты.

— У меня есть время подумать об этом до завтра, — с безмятежным видом ответил он. — И не забывай, Гай Сервий отравил меня из ревности. К тебе, между прочим.

— Вовсе не ко мне, а к Юлии, — возразила она. — Если бы мы были такие же, как они, я, наверное, влюбилась бы в тебя. Не знаю почему, но я в этом почти уверена. Доброй ночи. Увидимся.

Уже через мгновение она растворилась в чернильном мраке, оставив своего спутника наедине с воспоминаниями, от которых он не смог бы избавиться, даже если бы очень захотел.

На обратном пути Дастин то и дело возвращался мыслями к своему потенциальному убийце.

«Он тщеславен и ослеплен болезненной страстью, а значит, его разум спит. Без страха и мучительных раздумий он решился на убийство и измену. Ради чего? Чтобы обладать женщиной? Или властью? Или тем и другим? Риск слишком велик, а цена непомерно высока. Но он рискует и не желает думать о том, что, возможно, придется платить. К тому же он слеп, как слеп каждый, кто одержим собственной значимостью. Людям вообще почему-то свойственно переоценивать значимость своего бытия. Зачем им всем непременно нужно как-то называться? Что это дает, что меняет при жизни или, тем более, после смерти? Вечности абсолютно все равно, что мнит о себе смертный и как называется то место, которое он временно занимает. Вечность не ценит человеческие почести и награды. Она не приемлет посредственность и серость, судит не по названиям, придуманным людьми, не по словам, не по богатству и даже не по грехам их, а только лишь по делам. Диктатор, покоривший полмира, или обладатель несметных земных сокровищ ничуть не ценнее для нее, чем стремящийся к познанию законов сущего странствующий нищий философ или непризнанный современниками и погрязший в низменных пороках своего времени гений. Ее нельзя ни обмануть, ни подкупить. У непостижимой вечности своя мера, свой счет и свой резон».

* * *

Когда первый сенатор рассказал Правителю о своем разговоре с Сабиной и изложил ее условия, Тит Брицилл долго молчал, опустив глаза и внимательно разглядывая замысловатый рисунок ковра.

— Передайте ей, что я согласен, — наконец произнес он. — Но какие у нас гарантии, что в последний момент она не изменит своего решения? Женщины так непосле-

довательны. Их логику трудно понять, если она вообще существует, — криво усмехнулся Правитель.

— Сабина — женщина необыкновенная, — мягко возразил Вик Лициус. — Она, во-первых, очень умна, а во-вторых — предана семье до самопожертвования. Она жертвует своей любовью, понимая, что мужа уже нельзя спасти, но можно спасти детей и избежать неминуемого — позора. Нет, такая на попятный не пойдет, я уверен. Документы будут у вас самое позднее в день бала. У нее, как я понял, есть план, который как-то связан с балом. Подождем, осталось совсем чуть-чуть.

— Придется, — со вздохом пробормотал Тит Брицилл. — Я решил провести встречу с вами, Вик, и с нашим... премьер-министром, — с видимым усилием произнес он. — Обсудим с ним текущие дела, кандидатуры на освободившиеся министерские должности, исполнение бюджета, готовность стадиона к спортивным состязаниям, что-нибудь еще. Он не должен иметь никаких оснований для беспокойства. По крайней мере до тех пор, пока документы не будут у нас. Да, вот еще что. Пригласите Квинта, пускай тоже поучаствует. Он знает, что нужно говорить. И предупредите начальника тайной полиции — он на грани отставки. Пусть подыграет, — правитель невесело улыбнулся. — Я благодарен вам, Вик, — продолжил он, внимательно глядя на первого сенатора своими бесцветными глазами, — и не забуду вашей услуги. А теперь сообщите поскорее Сабине, что она может действовать. Времени осталось слишком мало... Как только мы получим документы, — помедлив, добавил он, — позаботьтесь о том, чтобы все было, как она хотела. Ну... похороны с почестями и все такое.

— Вопросы подобного рода не относятся к сфере моей компетенции, — почтительно, но твердо ответил Вик Лициус. — Кроме того, я почему-то уверен, что Сабина сама позаботится обо всем. Так что с этим, наверное, не стоит спешить.

Вечером того же дня в кабинете Правителя разыгрывалась весьма любопытная сцена, достойная пера драматурга и театральных подмостков. Каждый из ее участников

тщательно вел свою партию. Правитель в ходе обсуждения текущих государственных дел демонстрировал полную осведомленность и уверенность, хотя чувствовалось, что он чем-то обеспокоен. Первый сенатор был, как всегда, невозмутим, ироничен и готов к ответам на любые вопросы. Квинт Юст выглядел подавленным и растерянным, был молчалив и, казалось, готов к неминуемой отставке. Гай Сервий пребывал в состоянии сильного эмоционального возбуждения. Его воображение рисовало сладкие картины недалекого будущего, и то, что происходило теперь, казалось ему мелким и незначительным. Он с трудом сдерживал снисходительную улыбку, докладывая пока еще Правителю свои соображения по пополнению доходов и сокращению расходов бюджета. Его мысли были заняты совсем другим.

«Интересно, — преданно глядя на Тита Брицилла, думал Гай Сервий, — обнаружили уже труп князька или пока еще нет? Наверное, нет. Иначе все во дворце уже говорили бы об этом. Как же, предполагаемый жених несравненной госпожи Юлии вдруг взял и умер. Ай-ай-ай, какое горе. Был жених и на тебе — нет».

Словно в ответ на его мысли в кабинет Правителя стремительно вошла Юлия. Она была явно чем-то расстроена. Безразлично кивнув премьеру, уважительно поприветствовав первого сенатора и заговорщицки подмигнув Квинту Юсту, девушка подошла к Правителю и нежно поцеловала его.

— Отец, нужно немедленно послать кого-нибудь к князю Ингвару, — взволнованно заговорила она. — Хотя бы министра двора. Меня очень тревожит его отсутствие. Я ждала князя к обеду, но он не появился и даже не предупредил, что не придет. Это очень, очень странно. Вдруг он заболел, или что-то стряслось с ним или с его сестрой...

— Погодите, дитя мое, — заговорил Правитель, воспользовавшись паузой, — какой сестрой, чьей?

Вик Лициус и Квинт Юст незаметно переглянулись.

— Ах, отец, я совсем забыла вам сообщить. То ли вчера, то ли позавчера князя навестила сестра. Она тоже

путешествует. Мы с ней ужасно похожи. Просто как близнецы. Вы не поверите, что такое бывает. Я пригласила княжну Дастину погостить у нас хотя бы несколько дней до бала. Но у нее, к сожалению, другие планы. Может быть она сможет их изменить и ненадолго задержаться. Мне бы очень хотелось представить ее вам с матушкой.

Девушка едва не сказала, что Квинт Юст уже успел познакомиться и, кажется, даже подружиться с княжной, но вовремя спохватилась.

«Только еще сестры его тут не хватало, — со злостью подумал Гай Сервий. — Хотя, может быть, это и к лучшему. Будет кому поплакать над телом и кому сопроводить гроб в северные земли».

— Прошу вас, отец, отправьте министра двора тотчас же, — настойчиво повторила Юлия. — Вы же не хотите, чтобы я волновалась. И пускай меня сразу известят, что там у них. Нет, лучше скажите министру двора, чтобы прежде чем ехать, зашел ко мне. Я напишу Ингвару.

«Пиши, пиши, — не сводя глаз с девушки, злобно прошептал премьер, — лучше уж сразу эпитафию».

После ухода дочери Правитель посуровел лицом и потребовал от начальника тайной полиции отчета о результатах расследования дел, связанных с последними смертями высокопоставленных чиновников.

Всегда уверенный в себе Квинт Юст начал вяло и путано докладывать, сбиваясь, многократно повторяясь и акцентируя внимание на малозначимых подробностях. Исходя из того, что говорил начальник тайной полиции, следовало, что сенаторы Дорус Лок и Тур Витий покончили жизнь самоубийством, министр финансов Сергиус Рон умер естественной смертью, а с министром обороны и общественной безопасности произошел несчастный случай.

— Таким образом, — флегматично продолжал Квинт Юст, — по этим делам следствие можно считать законченным. Теперь что касается обстоятельств смерти начальника монетного двора Луция Прова. Как известно, он скончался в результате отравления, то есть был отравлен

неизвестным лицом, установить личность которого нам пока не удастся.

Он сознательно ничего не говорил о Марке Кабрии, зная, что это очень интересует Гая Сервия. Так было договорено заранее. И, в конце концов, начальник смены почетного караула не та фигура, которая может интересовать самого Правителя — живая или мертвая.

Премьер-министр слушал, затаив дыхание и, кажется, единственный из присутствующих, был вполне удовлетворен докладом начальника тайной полиции. Ему казалось, что терпение Тита Брицилла вот-вот иссякнет. И он не ошибся.

— Послушайте, Квинт, — тихо и угрожающе заговорил Правитель, — вы можете, наконец, вразумительно объяснить мне, первому сенатору, премьер-министру, чем занимается ваше ведомство в последнее время. Судя по результатам, его следует сократить наполовину. Или заменить начальника. Как вы думаете, что будет более эффективно?

— Я смиренно приму любое ваше решение, — понуно ответил Квинт Юст.

«Да что это с ним, право? — не переставал удивляться Гай Сервий. — Никогда не видел его таким. И куда только делся весь лоск, вся уверенность?»

Квинт Юст понял, что начинает переигрывать, и с видом оскорбленного достоинства уже более толково и стройно завершил свой доклад тем, что следствие отрабатывает версию убийства... на почве ревности.

От неожиданности премьер министр закашлялся. Такого он, честно говоря, не ожидал. Что ж, тем лучше.

Правитель, едва сдерживая «ярость», сказал, что дает Квинту Юсту еще два дня, после чего при отсутствии результата его ожидает отставка.

«Меня это вполне устраивает, — удовлетворенно подумал Гай Сервий. — Бал послезавтра. А на следующий после него день никто уже не станет искать убийцу».

Спустя некоторое время, когда перечень вопросов для обсуждения был исчерпан, Тит Брицилл отпустил всех, кроме первого сенатора.

— Что скажете, Вик? — устало произнес он и, тяжело поднявшись из-за стола, подошел к окну. — Глядите-ка, с каким самодовольным видом эта неблагодарная двуличная тварь усаживается в карету. Так и лучится. — Правитель сделал паузу, провожая глазами карету премьер-министра, отъехавшую от дворца. Потом перевел взгляд на Вика Лициуса. — Итак?

— Раз он доволен и ничего не заподозрил, значит, все удалось, — размеренно заговорил первый сенатор, — вот только Квинт чуть все не испортил.

— Да, такое самоуничтожение при его гоноре и строптивости было явным перебором, — согласился Тит Брицилл. — Впрочем, он и сам это понял и вовремя отыграл назад.

— По крайней мере, ожидаемый результат налицо, — отметил Вик Лициус. — Гай убедился в том, что, во-первых, сам он вне подозрений, а во-вторых, следствие идет по ложному следу. Но, честно говоря, с убийством на почве ревности Квинт, конечно, погорячился. Мы с ним этого не обсуждали. Сам придумал. Мне почему-то кажется, что он влюбился, — тяжело вздохнул первый сенатор, — и очень некстати.

— Разве можно влюбиться кстати? — задумчиво произнес Правитель. Вопрос словно повис в воздухе, оставшись без ответа.

— Я узнал, что у премьер-министра на ближайшие несколько часов запланирован ряд встреч во дворце правительства, — возвращая разговор в конструктивное русло, сказал глава сената. — Поэтому я хотел бы немедленно отправиться к его жене и передать ваше согласие, заручившись которым, она начнет действовать.

— Да-да, конечно, поезжайте, Вик, — поспешно сказал Правитель, стряхивая с себя задумчивость. — То, что у нас есть двое суток форы, еще ничего не значит. Пока документы не будут у меня, я ни на минуту не смогу обрести покой.

После того как первый сенатор покинул его кабинет, Тит Брицилл позвал Дуката, все это время смирно ожидавшего в смежном помещении. Старый пес, не спеша,

с достоинством приковывал к хозяину и, прикрыв глаза, потерся головой о его ногу.

— Если я и знаю что-то наверняка, так это то, что ты меня любишь, — прошептал Правитель и погладил Дука-та по голове. — Просто любишь, — грустно добавил он.

* * *

Когда министр двора подъехал к особняку, где разместился князь Ингвар, последний как раз собирался садиться в карету, чтобы отправиться во дворец. Они едва не разминулись, а поскольку общество друг друга не тяготило их, решили проделать путь до резиденции Правителя вместе, в одном экипаже. По дороге министр успел рассказать князю, как беспокоилась из-за его отсутствия госпожа Юлия, как идет подготовка к балу, как сгущаются тучи над головой начальника тайной полиции, какие планируется подавать закуски и вина на торжественном обеде для высоких гостей и победителей ежегодных спортивных состязаний...

Слушая вполуха и машинально поддерживая разговор, Дастин думал о своем. Вчера, расставшись с Анной-Дастинной, спешившей на встречу с Квинтом Юостом, и вернувшись домой после собственного показательного «отравления», он понял, что ревнует. Глупость, конечно, несусветная, но факт. Сознывая, что начальник тайной полиции для нее не более чем приятное приключение в этом месте и в этом времени и что сам он с удовольствием проводил время с Юлией, Дастин злился, сам не зная на кого. Ему почему-то было стыдно перед обеими девушками. Если бы не чудом уцелевшая память, он никогда не узнал бы свою невесту, как она не узнала его, а такие чувства, как стыд, ревность, сострадание были бы неведомы ему и не смущали его покой. Беда в том, что на какое-то время он позволил себе забыть, что уже не человек, то есть не совсем обычный человек.

«Наверное, прав был Барти Круз, — с горечью подумал Дастин, — когда сразу же спросил, зачем мне все это. Ведь раз нельзя изменить прошлое, для чего бере-

дить старые, кое-как залеченные временем раны? Милый мудрый старик. А что теперь? Что дало мне знание, полученное с его помощью? Теперь я понимаю, он хотел, но не смог сказать, что сохранившаяся у меня память, скорее, не дар, а проклятье».

Он уже несколько раз возвращался к мысли о том, может ли быть неожиданное появление Анны в одном времени и в одном месте с ним простой случайностью, совпадением? Возможно ли такое в принципе?

Когда они добрались до резиденции, министр двора проводил князя Ингвара до покоев дочери Правителя и счел свою миссию исчерпанной. Немного подумав, он решил перестраховаться и отправился в приемную Тита Брицилла, где доложил его секретарям, что благополучно доставил князя во дворец.

Дастин застал Юлию необыкновенно взволнованной.

— Ну, что ж вы так? — тут же стала укорять его девушка. — Я жду, переживаю, не знаю, что и думать. Разве так можно? Это министр двора вас привез, не так ли?

— Министр двора застал меня садящимся в карету, — с виноватым видом ответил Дастин, — я как раз собирался ехать к вам.

— Долго собирались, — обиженно констатировала Юлия. — Я, конечно, понимаю, что вы должны были уделить время сестре, — уже миролюбиво добавила она. — Кстати, отчего вы не привезли ее с собой? Я как раз говорила отцу о том, что мы с ней удивительно похожи. Но он, кажется, не поверил. Я и сама вчера думала, откуда берутся двойники и как может быть столь удивительное сходство у людей, не связанных между собой никакими родственными узами? Дастин, я обязательно должна представить княжну отцу, чтобы он сам убедился в том, как мы похожи. Ну и матушке, конечно. Уговорите сестру остаться хотя бы на два дня и почтить своим присутствием бал. Будет весело. Все ждут от этого бала приятных сюрпризов и исполнения желаний. И я тоже... жду.

Последние слова были сказаны тихо и проникновенно. Их смысл трудно было не понять. Дастин конечно же понял, но что он мог ответить на это...

А Юлия уже забыла о том, что собиралась долго обижаться, ну, по крайней мере, до завтра. Ей снова было легко и хорошо с ним.

— Вам не показалось, что Квинт Юст симпатизирует вашей сестре? — вдруг спросила она. — А княжна ему?

Дастин, несмотря ни на что, был благодарен начальнику тайной полиции, который тогда, в кондитерской, мгновенно сориентировался в ситуации и представил Анну Юлии в качестве его сестры. Он, кстати, не ошибся. Названная любимая сестра, ставшая потом невестой. Развивать эту мысль дальше не хотелось.

— Я буду только рад, — сдержанно произнес он, — если моей сестре доставит удовольствие общество такого достойного кавалера, как Квинт Юст.

— Правда, Квинт очень хороший? — тут же подхватила Юлия. — Мы с ним дружим с самого детства. Он надежный, умный, веселый и очень нравится женщинам. Хотя слишком уж переборчив. Наверное, хочет найти и полюбить идеальную девушку. Но таких не бывает. А ваша сестра ему очень понравилась. Это видно невооруженным глазом. Он смотрит на нее не так, как на всех остальных. Мне жаль, что отец гневается на него из-за того, что до сих пор не найден убийца начальника монетного двора. Я обязательно буду просить за Квинта.

«А их задумка неплохо работает, — удовлетворенно подумал Дастин. — Слухи о том, что начальник тайной полиции впал в немилость, ширятся при дворе. Значит, они последовали моему совету. Ну что ж, даже если Механизм не отметит Гая Сервия до бала, они все сделают сами, вернее, руками его жены. Достойная женщина и умная, ничего не скажешь. Мне искренне жаль ее. Но что поделаешь?»

— Кстати, — неожиданно сменила тему дочь Правителя, — что это с нашим премьером? Он сегодня так странно смотрел на меня, когда я пришла к отцу, чтобы он отправил к вам министра двора. Как-то очень двусмы-

сленно. Все, конечно, знают его склонность увлекаться, но по отношению ко мне он вряд ли посмел бы... Хотела сказать отцу и, честно говоря, забыла. Столько хлопот перед балом.

— Вам, наверняка, показалось, Юлия, — уверенно сказал Дастин, — не стоит беспокоить Правителя по таким пустякам.

«Это после нашего вчерашнего визита с Анной, — подумал он. — Она расшалилась сверх меры, а Гай Сервий принял все за чистую монету. Кстати, я ведь собирался как-то обыграть собственное “отравление” и едва не забыл. Премьер-министр будет немало удивлен, увидев меня живым и в добром здравии. Уверен, он ждет не дожидается известия о внезапной кончине князя Ингвара. Что ж, придется его разочаровать».

* * *

Барти Круз не любил ходить на стадион. Спортивные состязания никогда не привлекали его. Считая созерцание гонки колесниц, фехтования на мечах или лучной стрельбы пустой тратой времени, он не понимал толпы орущих, визжащих и рвущих на себе волосы от восторга или разочарования зрителей. Тишина и уединение архива были милее его сердцу, чем все стадионы мира. Поэтому когда Руфус Филч, срочно собрав в кондитерской двух своих лучших друзей и дорогого родственника, с гордостью сообщил, что ему ценой немалых усилий удалось раздобыть для них сидячие места на стадионе с хорошим обзором, архивариус, скрепя сердце, изобразил на лице некое подобие радости. Он просто не мог обидеть отказом добрейшего кондитера, ужасно гордившегося тем, что благодаря его связям при дворе Роб Свэнс, Лой Марий и Барти Круз будут иметь возможность со всеми удобствами, без помех наблюдать перипетии предстоящих состязаний.

В отличие от архивариуса, начальник смены почетного караула и владелец каретной мастерской, получив возможность не только попасть на стадион, но еще и сидеть

на хороших местах, на все лады благодарили поставщика двора и превозносили его многочисленные, и не только кондитерские, таланты.

Робу Свэнсу повезло вдвойне. В день торжеств он совершенно неожиданно оказался свободен от дежурства, а значит, мог свободно располагать собой и приятно провести время с друзьями. Тем более что Мерион отпустила его до самого вечера. Получается, зря она распускала его парадный мундир. А впрочем, почему зря? Не станет же он есть меньше настолько, чтобы похудеть до бывших размеров мундира. Значит, все-таки не зря.

— А ты чего такой молчаливый сегодня, Барти? — спросил родственника Руфус Филч, участливо заглядывая ему в глаза. — Может быть, плохо себя чувствуешь или просто переутомился в своем архиве? Так это ничего. Я сейчас тебе настоячки из целебных трав принесу. Выпьешь — и все как рукой снимет, не сомневайся.

Пока кондитер ходил за настойкой, Лоу Марий рассудил, что неплохо было бы после стадиона, когда все, наверняка, проголодаются, собраться у него, соорудив предварительно добротный сытный ужин по случаю завершения ежегодных спортивных состязаний. А почему бы, действительно, не посидеть с друзьями в свое удовольствие, не поделиться впечатлениями от увиденного. Тем более что его каретная «фабрика» располагалась поблизости от стадиона.

Эта весьма своевременная инициатива была встречена с живейшим воодушевлением. Руфус Филч тут же распорядился готовить на завтра две свои знаменитые корзинки: одну, поменьше, предполагалось взять с собой на стадион, чтобы там, в случае чего, не проголодаться, другую, побольше, договорились заранее доставить к Лоу Марию. Даже Барти Круз, смирившись с неизбежностью своего присутствия на предстоящих спортивных состязаниях, безоговорочно поддержал идею ужина.

Когда, обсудив все насущные вопросы подготовки к завтрашнему дню, они уже собирались расходиться, в кондитерской неожиданно появился министр налогов и сборов Валент Руф. Начальник налогового ведомства

изредка захаживал сюда, но чаще — присылал кого-нибудь за корзинками, которые Руфус Филч всегда готовил для него с особой тщательностью. Кондитер любил всех своих клиентов, но Валента Руфа — особенно. Он был как охранный грамота для кондитерской. Наверное, поэтому рядовые сборщики налогов старалисьшний раз не беспокоить уважаемого поставщика двора и не отвлекать его от работы.

Итак, завидев столь дорогого ему посетителя, Руфус Филч, расплывшись в радостной улыбке, тут же ринулся ему навстречу и сам усадил за стол, скрытый простенком от любопытных глаз. Он старался всегда держать этот стол свободным на случай посещения его кондитерской особо важными персонами, желающими уединиться и спокойно поговорить, не привлекая лишнего внимания.

Валент Руф действительно пришел не только и не столько полакомиться сладостями. У него здесь была назначена важная встреча, на которую он сознательно прибыл несколько раньше, чтобы еще раз обо всем подумать и все взвесить. Откладывать дальше просто некуда. Такие шансы выпадают один, от силы — два раза в жизни, и не воспользоваться этим было бы непростительно и глупо. Хотя, с другой стороны, все, что он собирался сделать, связано с немалым риском. Но уж слишком велико было искушение и высока цена.

С покойным министром финансов они дружили с детства, как дружили и их родители. Потом время надолго развело юношей. Спустя почти два десятилетия они встретились вновь. Судьба улыбнулась обоим. Стремительная карьера, богатство, успех у женщин... Чего еще можно было желать? Они часто проводили время вместе и доверяли друг другу настолько, насколько это возможно между неглупыми людьми с определенным жизненным опытом. Обсуждалось все, что не могло впоследствии быть использовано во вред.

Но однажды, относительно недавно, Сергиус Рон, выпив изрядно вина, наговорил много лишнего. Валент Руф был нелюбопытен, а вернее, никогда не спрашивал о том, что его не касалось. Он и так знал достаточно для

того, чтобы чувствовать себя уверенно. Пьяная болтовня министра финансов об интимных отношениях с супругой Правителя была ему неприятна. Он всегда симпатизировал Фелиции как женщине. Да и поддерживать подобные разговоры было небезопасно. Когда же Сергиус Рон стал хвастливо показывать ее многочисленные письма и заплетаящимся языком зачитывать выдержки из них, Валенту стало просто противно. Он попытался посоветовать собеседнику уничтожить эти письма и забыть о них, но, как и следовало ожидать, не был услышан. Тогда министр налогов и сборов проследил, чтобы Сергиус Рон спрятал их в секретный ящик стола и запер. Ключ же Валент Руф решил забрать с собой, дабы не в меру разгулявшемуся фавориту первой дамы государства не пришло в голову, по крайней мере до завтра, оповестить еще кого-нибудь о своих амурных победах и попытаться подтвердить это документально.

Назавтра они не встретились. Всем было не до того. Высший свет еще не успел отойти от кровавого самоубийства сенатора Доруса Лока, как вдруг повесился в своей карете глава сенатского комитета общественных финансов и священных щедрот Тур Витий. По столице поползли нелепые слухи о возобновлении работы некоего «механизма». Что-то похожее Валент Руф в детстве слышал от своей прабабушки, но всегда был уверен в том, что это всего лишь плод ее богатого воображения, очередная сказка из тех, которые она ему часто рассказывала.

На следующий день было долгое совещание у премьер-министра. Потом его вызывал с отчетом Правитель. Так что встретиться им снова не удалось.

Утром третьего дня министр налогов и сборов первым делом отправился в министерство финансов, чтобы вернуть Сергиусу ключ и посоветовать впредь быть осмотрительней в высказываниях и не только.

Как ни странно, министра финансов еще не было, и Валент Руф решил подождать. Он удобно расположился в кабинете Сергиуса Рона, куда препроводили его предупредительные секретари, хорошо знавшие об их давнишних дружеских отношениях. Именно там застало его известие о внезапной смерти министра.

Отличительной чертой Валента Руфа была способность хладнокровно и рационально мыслить в нестандартных ситуациях. Не более нескольких мгновений понадобилось ему, чтобы оценить обстановку и начать действовать. Пока вокруг, путаясь друг у друга под ногами, бестолково суетились министерские чиновники, он быстро открыл ящик, куда покойный министр сложил письма, достал их и спрятал среди своих бумаг, которые, идя сюда, не захотел оставлять в карете. Помимо писем, в ящике было что-то еще. Несколько листов, исписанных разборчивым почерком Сергиуса Рона. Он внимательно прочитал их, быстро положил на место, запер на ключ и, подумав, положил его в другой, отпертый ящик стола. Обладая прекрасной памятью, он не нуждался в самом документе, тем более, что его наверняка будут искать. Вот только, интересно, кто?

После случившегося министр налогов и сборов долго размышлял, как ему правильно распорядиться информацией, которой он теперь располагал, и какую выгоду можно было бы извлечь из всего этого. Ведь Сергиусу все равно уже ничем не поможешь, да и не навредишь.

Нет, он не собирался никого шантажировать. Напротив, он хотел вернуть письма Фелиции и сообщить Правителю, что располагает информацией, которая его, несомненно, заинтересует.

Через несколько дней Валент Руф узнал о том, что начальник монетного двора провел много времени в кабинете покойного министра. Без разрешения Правителя он никогда не посмел бы так открыто хозяйничать там. Наверняка, что-то искал. После того как его убили, министр налогов и сборов был уверен, что Луций Пров нашел то, что искал. Ему было ясно, что, скорее всего, начальник монетного двора по поручению Правителя искал именно те бумаги, которые он видел и содержание которых хорошо запомнил. Иначе чем объяснить слишком уж пристальное внимание Тита Брицилла именно к расследованию убийства Луция Прова? О письмах жены Правитель, наверняка, ничего не знает. Да это и не является самым важным для него. Безусловно, все из-за золота,

присвоенного и припрятанного Сергиусом Роном. Как глупо. Воспользоваться им он все равно не смог бы. Слишком много. Его в любом случае выследили бы. Банальная жадность, а кроме того, алчность, всегда лишена здравого смысла.

Теперь для принятия решения Валенту Руфу не хватало совсем немногого — имени убийцы начальника монетного двора, то есть человека, в руках которого, возможно, оказались те самые, увиденные им документы. Все остальное он хорошо продумал. Услуга, которую он собирался оказать Правителю и его супруге, не прося ничего взамен, на самом деле, очень дорого стоила.

* * *

«Интересно, зачем я ему вдруг так срочно понадобился, — размышлял Квинт Юст по дороге из управления в кондитерскую. — Валент Руф не так прост, чтобы тратить мое и свое время по пустякам».

Они были знакомы достаточно давно. Ценили друг друга за острый ум и деловую хватку. Встречались редко. Отношения их были приятными, но не более того.

«Что-то зачастил я в кондитерскую, — иронично подумал начальник тайной полиции. — Того и гляди, скоро завсегдагаем стану. Надеюсь, сейчас там не окажется Дастины. В противном случае министр налогов и сборов, как и все остальные, кто знает дочь Правителя в лицо, несомненно решит, что это она».

Подъехав к заведению Руфуса Филча, Квинт Юст не спеша вошел и огляделся. Людей, против обычного, было не так уж много. Не видно было и хозяина. Хотя что ж тут удивительного. Многие, наверняка, готовятся к завтрашнему дню. Кто твердо вознамерился продать залежавшиеся товары праздношатающемуся люду, кто — кормить и поить возбужденную публику, которая толпами хлынет в город после завершения состязаний на стадионе.

Он не сразу увидел Валента Руфа, сидевшего за столом, не просматривающим от двери. Когда Квинт Юст подошел, они тепло поприветствовали друг друга и не-

сколько минут непринужденно беседовали о предстоящих завтра мероприятиях, в которых оба готовились принять непосредственное участие.

Квинт Юст, понимая, что был приглашен сюда не для светской беседы, терпеливо ждал, когда же Валент Руф перейдет к сути дела.

— Я хотел бы, Квинт, — словно в ответ на его мысли, произнес министр налогов и сборов, осторожно взвешивая каждое слово, — поделиться с вами некоторой информацией. Полагаю, она окажется полезной для вас. Очень полезной. Взамен просил бы об одной услуге. Не слишком обременительной, — добавил он, уловив некоторую настороженность собеседника. — Хотя, если вы не сочтете возможным пойти мне навстречу, я не буду в обиде.

Начальник тайной полиции знал, что Валент Руф не склонен к преувеличениям и никогда не бросает слов на ветер. К тому же, его собеседник был достаточно влиятелен и, как правило, за услугами обращались к нему.

— Вы меня уже заинтриговали, Валент, — ничуть не лукавя, признался Квинт Юст. — Только, если не возражаете, давайте сначала выясним, смогу ли я быть вам полезен, а уж после — решите, стоит ли делиться со мной информацией, которой вы располагаете. У меня нет ни малейших сомнений в ее ценности, просто не люблю быть должен. Ведь может получиться так, что в силу обстоятельств я не смогу сделать то, в чем вы заинтересованы.

— Подумаешь, — небрежно пожал плечами министр налогов и сборов, — не сможете, значит, так и будет. Нашли, о чем переживать. Забудьте об этом. Вы никому ничего не должны. А теперь, послушайте меня внимательно. Для вас ведь не секрет, что мы с покойным министром финансов были с детства знакомы и довольно дружны. Так вот, недавно мне нужно было повидаться с Сергиусом по одному весьма важному делу личного характера. Не желая откладывать, я отправился к нему в министерство с самого утра. Поскольку министр почему-то задерживался, секретари, зная о наших приятельских отношениях, предложили мне подождать в его кабинете, где и застало меня прискорбное известие о преждевременной

кончине Сергиуса Рона. Так вот, волею случая, повторяю, только лишь волею случая, я увидел там один интересный документ, содержание которого хорошо запомнил. Думаю, именно из-за него и погиб Луций Пров, убийство которого вы сейчас расследуете. Вот вкратце и все, что я хотел вам сообщить, — дружелюбно подытожил Валент Руф. — А услуга, о которой я намеревался попросить, состоит в следующем: не считите за труд в ближайшее время передать содержание нашего разговора первому сенатору. Вы ведь часто видите с ним, а он... с Правителем.

Начальник тайной полиции, который слушал министра налогов и сборов, затаив дыхание, был несколько раздосадован, но старался не подавать вида. Что ж, видимо, он недооценил способности Валента Руфа, который вроде бы действительно сообщил ему важную информацию и в то же время не сообщил ничего такого, чем Квинт Юст мог бы воспользоваться самостоятельно. Да и в чем, собственно, услуга? Он и так рассказал бы обо всем Вику Лициусу. Что и говорить, хитер глава налогового ведомства. Умен и хитер.

— Да, и вот еще что, — бесстрастно продолжал Валент Руф. — Информация, содержащаяся в документе, который я совершенно случайно, повторяю, увидел в кабинете министра финансов, касается очень крупных финансовых злоупотреблений, утаивания от казны колоссальных сумм. Расследование подобных дел, как вы знаете, относится к компетенции нашего ведомства. Но тогда, даже услышав, что Сергиус мертв, я не считал возможным забрать документ с собой по ряду причин. Во-первых, это, знаете, было бы как-то... — он долго подбирал слово, — нечистоплотно. Покойный все-таки был моим другом. И я не смог похитить, будем называть вещи своими именами, у него из кабинета важный документ, даже зная, что его уже нет в живых... — министр налогов и сборов внимательно посмотрел в глаза собеседнику. — Думаю, вы меня понимаете. А, во-вторых, в этой бумаге было слишком уж много политики. Я предпочитаю не вмешиваться в дела подобного рода, разве что — по поручению самого Пра-

вителя. Но, насколько я понимаю, документ бесследно пропал. Значит, и расследовать налоговой службе нечего. Кстати, Квинт, а как продвигается ваше расследование убийства Луция Прова? — безмятежно поинтересовался Валент Руф, давая понять, что он сказал все, что хотел. — Я слышал, Тит Брицилл уделяет ему особое внимание.

— Как бы мне не пришлось уйти в отставку из-за такого особого внимания, — с притворным вздохом посетовал начальник тайной полиции. — Вы же знаете, сколько у нас за последнее время трупов помимо этого дела. Правда, большинство самоубийства. Но работы от этого не меньше.

— Кроме Луция Прова и этого, не помню имени, начальника смены почетного караула, был отравлен один из наших сборщиков налогов. Вам уже удалось установить, это умысел или случайность? — спросил министр налогов и сборов.

— По всей вероятности, случайность, — ответил Квинт Юст. — Он, скорее всего, подумал, что Марк Кабрий пьян, и решил поживиться его вином. Очень дорогим, кстати. Не пропадать же такому добру. Вот и поживился.

— Да... — задумчиво протянул Валент Руф. — Вот ведь как получилось. Выпил человек вино, которое ему явно не по карману, и поплатился за это жизнью. Воистину, случайность — промысел судьбы. А у начальника почетного караула такое вино, интересно, откуда? — тут же невзначай полюбопытствовал он.

— Ну вот, — уходя от ответа, рассмеялся начальник тайной полиции, — в вас проснулся мытарь.

— Вовсе нет, — с улыбкой возразил министр налогов и сборов. — Наверное, я просто не совсем точно выразился. Дело в том, что у меня самого неплохая коллекция вин. Вы, Квинт, легко сможете в этом убедиться, если по завершении всех грядущих торжеств согласитесь быть моим гостем.

— Благодарю за приглашение, — откликнулся Квинт Юст, приложив руку к груди в знак благодарности, — и не премину в ближайшее время им воспользоваться.

— Ловлю вас на слове, — шутя погрозил пальцем Валент Руф, — и постараюсь не разочаровать, ибо слышан, что вы большой ценитель и знаток благородных напитков. Знаете, я, пожалуй, изыму из своей коллекции это вино. Не хочу, чтобы оно вызывало у моих гостей неприятные ассоциации. Да я и сам не смогу в полной мере насладиться им, памятуя о случившемся. Согласитесь, волей-неволей начнешь думать, а вдруг отравитель подсыпал яд не в одну, а в несколько бутылок, а вдруг он их потом перепутал, а вдруг я купил это... — он несколько раз щелкнул пальцами, будто вспоминая название вина.

— Алонийское, — машинально подсказал, думавший в это время о чем-то своем, Квинт Юст и тут же с досадой осекся, но было уже поздно.

— Совершенно верно, именно алонийское, — удовлетворенно поддакнул министр налогов и сборов, — вдруг я его купил после того, как кто-то подсыпал в него яд. Нет, определенно, мне не хочется держать у себя в доме это вино. Итак, Квинт, — бодро произнес Валент Руф, который теперь знал все, что хотел знать, — с нетерпением жду вас в гости и надеюсь, вы не забудете о моей просьбе. А уж первый сенатор сам решит, что делать дальше, и, может быть, подскажет мне, как правильно распорядиться информацией, которой я располагаю.

Начальник тайной полиции покидал кондитерскую в прескверном расположении духа. Промахов, подобных сегодняшнему, он не допускал никогда, и потому ему было как-то не по себе. Хорошо, что это касалось названия вина, а не чего-нибудь поважней. Даже стыдно было рассказать Вику.

«Вот и не буду рассказывать, — досадуя на самого себя, подумал Квинт Юст. — Ну, подумаешь, проговорился, название вина разгласил. Тоже мне, государственная тайна. Только вот зачем это понадобилось Валенту Руфу?».

В отличие от начальника тайной полиции министр налогов и сборов был доволен собой. Получив то, чего недоставало для принятия окончательного решения,

можно было, не откладывая, заняться его реализацией. Едва захлопнув за собой дверцу кареты, Валент Руф достал из небольшого кожаного футляра, закрепленного на поясе, какие-то бумаги и принялся их сосредоточенно просматривать. Это был реестр поставщиков и крупных покупателей десяти наименований самых дорогих вин, которые завозились в страну. Министр знал его практически наизусть и теперь мог существенно (то есть в десять раз) сузить сферу поиска.

— Значит, алонийское, — бормотал он про себя, внимательно вглядываясь в строки, выведенные уверенной рукой министерского писца. — Очень хорошее вино и очень дорогое. Нет, это все не то. И это тоже. Стоп! Вот, кажется, я и нашел то, что искал. Последнее время именно алонийскому отдавал явное предпочтение премьер-министр, приобретая его с завидным постоянством и в немалых количествах.

Сведения, которые стекались в министерство налогов и сборов, зачастую бывали весьма полезными. Хотя информация о том, что некий начальник смены почетного караула тратит больше, чем получает, а значит, имеет какой-то неучтенный казной источник доходов, мало кого могла заинтересовать. Не тот масштаб. А вот то, что он при этом частенько заходит во дворец правительства, было уже интересно. Местный сборщик податей часто видел его выходящим оттуда, а однажды по собственной инициативе даже проследил путь Марка Кабрия до особняка премьера, на что и обратил внимание руководства.

От своего надежного осведомителя в ведомстве Квинта Юста Валент Руф узнал, что и Луций Пров, и Марк Кабрий были отравлены одним и тем же ядом, весьма редким к тому же. Больше ничего полезного осведомитель сообщить не мог. Но и этого было достаточно для размышлений.

Остальные покупатели алонийского, в число которых, кстати, входил и он сам, не имели ничего общего ни с начальником монетного двора, ни тем более с начальником смены почетного караула.

Получив от Вика Лициуса известие о том, что Правитель согласен на ее условия, Сабина с ужасающей отчетливостью поняла, что путь назад для нее теперь отрезан. А значит, нет больше никакого смысла думать о том, существовал ли какой-нибудь другой выход. Теперь нужно было действовать. Холодно и расчетливо. В ее разбитом сердце не осталось места ни чувствам, ни сантиментам. Она заставила себя похоронить их, как ни больно это оказалось. Того Гая, которого она горячо и преданно любила, больше не существовало. Он навсегда умер для нее. И теперь ею руководил материнский инстинкт. Поставив перед собой цель спасти детей любой ценой, Сабина была готова на все.

Она твердо отмела мысль о том, что Гай мог бы бежать и тем самым спасти свою жизнь. Нет, это невозможно. Потому что тогда она становилась соучастницей убийцы и изменника, а ее дети — жалкими изгоями, лишенными будущего.

С мрачной решимостью приготовившись к осуществлению тщательно продуманного ею плана, Сабина почувствовала, что не сможет больше оставаться с мужем наедине, не говоря уже о чем-то большем. Она боялась сорваться и тем самым все испортить.

Вечером, накануне дня спортивных состязаний и бала, премьер-министр вернулся домой в состоянии лихорадочного возбуждения. Бросив на стол в кабинете принесенные с собой бумаги, он тут же проследовал на половину жены. Сабина сидела в гостиной, глубоко задумавшись и безучастно уронив руки на колени. Увидев мужа, она вздрогнула и сильно побледнела.

— Я не ждала тебя сегодня так рано, — взяв себя в руки, ровным голосом произнесла женщина. — Неужели ты успел закончить все приготовления к завтрашнему дню?

— Представь, успел, — сдавленным голосом ответил Гай Сервий, глядя на нее тем особым взглядом, который всегда выдавал в нем непреодолимое желание немедленно обладать женщиной. Неважно какой. В подобных случаях это не играло для него важной роли.

Подойдя к Сабине, он, сузив глаза и тяжело дыша, легко подхватил ее на руки и, не раздумывая, довольно грубо опрокинул на пол.

— Что-то моя дорогая жена не очень, как я вижу, рада мне и совсем не любезна, — бормотал Гай Сервий, бесцеремонно срывая с нее одежду. — Раньше ты всегда встречала меня с большей охотой.

Осознав неизбежность предстоящей близости и опасаясь, как бы он чего не заподозрил, Сабина, пересилив себя, отдалась ему с каким-то отрешенным иступлением и не проронила ни единого звука, пока возбужденный сверх меры супруг удовлетворял свою неукротимую похоть.

В наступившей потом звенящей тишине она внезапно ощутила, что этот мужчина, долгие годы олицетворявший смысл ее жизни, в одночасье стал чужим для нее, а его алчущая наслаждений плоть — отталкивающей.

— Я принесу тебе, да и себе, пожалуй, немного вина, — как можно спокойней произнесла она, — твоего любимого, алонийского.

Гай Сервий лишь расслабленно кивнул в знак согласия и погрузился в состояние мечтательной полудремы. Завтрашний день должен был стать переломным для него. И если все пойдет как надо... Вдруг ему пришло в голову, что прошли уже почти сутки, а нет никаких известий о смерти князя Ингвара.

«Странно, очень странно, — удивленно подумал он, — а впрочем, мне-то чего беспокоиться?»

Сабина принесла две чаши, наполненные вином, одну из которых подала мужу.

«Можно было бы закончить все это прямо сейчас, — как-то отстраненно подумала она, будто речь шла о чем-то совершенно обыденном. — Но я пока не знаю, где он спрятал бумаги, которые так нужны Правителю. Значит, пускай просто немного поспит и не мешает мне».

Спустя некоторое время ее супруг крепко спал. А Сабина, вылив остаток вина, в которое было подмешано быстродействующее снотворное, и тщательно вымыв чашу, отправилась на его половину, взяв с собой связку из нескольких ключей, которые Гай всегда носил при себе.

Оказавшись в его кабинете, она вскоре обнаружила то, что и рассчитывала найти. Правда, не сейчас, а позже и не в такой ситуации, которая стихийно сложилась. Ей было достаточно одного взгляда, чтобы запомнить маскарадные костюмы, приготовленные Гаем к завтрашнему балу. Но где же могут быть документы, если они вообще здесь? Исследовав абсолютно все, Сабина поняла, что только сам Гай может привести ее к тайнику, в котором хранит эти проклятые бумаги. Вдруг ее взгляд нечаянно упал на парадный портрет Правителя, висевший над рабочим столом. Пододвинув к стене кресло, она с трудом дотянулась с него до массивной золоченой рамы и, не без усилий просунув руку между рамой и стеной, нащупала какой-то небольшой сверток. Женщина аккуратно извлекла его. Развязав шелковый шнурок, которым был перевязан сверток, Сабина принялась рассматривать его содержимое. В основном это были письма Фелиции Сергиусу Рону и еще несколько листов, исписанных, видимо, рукой самого покойного министра финансов. Быстро пробежав их взглядом, она подумала, что это, очевидно, и есть те самые бумаги, которыми завладел ее муж, убив начальника монетного двора. Вот только все ли они здесь? Не разделил ли их Гай из осторожности на несколько частей? Хотела прочесть внимательно, но передумала, опасаясь, как бы он, проснувшись, не обнаружил ее отсутствие.

Затем, водрузив на место бумаги и внимательно осмотревшись, не осталось ли следов ее посещения, Сабина вернулась в свои покои, где застала Гая все еще спящим. Она смотрела на него, удивленно думая, как хватало ей столько лет одной любви на них обоих. Как хватало терпения прощать, понимать и оправдывать этого мужчину, который никогда ее по-настоящему не любил?

Открыв глаза и увидев подле себя жену, Гай Сервий первым делом поинтересовался, как долго он спал.

— Вовсе недолго, милый, — грустно улыбаясь, ответила она. — Я распорядилась чуть позже подать тебе ужин в кабинет. Ты ведь еще будешь работать сегодня, не так ли?

Он утвердительно кивнул головой и, видимо, желая как-то сгладить неловкость от своего поведения «до того», принялся, как ни в чем не бывало, рассказывать Сабине последние светские новости. Сочтя вскоре, что уделил жене достаточно внимания, чтобы считать инцидент исчерпанным, премьер-министр сослался на занятость и, буднично поцеловав Сабину, отправился на свою половину.

Едва успел он дойти до кабинета и расположиться там в ожидании ужина, как старый слуга доложил, что пока господин был на половине госпожи, посыльный доставил записку из особняка, где расположился гость Правителя, князь Ингвар.

«Ну, наконец-то, они обнаружили труп, — удовлетворенно подумал Гай Сервий. — Наверное, его нашел министр двора. Ведь Юлия просила направить к князю именно его. Как долго, однако. Или это меня известили с опозданием? Почему? Ах да, я ведь сегодня пораньше уехал из дворца правительства, а посыльного наверняка направили именно туда».

— На словах ничего не просили передать? — поинтересовался он, ломая треугольную печать и разворачивая записку.

— Как же не просили? — почтительно заговорил слуга. — Просили от их имени, то есть от князя, передать вашей милости вот это, — и он поднял с пола увесистую плетеную корзину.

— Это еще что? — удивленно спросил премьер-министр, держа в руках распечатанную бумагу и указывая ею на корзину. — Что это такое, я тебя спрашиваю, оглох ты, что ли?

— Это вино, — невозмутимо ответил слуга. — Самосское. Шесть бутылок.

Гай Сервий недоуменно перевел взгляд с корзины с вином на записку, которую продолжал держать в руке, и прочитал следующее: «Дорогой Гай! В знак дружеского расположения и благодарности за гостеприимство и радушие, оказанные мне в вашем доме, позвольте пополнить вашу коллекцию редких вин самосским, которое, смею

надеяться, займет в ней достойное место. Был бы рад доставить его лично, но назначенное на сегодняшний вечер представление моей сестры Титу Брициллу и его благородной супруге, к сожалению, не позволяет мне этого сделать. Самые добрые пожелания вашей очаровательной жене. До скорой встречи».

«Получается, он жив, — обескураженно подумал Гай, глядя то на записку, то на корзину с вином. — Но этого не может быть. Яд очень сильный и совершенно свежий. Разве что я ошибся, то есть попросту что-то напутал с дозой. Вот ведь досада. Упустить такой прекрасный шанс. Ничего, придется повторить. Причем не откладывая. Прямо на завтрашнем балу. Вчера я порядком перенервничал из-за того, что Юлия чуть не выпила его вино. По крайней мере, порывалась это сделать. Все хотела попробовать алонийское. Этот напыщенный северный князь возомнил себя невесть кем, чуть ли не официальным женихом той, которая скоро будет всецело принадлежать мне одному. Я слышал, что его сестра очень похожа на Юлию... Скорее всего, очередные нелепые выдумки придворных бездельников. А почему бы мне не съездить во дворец и не посмотреть самому? Время позволяет. Да и к завтрашнему дню у меня все готово».

Взглянув еще раз на доставленную ему записку, премьер-министр обратил внимание на форму печати. Что-то определенно беспокоило его. Треугольники на трупах, треугольник, который он сам так опрометчиво выжег на руке Луция Прова. Треугольная печать князя.

«Да ведь это оттиск его перстня, достаточно грубого, кстати, — подумал Гай. Он вдруг вспомнил, что точно такой же перстень вчера вечером был на руке Юлии. Раньше Гай никогда не видел у нее этого, с позволения сказать, украшения. — Похоже, его подарок. Сразу видно — очень “ценный”. Сегодня, когда Юлия зашла к Правителю, перстня на ней уже не было. Наверное, она носит столь “изысканную” вещицу только в присутствии князя. Ну да ладно. Теперь это уже не имеет никакого значения».

Гай Сервий придвинулся поближе к столу, привычным движением просунул руку под столешню и извлек из

надежно скрытой в ней полости маленький стеклянный флакон. Затем снял с руки перстень и, сдвинув его верхнюю часть, наполнил небольшую емкость белым порошком из флакона.

* * *

Как ни старался избежать этого Дастин, Юлия все же настояла на том, чтобы представить родителям его «сестру» накануне торжеств. Сама Дастина, кстати говоря, была совсем не против. Она воспринимала происходящее всего лишь как увлекательную игру, которая, увы, очень скоро закончится.

Официальная церемония представления «княжны» Правителю и его супруге показалась ей весьма любопытной. Стараясь не подвести Дастина и Квинта, она вела себя как и подобает важной персоне — чопорно, холодно и церемонно. Слух о ее сходстве с дочерью Правителя уже облетел светское общество, и теперь многочисленные придворные, пользуясь случаем, беззастенчиво глазели на нее, то и дело переводя взгляды на Юлию, а затем обратно, словно сравнивая их и пытаясь найти хоть какие-то внешние отличия.

Родители Юлии приняли ее более чем любезно, хотя внезапная бледность, покрывшая лицо Фелиции, и остановившийся взгляд Тита Брицилла произвели на нее странное впечатление.

Завидев стоявшего неподалеку премьер-министра, который почему-то был без жены, Дастина незаметно подмигнула ему, как старому знакомому, а он, закусив губу, изумленно глядел на нее во все глаза, силясь что-то понять.

Не пытаясь анализировать, для чего Квинт Юст сделал ее «сестрой князя Ингвара», девушка понимала, что это как-то связано с Юлией, судя по всему, по уши влюбленной в Дастина. Их поразительное сходство вовсе не казалось ей чем-то из ряда вон выходящим. Просто двойники. Ну и что тут такого? За время исполнения Миссии она и не такое видела и давным-давно привыкла ничему

не удивляться. Просто когда-нибудь будет приятно вспомнить, как, неожиданно оказавшись в глубокой древности, она случайно встретила там девушку, похожую на нее саму, как две капли воды. Вот, пожалуй, и все.

Сейчас ее тревожило совсем другое. Находясь рядом с Дастином, она начинала невольно ощущать нечто такое, чего никогда раньше не испытывала, что было ново и непривычно для нее. Да еще и эти странные сны. Всегда одни и те же. Трудно было в это поверить, но, получается, он снился ей всегда, сколько она себя знала. Вдобавок изредка мучившие ее раньше головные боли почему-то усилились в последние дни, хотя она и не пыталась ничего вспоминать.

Прекрасным средством для расслабления и релаксации по-прежнему оставались свидания с Квинтом Юстом. Начальник тайной полиции был не только чрезвычайно умен и хорош решительно во всем, но и обладал весьма редким умением не навязывать свое общество, а дарить его. За время их короткого, но бурного романа, совпавшего, как оказалось, с весьма серьезными проблемами, возникшими у Квинта на службе, он каким-то непостижимым образом ухитрялся появляться там и тогда, где и когда Дастина хотела его видеть, и исчезал, никогда не давая пресытиться собой. Его не бывало слишком много.

* * *

После представления сестры князя Ингвара Фелиция не могла найти себе места от охватившего ее волнения. Ближе к ночи она поняла, что, не поговорив с мужем, точно не уснет, и решительно отправилась в его покои. Тит Брицилл, в отличие от супруги, любил рано ложиться и рано вставать. Поэтому в столь позднее время никто уже не решался его беспокоить.

Быстрым шагом, не дав опомниться слугам, удивленным ее неожиданным визитом, Фелиция прошла в кабинет, смежный с опочивальней Правителя. Тит Брицилл не спал. Он с задумчивым видом сидел в своем любимом

кресле, около которого мирно посапывал Дукат. Появление жены, казалось, его ничуть не удивило.

— Я знал, что вы придете, — произнес он, — и, как видите, не ошибся. Потрясающее сходство, не правда ли? Если бы я не знал наверняка, что наша дочь умерла, то решил бы, что это она.

— Скажите, Тит, — голос женщины предательски дрожал, — вы действительно уверены в этом? Помните, я ведь тогда лежала в горячке и не видела девочку мертвой. Ее хоронили без меня. А вдруг...

— Никаких вдруг, — прервал ее Правитель. — Не тешьте себя иллюзиями. Она умерла, едва родившись. Вы были совсем плохи. А младенца тогда похоронили мы с лекарем. Я решил сохранить это в тайне. Всех оповестили, что у нас родилась здоровая дочь, которую назвали Юлией. Вот и все. О близнецах кроме нас с вами никто не знает. Лекарь умер два года назад, повитуха — и того раньше.

— Но, помилуйте, Тит, — не желая расставаться с затеплившейся было надеждой на чудо, воскликнула Фелиция, — как возможна такая схожесть?

— Двойники, — ответил Тит Брицилл и развел руками, — всего лишь двойники. Удивительно, конечно, но факт. История знает немало таких примеров. Возьмите Демокрита¹ и Анаксарха². Они жили примерно в одно время и, говорят, внешне были практически неотличимы.

Он тяжело поднялся с кресла. Вслед за ним нехотя встал на ноги сонный Дукат.

— А теперь идите спать, Фелиция, — усталым голосом произнес Правитель. — Завтра у нас очень насыщенный день.

* * *

Колоссальная чаша стадиона, до отказа заполненная зрителями, являла собой удивительное зрелище. Пестрая

¹ Древнегреческий философ (ок. 460 г. до н. э. — ок. 370 г. до н. э.).

² Древнегреческий философ, последователь Демокрита (ок. 380 г. до н. э. — ок. 320 г. до н. э.).

толпа, состоящая из отдельных людей разного темперамента, достатка и звания, попадая сюда, разом превращалась в единое целое, многоликое, опьяненное азартом и донельзя ажиотированное, разнузданное, шумное, как мощный морской прибой, алчущее ярких впечатлений и острых ощущений.

Десятки тысяч глаз были прикованы к арене, где как раз завершилось пышное театрализованное представление, предваряющее сами состязания, и уже заканчивалась жеребьевка их участников.

Первыми соревновались лучники. Около сотни лучших стрелков страны съехались в столицу из разных провинций в надежде на победу. Выйдя на арену под одобрителный гул и аплодисменты публики, они расположились около высоких деревянных столбов так, чтобы солнце, которого сейчас и в помине не было, даже вырвавшись из плена густых облаков, не светило им в глаза. Сейчас каждый из них должен был по команде распорядителя выпустить вверх десять стрел, чтобы сбить ими на землю десять деревянных шаров, закрепленных на колесах над столбами. Тот, кто хоть единожды промахивался или не укладывался в отведенное время, сразу выбывал из состязаний. Перед каждым выстрелом стадион будто замирал на мгновение, а после каждого попадания взрывался ревом и овациями. В случае неудачи зрители, начисто лишенные какого бы то ни было сострадания к проигравшим, топали, свистели и улюлюкали. Люди не очень любят неудачников, толпа — и вовсе не выносит их.

После первого тура осталось пятьдесят семь участников, которые теперь должны были сбить столько же шаров, но уже за время, вдвое меньшее. С этим справились лишь восемнадцать стрелков. Дальше следовало, выпустив одну стрелу вверх, успеть сбить шесть шаров до тех пор, пока она не коснулась земли, что было чрезвычайно сложно и требовало высшего мастерства. Только тот, у кого лук с самого детства становился продолжением руки, мог рассчитывать на успех. К следующему этапу допускались лишь те, кто ни разу не промахнулся. Таких оказалось всего пятеро.

Страсти на стадионе стремительно накалялись. Выкрикивая подбадривающие возгласы в адрес участников, никто уже не слышал собственного голоса. Оставшиеся на арене стрелки по традиции низко поклонились на все четыре стороны поддерживавшей их публике и приготавливались к дальнейшей борьбе.

Выстроившись в разомкнутую шеренгу на расстоянии двух третьих стадия¹ от круглых мишеней, надежно закрепленных на деревянных крестовинах, они напряженно ждали команды распорядителя, который, подавая ее, одновременно переворачивал маленькие песочные часы, начиная отсчет времени. Каждый участник состязаний должен был успеть выпустить десять стрел по своей мишени, пока сыпался песок. Выстрелы, сделанные после этого, не засчитывались.

Стрелки внешне выглядели абсолютно спокойными, хотя каждому было понятно, что это не так. Когда первые стрелы полетели к мишеням, стадион затаился. Большинство зрителей из-за значительной удаленности не могли видеть результаты выстрелов и узнавали их лишь тогда, когда служители поднимали над головой специальные таблички с итогами каждого попадания.

Барти Круз, сидя между Руфусом Филчем и Лоем Марием, вначале с удивлением, граничащим с сочувствием, рассматривал будто бы в одночасье ополоумевших сограждан. Изредка поглядывая на арену и не находя там ничего, заслуживающего внимания, архивариус утешал себя тем, что увесистая корзинка со снедью, которую они так предусмотрительно взяли с собой, послужит некоторой компенсацией за те лишения, которые он здесь безвинно терпит. Воспользовавшись тем, что Руфус Филч и его друзья полностью поглощены происходящим на арене и не обращают никакого внимания ни на него, ни на корзинку, неисправимый любитель сладостей то и дело запускал руку в ее плетеное чрево. Извлекая оттуда поочередно то

¹ Единица измерения расстояний в древних системах мер; греческий стадий равен 178 м.

ароматный марципан, то маковый крендель, то горсть душистых цукатов, он с удовольствием запивал их разведенным морсом.

Роб Свэнс и Лой Марий предпочитали время от времени отхлебывать из вместительных фляг более крепкий напиток. Это помогало им справиться с нараставшим поневоле волнением.

Добрейший Руфус Филч, внимательно глядя на арену, исподволь думал о том, что несколько часов спустя вся эта ревущая многотысячная толпа лавиной хлынет в город и ручейками растечется по улицам, после чего надолго осядет в многочисленных питательных и питейных заведениях, в том числе и в его кондитерской. Доходы сегодняшнего и завтрашнего дня, с учетом предстоящего бала, обещали быть весьма и весьма ощутимыми. Предпочитая, однако, не считать тех денег, которых он еще не заработал, поставщик двора полностью сосредоточился на завершающем этапе соревнования лучников.

То же самое, как ни странно, сделал и Барти Круз. Рассеянно взглянув на пятерку лучников, он вдруг уловил в одном из них что-то хорошо знакомое. Присмотревшись повнимательней, архивариус понял, что это Дастин, или князь Ингвар, как величали его при дворе.

А вот кондитер, с детства обладавший прекрасной зрительной памятью, обратил внимание на другого стрелка, невысокого и худощавого, отличавшегося от остальных гибкостью стана, плавностью и изяществом движений.

— О, милосердные боги, да ведь это же Дастина! — воскликнул он и тут же прикрыл рот рукой. Впрочем, в таком шуме его вряд ли кто-нибудь мог услышать.

Руфус Филч принялся тормошить сидящего рядом с ним родственника.

— Барти, Барти! — изо всех сил кричал он архивариусу в самое ухо, надеясь быть услышанным. — Там, на арене, Дастина! Смотри, она в пятерке лучших! Она стреляет!

Увидав свою обожаемую спасительницу, поставщик двора тут же выбросил из головы все посторонние мысли и жадным взором впился в спортивную арену.

То же самое сделал и Барти Круз, окончательно уверившись, что не ошибся.

Пятеро фаворитов состязаний в стрельбе из лука в белых, плотно прилегающих к телу одеждах с короткими рукавами, поверх которых были надеты нагрудники, как раз заканчивали серию из десяти выстрелов.

Кожаные защитные краги у четверых лучников были на левой руке, а у пятого, имевшего по сравнению с остальными, вид подростка, — на правой. Это означало, что пятый — левша. Поскольку солнце так и не вышло из-за облаков, стрелял он вместе со всеми. Он же, единственный, был в головном уборе.

Судя по табличкам, которые после каждого выстрела поднимали для всеобщего обозрения служители стадиона, трое из пяти стрелков уже в любом случае выбывали из дальнейшей борьбы. А вот оставшиеся двое демонстрировали результаты, которых никогда ранее никто не добивался. Казалось, будто сказочный великан взял в руки по десятку стрел и одним мощным ударом вонзил их в центр каждой из двух мишеней.

Под одобрительный рев стадиона двое лучников снова церемонно поклонились публике, а затем изготовились к новой серии из десяти выстрелов, которая и должна была определить победителя.

— Кто-то из нас должен проиграть, — без видимых усилий натягивая тетиву, сказала Дастина. — Мне, честно говоря, очень не хочется, — уже с просительно-капризными нотками в голосе продолжила она. — И, кроме того, я здесь вроде бы как в гостях. А законы гостеприимства... ну, короче, ты сам знаешь.

— Согласен, — не раздумывая, произнес Дастин. — Я промахнусь на десятом выстреле, и все лавры достанутся тебе. А вот насчет гостеприимства, пожалуй, не соглашусь. Во-первых, я здесь не совсем дома, а во-вторых, таким «гостям», как мы, меньше всего должны быть рады те, кого нам приходится навещать.

— Ну, ладно, — примирительно произнесла девушка, — не придирайся к словам. Ведь по сути-то я права. Время, в котором мы сейчас находимся, все-таки больше

твое, чем мое. Лучше скажи, меня, правда, сейчас увенчают лавровым венком победителя?

Дастин утвердительно кивнул и, выпустив очередную стрелу, усмехнувшись, добавил:

— Если не промахнешься, конечно.

— Да уж постараюсь, — принимая его шуточный тон, ответила Дастина и тут же серьезно добавила: — Спасибо, что уступил.

Они, будучи соответственно правой и левой, стреляли, стоя лицом друг к другу.

— Знаешь, — словно преодолев некие сомнения, сказала она после очередного выстрела, — я, честно говоря, очень рада, что мы встретились. Это странно, но у меня такое чувство, что я давно тебя знаю или знала когда-то раньше. А еще, только не смейся, пожалуйста, ты мне часто снился, причем задолго до того, как мы увиделись здесь. Да-да. Seriously. То будто мы с тобой дети, играем где-то в саду, и ты делишься со мной сладостями. То, — она сделала паузу, видимо думая, продолжать или нет, — вроде мы жених и невеста... Представляешь?

Дастин замер. Ему вдруг стало нечем дышать. Сердце билось как бешеное и, казалось, вот-вот разорвется.

— Что с тобой? — удивленно спросила девушка. — Ты же собирался промахнуться на десятом выстреле, а сейчас только седьмой.

* * *

Квинт Юст собирался, как и в прошлые годы, непременно участвовать во всех видах состязаний и имел веские основания рассчитывать на успех. Однако, узнав о том, что Дастине удалось уговорить «князя» Ингвара вместе посоревноваться в одном или нескольких видах программы, благоразумно предпочел изменить свои планы и довольствоваться ролью зрителя.

Сидя рядом с Виком Лициусом в одной из просторных крытых лож стадиона, устроенных специально для высших сановников государства, он, затаив дыхание, наблюдал за происходящим на арене и все больше и больше убеждался в правильности принятого решения.

— Ну, и как вам это нравится, Квинт? — спросил первый сенатор, не отрывая глаз от вышедшей в финал пары лучников и табличек с результатами выстрелов, которые поднимали над головами служители стадиона. — Вы когда-нибудь видели такую стрельбу?

— Я, Вик, честно говоря, предполагал это, — ответил начальник тайной полиции, восторженно глядя на арену, — потому и отказался участвовать. Не люблю, знаете, роль статиста. Кроме того, даже если бы я мог *так* стрелять, победу, все равно пришлось бы подарить даме. Уверен, наш «князь» именно так и поступит.

— Скорее всего, вы правы, — согласился Вик Лициус, — тем более, что именно вам пришлось в голову определить эту милую даму в сестры «князю». А знаете, друг мой, — продолжал он, — я вчера всерьез подумал о том, что мы упустили что-то очень важное. Помните, в галерее я показывал вам картину, на которой были изображены девочки-близнецы. Именно около нее, незадолго до этого, я застал нашего старейшего архивариуса. Готов побиться об заклад, он был смущен. И, наверняка, неспроста появилась инициатива упорядочить личные архивы высшего руководства. Просто ему самому зачем-то нужно было до них добраться. Так вот, я думаю, Барти Крузу удалось раскопать что-то важное в архиве Правительства. Что — мы с вами не знаем. И вряд ли узнаем. Разве что позже. Когда он сам захочет рассказать. И если захочет. Он честен и не труслив. Ему нечего терять и нечего бояться. А еще, не забывайте, Квинт, мы утаили от Правительства наши предположения касательно истинной роли «князя» во всем происходящем. Хотя, с другой стороны, это были всего лишь предположения, а не проверенная и подтвержденная информация. Теперь остается только ждать финала этой истории. В ней нам, увы, отведена всего лишь роль статистов, которая вам так не по вкусу. Полагаю, наш гость, да и ваша очаровательная подруга в самом скором времени покинут нас. По моему разумению, последним объектом внимания «князя» должен был бы стать Гай Сервий, если, конечно, Сабина его не опередит. Впрочем, он тоже не волен в своем выборе. На самом деле выбирает

Механизм. Посмотрим, какие сюрпризы преподнесет нам сегодняшний бал. Уверен, без них не обойдется.

— Получается, скоро они навсегда исчезнут из нашей жизни, — разочарованно произнес заметно погрузневший Квинт Юст, — а потом... потом навсегда исчезнем и все мы. Когда-нибудь они снова появятся здесь и, может быть, вспомнят о нас. А может быть, и нет.

— Не печальтесь, Квинт, — сказал первый сенатор и ободряюще похлопал воспитанника по плечу, — примите все как есть. К тому же вы молоды, а в молодости «потом» — понятие абстрактное. Довольствуйтесь тем, что мы с вами невольно стали свидетелями и даже в некотором роде участниками удивительных событий. Это, заметьте, дается в жизни не каждому. И знайте, все будет так, как оно должно быть.

* * *

После соревнований лучников не узнавшая никем, кроме Руфуса Филча (Квинт Юст, а значит, и Вик Лициус знали о ее намерении заранее), и увенчанная лавровым венком победителя Дастина на короткое время исчезла, чтобы вновь появиться на стадионе уже в облике сестры князя Ингвара. Она пребывала в превосходном расположении духа и даже согласилась на уговоры Дастина не участвовать в других видах состязаний, дабы не привлекать к себе чрезмерного внимания.

Препроводив «сестру» в любезно предоставленную им гостевую ложу и, скрепя сердце, оставив ее на попечении незамедлительно прибывшего туда начальника тайной полиции, Дастин тут же отправился засвидетельствовать свое почтение Правителю, его супруге и Юлии, которая с нетерпением ожидала его появления. Еще вчера вечером князь удостоился приглашения во время состязаний быть гостем Тита Брицилла в специально оборудованной для него ложе.

Уже закончили соревноваться лучники и был награжден победитель, а Дастина все не было. Это очень огорчало Юлию. Последние несколько дней ей стало казаться

ся, что он тяготится какими-то тайными мыслями и избегает оставаться с ней наедине. Почему? Она не могла понять. А может быть, это всего лишь плод ее не в меру разыгравшегося воображения?

Как раз в то время, когда на арену под музыку вышли борцы и, распределившись по парам согласно жребию, ждали сигнала к началу боя, в ложе Правителя, наконец, появился Дастин. Он церемонно поклонился дамам и еще раз поблагодарил Тита Брицилла за оказанную ему честь быть почетным гостем на стадионе и на предстоящем балу во дворце. В ответ Правитель благосклонно улыбнулся, что случалось с ним не так уж часто, и предложил князю расположиться в свободном кресле между супругой и дочерью. Он, хотя и не подавал вида, внутренне был очень напряжен. От сегодняшнего дня зависело слишком многое в его политическом будущем.

— Даже если состязания борцов не покажутся вам очень увлекательными, то уж гонки колесниц, наверняка, не оставят вас равнодушным, — непринужденно произнес Тит Брицилл. — Как бы то ни было, надеюсь, моя жена и дочь не дадут вам скучать. Жаль, однако, — добавил он, — что вы не увидели соревнования лучников. Это было поистине незабываемое зрелище. Какая меткость, какие результаты. Такое редко удастся увидеть. Я приказал вручить двум лучшим стрелкам по двадцать серебряных монет от моего имени.

«Какая щедрость, — подумал Дастин, — ну и где же, интересно, эти монеты?»

— Признаться, я тоже не нахожу бои борцов очень уж интересными, — между прочим заметила Фелиция. — Поглядите-ка сами. Слишком много людей, внимание рассеивается и, кажется, будто ничего особенного не происходит. Вот когда останутся последние две пары, пожалуй, будет на что посмотреть.

— А какие виды состязаний нравятся вам, князь? — по привычке поддерживая светский разговор, спросила Юлия и, не дожидаясь ответа, продолжала: — Мне, например, стрельба из лука. Знаете, сегодня было как никогда интересно наблюдать за ходом борьбы. Отец

нисколько не преувеличивает. Двое стрелков, вышедших в финал, просто поразили нас, не правда ли, матушка?

— Совершенно верно, — кивнула в знак согласия Фелиция, продолжая тем временем лениво наблюдать за происходящим на арене. На самом же деле мысли ее были заняты другим. В ожидании предстоящего бала она рисовала себе сладкие картины того, на что втайне рассчитывала, чего хотела и одновременно боялась.

Юлия все еще надеялась, что именно сегодня, наконец-то, произойдет то, чего она так страстно желала, хотя смутные сомнения и дурные предчувствия не покидали ее вот уже несколько дней. Прекрасно владея собой, девушка прятала их от себя и от окружающих. Последнее случилось у нее значительно лучше.

Дастин все видел и все понимал. Он казнился, зная, что невольно причиняет боль этой необыкновенной девушке. Чувство вины не покидало его. Он не мог дать ей то, чего она ожидала, то, чего, несомненно, заслуживала.

Тем временем в гостевой ложе непринужденно (по крайней мере, так казалось со стороны) болтали «княжна» и начальник тайной полиции. На самом деле Квинт Юст безуспешно пытался воспользоваться мудрым советом первого сенатора и принять все как есть, а Дастина тщетно старалась разобраться в своих ощущениях и понять, какие чувства она испытывает к Квинту, а какие — к Дастину.

* * *

Главная прелесть костюмированного бала заключалась в том, что, скрыв под масками свои лица и став на короткое время неузнаваемыми, дамы и кавалеры могли пренебречь строгим этикетом и насладиться редкой возможностью ощутить себя кем-то другим или хотя бы самим собой.

Чопорность и скованность двора уступали место раскрепощенности и веселью, а легкая пикантная интрига становилась в ночь бала неотъемлемым атрибутом общения.

Разумеется, это не касалось тех, кто в силу почтенного возраста и физической немощи лишь снисходительно взирал на шалости и проказы непрестанно озорничавших масок, вспоминая при этом проделки и дурачества собственной бурной молодости.

Глаза разбегались от пестрого многообразия маскарадных костюмов, украшенных яркими шелковыми лентами, золотыми и серебряными кружевами, драгоценными и полудрагоценными камнями. Все это ослепительное великолепие, порожденное неутолимым тщеславием знати и неистощимой выдумкой портных, шумно заполняло гулкое пространство дворцовых залов, празднично освещенных множеством свечей, отражалось и дробилось бесчисленными зеркалами, выставяло себя напоказ и жаждало приключений.

Боги и богини непринужденно общались с маврами, гладиаторами, диковинными животными и мифическими существами. Беззастенчиво рассматривая и придиричиво оценивая наряды друг друга, маски обменивались колкими шутками и двусмысленными намеками, позволяя себе вольности, совершенно неприемлемые в обычных условиях.

Изобилие разнообразных закусок и напитков на любой, самый взыскательный вкус, масса сладостей, свежих и засахаренных фруктов не позволили бы проголодаться никому из многочисленных гостей, продолжайся бал хоть три дня и три ночи подряд.

Одни из них, уже достаточно разгоряченные танцами и напитками, веселились напропалую, лишь изредка бросая беглый взгляд на свое зеркальное отражение, дабы убедиться, в порядке ли костюм. Другие завязывали короткие, ни к чему не обязывающие знакомства с заинтериговавшими их масками. Третьи, потратив немалые деньги на то, чтобы узнать заранее, в каком костюме будет интересующий их кавалер или дама, теперь пожинали плоды своей предприимчивости.

Несмолкающая музыка заглушала многоголосье возбужденной толпы, остроумные шутки и неудачные остроты,

изысканные и топорные комплименты, будоражила воображение и ускоряла биение сердца.

Впрочем, вихрь праздничного ажиотажа охватил не всех обитателей дворца и не всех его гостей. Некоторые из них были всерьез озабочены разнообразными проблемами. Одни — плотскими, другие — сердечными, а иные — сугубо политическими. Кто-то готовился совершить сегодня очередное преступление, а кто-то — предотвратить его во что бы то ни стало.

Фелиция в костюме Астарты¹ старалась, по возможности, держаться подальше от своего супруга, чтобы не оказаться раньше времени узнанной окружающими. Она уже нашла среди гостей интересующую ее маску и постепенно приближалась к ней, ощущая одновременно азарт охотника и острое желание стать добычей.

Для Тита Брицилла костюмированный бал был хорош лишь тем, что не предполагал официальной части, а значит — и ненавистой ему необходимости выступать с речью. Правитель был настолько погружен в свои мысли, что не видел и не слышал значительной части происходящего вокруг. То, где находится в настоящий момент Фелиция и чем она занята, интересовало его меньше всего. А вот настроение дочери вызывало некоторое беспокойство. Юлия, несомненно, влюблена в князя Ингвара, который мог бы стать неплохой партией для нее, особенно учитывая неисчерпаемые богатства северных земель. Князь, однако, пока не предпринимал никаких попыток сделать предложение, хотя явно неравнодушен к ней.

Угрюмо восседая в кресле в костюме Юпитера², Тит Брицилл томился напряженным ожиданием. Когда первый сенатор передал ему содержание беседы Квинта Юста с Валентом Руфом, он сразу же понял, о чем идет

¹ Греческий вариант имени богини любви и власти Иштар, заимствованной из шумеро-аккадского пантеона через финикийскую культуру.

² В древнеримской мифологии бог неба, дневного света, грозы, отец богов, верховное божество.

речь, и это его несколько обнадежило, хотя и озадачило. Значит, министр налогов и сборов успел увидеть документ, из-за которого Гай Сервий убил Луция Прова до того, как покойный начальник монетного двора обнаружил его в министерстве финансов. А ведь этот Валент Руф оказался намного умнее и хитрее, чем можно было предположить. Он не попытался присвоить золото, которое бессовестным образом украл Сергиус Рон. И теперь якобы готов, не выдвигая никаких условий, предоставить информацию о том, где оно спрятано. Человек, оказывающий услугу такого масштаба, вправе рассчитывать на многое. Ничего не скажешь, красивый ход. Интересно, чего же он все-таки хочет? Впрочем, об этом можно будет подумать после того, как удастся нейтрализовать Гая Сервия. Помимо документа, который видел Валент Руф, у него, несомненно, есть бумаги, касающиеся той части «сэкономленного» золота, к которой имеет непосредственное отношение сам Тит Брицилл. А это серьезный инструмент шантажа. Неблагодарная тварь. Зная, стараниями Квинта Юста, в каких костюмах может появиться сегодня премьер, Правитель время от времени пристально вглядывался в веселящуюся толпу, которую ничуть не интересовали его переживания.

Сабина, облаченная в костюм Гармонии¹, прибыла на бал одна. Ее супруг, как и следовало ожидать, сослался на необходимость утрясти кое-какие неотложные дела и пообещал присоединиться к ней несколько позже. Она была готова к этому и, прощаясь с Гаем, знала, что прощается навсегда. Больше он ее никогда не увидит, вернее не узнает, в костюме Немезиды², приготовленном ею для того, чего уже невозможно было избежать. Последние минуты, проведенные с мужем в доме, где они когда-то были так счастливы (или это ей только казалось), дались

¹ В древнегреческой мифологии богиня согласия, олицетворение счастливого брака.

² В древнегреческой мифологии крылатая богиня возмездия, карающая за нарушение общественных и моральных норм.

Сабине очень тяжело. Если бы не дети, она, наверное, уже не жила бы. Хотя неизвестно, сможет ли она жить после того, что ей надлежало сделать. А ведь немного яда из тайника Гая — и нет разрывающей сердце боли, отчаяния и позора. Человек, которого она любила больше всего на свете, не считая сыновей, стал самым горьким разочарованием ее жизни. Болезненная похоть и непомерное тщеславие помutilи его рассудок настолько, что сделали преступником, убийцей. Еще немного, и он погубил бы не только ее, но и собственных детей. Но этому не бывать, потому что она этого не допустит.

Министр налогов и сборов, которому костюм Гермеса¹ был очень к лицу, то и дело мягко отшучивался от докучавших ему масок. Валент Руф ждал условного сигнала от Квинта Юста, чтобы приступить к осуществлению следующего этапа задуманной им комбинации. А пока что у него была возможность немного развеяться и постараться избавиться от внутреннего напряжения, которое волей-неволей давало о себе знать. Кроме того, он собирался осчастливить Фелицию, вернув ей письма, случайно оказавшиеся в его руках. Заметив не так далеко от того места, где он расположился, даму в костюме Астарты и зная, что под ним скрывается супруга Правителя, министр налогов и сборов решил не терять времени понапрасну.

Юлия, явившаяся на бал в восхитительном костюме Психей², едва успевала отражать атаки не в меру настойчивых кавалеров. Ей было не до них, а тот единственный, кого она с нетерпением ждала, почему-то до сих пор не появлялся. Маска надежно скрывала прекрасное лицо девушки от нескромных взглядов, а напускная веселость служила завесой с недавшему ее волнению. Возлагая большие надежды на сегодняшний день, она верила и одновременно сомневалась в том, что Дастин наконец-то

¹ В древнегреческой мифологии бог торговли, прибыли, разумности, ловкости, плутовства, дающий богатство и доход.

² В древнегреческой мифологии олицетворение души в образе бабочки или юной девушки с крыльями бабочки.

решится сделать ей предложение и попросить у отца ее руки. В том, что Правитель ответит согласием, она практически не сомневалась.

Начальника тайной полиции сегодня не очень интересовало, как он выглядит в костюме Гелиоса¹, хотя ответом на этот вопрос могли бы послужить восхищенные взгляды, которыми провожали его из-под масок как юные девушки, так и зрелые дамы. Но Квинту Юсту было не до этого. То, что должно было произойти на сегодняшнем балу, требовало от него максимальной концентрации внимания и готовности вмешаться. Поэтому он старался быть предельно сосредоточенным и собранным. А если и думал о чем-то постороннем, то только потому, что просто не мог избавиться от этих мыслей. Девушка, так похожая на Юлию, не отпускала его ни во сне, ни наяву. Вот и сейчас, не находя среди гостей ни ее, ни «князя» Ингвара, начальник тайной полиции чувствовал, что у него понемногу начинает портиться настроение.

Вик Лициус всегда тяготился необходимостью одеваться в нечто отличное от обыкновенного платья. Выбор костюма был для него досадной, но неизбежной формальностью, а примерки — пустой тратой времени. Поэтому темный, внешне ничем не примечательный костюм Гипноса² первый сенатор считал для себя вполне подходящим. Маску он и вовсе не надевал. Еще раз обдумав из ряда вон выходящие события последних недель, глава сената пришел к выводу: все необъяснимое, что должно было случиться, наверное, уже случилось. Или почти все. Если Правитель сторгуется с Валентом Руфом, который хочет «совершенно бескорыстно» оказать ему неоценимую услугу, то останется решить проблему, созданную этим внезапно обезумевшим Гаем Сервием, и дожидаться, когда «князь» Ингвар и девушка, в которую, судя по всему, влюбился его воспитанник, навсегда покинут их края. Вик Лициус полагал, что их миссия здесь выполнена.

¹ В древнегреческой мифологии солнечное божество.

² В древнегреческой мифологии божество сна.

Таинственные смерти самых одиозных фигур правительства и политикума наделали много шума в высших кругах и, хотя официально были признаны самоубийствами, заставили задуматься многих. Необъяснимое сходство «княжны» с дочерью Правителя, скорее всего, останется тайной. Разве что старый архивариус, который, несомненно, что-то знает, захочет когда-нибудь поделиться своими секретами. А сейчас первый сенатор должен был ждать. Ждать, когда Сабина будет готова передать ему документы, которые она должна была выкрасть у своего мужа.

Гай Сервий появился на балу с некоторым опозданием, облаченный в костюм Фобоса¹. Он был готов осуществить завершающую часть своего замысла, хотя и испытывал немалые волнение и страх. Сразу заметив неподалеку от себя Сабину в образе Гармонии, он не стал к ней подходить. Сегодня ему было явно не до жены. Оглядываясь по сторонам, премьер тщетно пытался разыскать в веселящейся толпе волнующую его чувства и возбуждающую его плоть девушку в костюме Психеи. Поняв, наконец, что теряет драгоценное время, Гай Сервий заставил себя сосредоточиться на поиске дамы в костюме Астарты. Увидев ее, он не спеша извлек из складок одежды черный кожаный футляр, в который было вложено одно из наиболее «откровенных» писем супруги Правителя Сергиусу Рону, и направился в ее сторону, машинально нащупывая свободной рукой второй такой же футляр с «сюрпризом» для Тита Брицилла.

Бал разгорался. Искры чувственности все чаще проскакивали между разгоряченными мужчинами и женщинами, которые были не прочь завязать приятное необременительное знакомство и даже позволить себе короткое любовное приключение. В воздухе витал насыщенный запах легкой интриги.

Единственно, до кого здесь никому не было дела, так это до серого демоса, скопившегося сегодня в столице

¹ В древнегреческой мифологии божество, олицетворявшее страх.

сверх обыкновенного и рассредоточившегося после стадиона по ее тавернам и харчевням, чтобы пропить и проесть несколько монет, отложенных специально для такого торжественного случая.

Толпы свободных граждан — ремесленников и крестьян с женами и просто подругами, — уже успевших наполнить свои желудки и опустошить тощие кошельки, стекались в центральную часть столицы, чтобы в полной мере ощутить себя участниками празднеств. Удивленно качая головами и сплевывая под ноги, мужчины с недобрым восторгом глазели на дворец, похожий этой ночью на драгоценную, светящуюся изнутри музыкальную шкатулку, и рассматривали роскошные кареты гостей, ожидавшие хозяев на площади и близлежащих улицах. Женщины, вглядываясь в мелькающие за дворцовыми окнами силуэты танцующих, втайне представляли себя на месте разодетых в диковинные маскарадные костюмы придворных дам, благородных супругов и дочерей министров и сенаторов. Что представляли себе их изрядно выпившие мужья, было ведомо им одним.

* * *

В каретной мастерской Лоя Мария нынешним вечером было как никогда оживленно. Переместившись сюда сразу же после завершения спортивных состязаний, неразлучные друзья и разделивший их общество Барти Круз чувствовали себя превосходно. Роб Свэнс и хозяин дома были уже порядком навеселе. Руфуса Филча после блистательной победы Дастины в соревнованиях лучников просто распирало от гордости. Однако он счел благоразумным помалкивать об этом, пока не представится возможность всласть поболтать наедине с двоюродным братом. Получив же известие, что во дворце его работой довольны, в кондитерской нет ни одного свободного места, а люди все прибывают, поставщик двора радовался, как дитя, и потирал руки от удовольствия. Барти Круз, который в течение дня употребил столько сладостей, что уже не мог не только их есть, но даже и видеть,

все более и более проникался теплыми чувствами к замечательным друзьям своего родственника и был доволен, что волею случая, а вернее благодаря настойчивости Руфуса Филча, попал в их компанию. Кроме того, оказавшись, по сути, единственным носителем невероятной тайны, он ощущал некоторое внутреннее превосходство над окружающими. А еще архивариус скучал по Дастину, которого не видел вот уже два дня, и упорно, но безуспешно, гнал от себя мысли о том, что скоро они расстанутся навсегда.

* * *

В Парке Защитников и Покровителей было темно, холодно и пустынно. Кроме смены почетного караула, которой выпало дежурить в праздничный день, да редких ночных птиц, здесь, казалось, никого и быть не могло. Пространство охраняемого периметра и сама Стела Свободного Выбора, как всегда в такое время, ярко освещались факелами.

Внезапное появление у Стелы мужчины в костюме бога Хроноса¹ и женщины в костюме мойры Атропос² почему-то осталось незамеченным стражниками. Они словно не видели пару, стоящую не таясь, на самом освещенном месте.

— Этого следовало ожидать, — произнесла женщина. — Я и так здесь задержалась. Знаешь, — она подняла глаза на своего спутника, — такое со мной впервые. Никогда раньше мне не было жаль покидать время, в котором я оказывалась по воле Механизма. А сейчас... — она замолчала. — А сейчас как-то не по себе оттого, что мы с тобой вряд ли еще когда-нибудь увидимся. А с Квинтом так уж, наверняка, никогда. Его век для этого слишком короток. Слишком... Ну ладно, хватит об этом, — женщина незаметно вздохнула, потом потерла ладонями виски. — Координаты пришли — хуже не при-

¹ В древнегреческой мифологии персонификация времени.

² Одна из трех мойр, греческих богинь судьбы, неотвратимая, неумолимая участь, богиня, перерезающая нить жизни.

думаешь. Завтра с утра уже нужно быть там. Насколько я знаю это место и время, работы там — непочатый край.

— До завтра у нас еще целая ночь — тихо сказал мужчина, тщательно скрывая собственное волнение. — Ты ведь хотела побывать на балу. Насколько я понимаю, он уже в разгаре. Поэтому нам следует поспешить. Тем более, у меня там образовалась небольшая работа, — он указал рукой на одну из кнопок на Стеле. — Честно говоря, я ждал, что Механизм до окончания моей Миссии здесь укажет именно на него. Это все упрощает и избавляет одного очень неплохого человека от необходимости совершить убийство. После завершения работы я тоже получу новые координаты.

Он, казалось, хотел еще что-то сказать, но передумал и молча глядел на свою собеседницу каким-то особенным взглядом.

— Как все относительно, — задумчиво заговорила женщина, будто не расслышав его последних слов. — Целая ночь по сравнению с вечностью — это много или мало? Как ты думаешь?

Она внезапно обхватила голову руками, закрыла глаза и глухо застонала.

Мужчина, в один шаг преодолев разделявшее их пространство, порывисто обнял ее и стал нежно гладить по волосам, что-то тихонько нашептывая при этом, словно успокаивая больного ребенка.

Они какое-то время стояли так, не произнеся ни единого слова, и можно было лишь догадываться, что чувствовали и о чем думали сейчас эти двое.

И он, и она хорошо знали, что все когда-нибудь начинается и когда-нибудь заканчивается. Кроме непостижимой Вечности. Река времени то бурлящим потоком, то зеркальной гладью проносит каждого из живущих от первого до последнего мгновенья отпущенного срока, каким бы коротким или длинным он ни был. И нет такой силы, которая заставила бы ее остановить, замедлить или ускорить свой безразличный и немолимый бег.

Не выпуская из поля зрения Валента Руфа в костюме Гермеса, Фелиция незаметно приближалась к нему. Когда расстояние между ними сократилось, она словно почувствовала на себе его пристальный взгляд. И не ошиблась. Министр налогов и сборов действительно смотрел на нее сквозь прорези скрывавшей лицо маски. Когда их глаза встретились, он изысканно поклонился ей и направился навстречу.

— Смею ли я надеяться, что богиня Астарта окажет честь своему смиренному слуге Гермесу и согласится стать сегодня его дамой, чем сделает его счастливейшим из гостей этого бала? — вкрадчиво произнес Валент Руф и еще раз низко поклонился.

— Насколько я знаю, у Гермеса никогда не было недостатка в дамах и никто не мог превзойти его в ловкости, хитрости и лукавстве, — принимая предложенный тон, с улыбкой ответила Фелиция.

— Как вы жестоки, богиня, — притворно огорчился он. — Я готов доказать несправедливость этих упреков. Умоляю, не лишайте меня надежды заслужить вашу благосклонность.

В знак согласия она величественно подала ему руку и с удовольствием позволила закружить себя в непрекращающемся вихре сменяющих друг друга танцев.

Министр налогов и сборов так вошел в роль, что на какое-то время даже отвлекся от того, что было сегодня его основной задачей. Ему определенно нравилась эта игра. Супруге Правителя она нравилась еще больше. Валент Руф знал, кто скрывается под маской Астарты. Фелиция знала имя кавалера в костюме Гермеса. Однако и он, и она ошибочно полагали, что сохраняют собственное инкогнито. Пребывая в этом приятном заблуждении, они чувствовали себя легко и раскованно. Магия музыки, близость тел и возможность, будучи неузнанными, затеряться в шумной праздничной толпе танцующих и веселящихся масок, пробуждали желания и обостряли зов плоти.

Богиня Астарта время от времени поглядывала на мужа, который, казалось, ничуть не нуждался сейчас в ее обществе. Она уже готова была уединиться со своим кавалером в одном из тех укромных мест, которыми изобилует построенный в незапамятные времена дворец.

Наблюдавший за этой парой Гай Сервий терпеливо ожидал удобного момента, чтобы передать Фелиции футляр с письмом. Но супруга Правителя и ее партнер не прекращали танцевать ни на минуту.

«Посмотрим, как ты будешь веселиться после того, как увидишь, что я для тебя приготовил... Интересно, кому это ты так прижимаешься?» — подумал премьер, разглядывая гостя в костюме Гермеса.

Спустя какое-то время, видя, что ждать придется долго, он решил действовать иначе и направился прямо к интересовавшей его паре. Подойдя к ним почти вплотную и дождавшись, когда на него обратят внимание, Гай Сервий заговорил, обращаясь к мужчине.

— Фобос приветствует Гермеса, — произнес он с поклоном, — и просит позволения преподнести его даме этот свиток с прославлением несравненной и всемогущей Астарты — богини любви и власти, — не дожидаясь ответа, премьер быстро склонился перед спутницей Гермеса и передал ей кожаный футляр, после чего тут же скрылся в толпе.

Ни Фелиция, ни Валент Руф не придали этому эпизоду никакого значения, сочтя его одной из многих затей неутомимых шутников в масках, то и дело пристающих к танцующим. Им было вовсе не до того. Супруга Правителя, даже не подумав заглянуть в футляр, машинально спрятала его за пояс и тут же, забыв об этом, увлекла своего кавалера в проход между колоннами, ведущий в хорошо известное ей помещение.

От внимания Квинта Юста, не сводившего глаз с Гая Сервия, не укрылось ничего. Он прекрасно видел, как тот в костюме Фобоса передал что-то Фелиции, танцевавшей с Валентом Руфом, и тут же исчез. Правда, и пара, изображавшая богиню Астарту и бога Гермеса, тоже

будто испарилась. Начальник тайной полиции уже начал было тревожиться, но успокоился, безошибочно угадав причину их внезапного исчезновения. Пока что его больше интересовал премьер, который должен был вот-вот снова появиться, но уже в другом облике. Все это он фиксировал четко, но как-то поверхностно. На самом же деле мысли его были совсем о другом.

Пока супруга Правителя в обществе министра налогов и сборов успешно преодолевала фобию, возникшую у нее на почве кошмара, пережитого во время последнего свидания с Сергиусом Роном, Гай Сервий, переодевшись в костюм Ареса¹, готовился передать Правителю небольшой фрагмент документа о «сэкономленном» золоте. Полагая, что Фелиция уже успела ознакомиться с содержимым преподнесенного ей футляра, премьер-министр злорадно улыбался.

Он и не подозревал, что в это самое время его собственная любящая жена Сабина, вернувшись домой, извлекает из тайника в кабинете бесценные документы — его главный козырь в предполагаемом шантаже Правителя.

Внимательно просмотрев бумаги, она отделила и тут же сожгла ту часть любовных писем Фелиции, которая оказалась в руках ее мужа, остальное тщательно упаковала, быстро спустилась в карету и, переодевшись по дороге в костюм Немезиды, вернулась во дворец. Около самого входа ей встретилась пара запоздавших гостей — стройный молодой мужчина, одетый богом Хроносом, и юная девушка, изображавшая мойру Атропос. Увидев ее, мужчина что-то тихо сказал своей спутнице и, подойдя к Сабине, неожиданно дотронулся до ее руки. Он молчал, но она почему-то была уверена, что слышит его голос:

— Вы не сделаете того, что собираетесь, — непроинзененные вслух слова неким непонятным образом заполняли ее сознание. — Все, что должно сегодня свершиться, свершится без вас. Уповайте на волю богов и думайте о себе и детях. В ближайшее время им больше, чем когда-

¹ В древнегреческой мифологии бог войны.

либо понадобится помощь и любовь матери. Матери, не запятнавшей себя убийством отца, каким бы он ни был. Отдайте бумаги, которые привезли с собой, первому сенатору и немедленно отправляйтесь домой. Домой, к детям.

Вернувшись к ожидавшей его девушке, он предложил ей руку, и они стали подниматься по беломраморным ступеням празднично украшенной дворцовой лестницы.

Сабина же продолжала стоять, не в силах сделать ни единого шага. Она почему-то безоговорочно поверила услышанному. Поверила и покорилась. Это был приказ, которого нельзя было ослушаться, и одновременно — утешение.

— Все будет плохо, — одними губами прошептала она. — Очень плохо. Но лучше, чем если бы я...

Не произнеся более ни слова и будто пребывая в состоянии гипнотического сна, женщина в костюме Немезиды медленно направилась туда, где они договаривались встретиться с Виком Лициусом, когда документы будут у нее.

Первый сенатор ожидал ее с нетерпением. Расположившись в небольшой нише одного из окон и стараясь не привлекать к себе внимание гостей, он видел маневры Гая Сервия, который уже ухитрился передать что-то Фелиции, а теперь медленно двигался в сторону Тита Брицилла. Не выпуская премьера из поля зрения, Вик Лициус заметил приближавшуюся к нему Сабину. Подойдя, она сразу же протянула ему упакованные и перевязанные шнуром бумаги.

— Вот то, что вам нужно, — тихо произнесла женщина, — а сейчас я должна уйти.

— Уйти? — переспросил первый сенатор. — Но...

— Все, что должно сегодня здесь произойти, произойдет без меня, — продолжала Сабина. — Он так сказал. Я ему верю. И вы должны верить. Он велел мне отдать вам бумаги и сразу же ехать домой, к детям. Его нельзя ослушаться. Понимаете, Вик, нельзя.

Вик Лициус обратил внимание, что она говорит монотонно и вяло, почти не делая пауз. Глаза, которые он видел сквозь прорези маски, были затуманены и устремлены

куда-то мимо него. Не дожидаясь ответа и не произнеся больше ни слова, женщина в маске Немезиды повернулась к нему спиной и медленно направилась к выходу, словно не замечая ничего и никого вокруг. Поравнявшись с Гаем Сервием, она не остановилась, а пройдя мимо, не оглянулась. Для нее он уже умер. И, как ни странно, ей уже (или еще) не было больно.

— Что-то тут не так, — думал глава сената, с сочувствием глядя вслед удалявшейся Сабине. — И я готов побиться об заклад — все это не обошлось без участия милейшего «князя» Ингвара. Значит, в его планах за последние сутки произошли какие-то весьма существенные изменения. Тем лучше. Особенно для нее. О боги! Дайте сил бедняжке пережить все это.

* * *

Вновь почувствовав себя желанной, удовлетворив требовательный зов плоти и преодолев с недавних пор страхи, Фелиция будто бы помолодела лет на десять. После восхитительных минут, проведенных наедине с Валентом Руфом, ее одолевала бурная жажда деятельности, необъяснимая веселость и желание осчастливить всех вокруг.

С сожалением оставив на время своего кавалера, супруга Правителя направилась к возвышению, на котором восседал Тит Брицилл. Обменявшись с ним несколькими фразами, она поняла, что муж ничуть не обеспокоен ее отсутствием и не нуждается сейчас в ее обществе. Напротив, он настойчиво предложил ей продолжать развлекаться и не отвлекать его пустыми разговорами. Не отвлекать от чего, Фелиция так и не поняла.

«Что ж, тем лучше», — беспечно подумала она и, оставив Правителя наедине с его мыслями среди всеобщего веселья шумной и беззаботной толпы, отправилась искать Гермеса.

Не обнаружив его среди танцующих, Фелиция вернулась в маленькие уютные апартаменты, где они совсем недавно предавались любовным утехам, решив, что

Валент Руф может ожидать ее именно там. Однако и там его не было. Пребывая в состоянии полной безмятежности, она рассеянно выпила немного разведенного морса со льдом и собралась уходить. Заметив на полу кожаный футляр, женщина вспомнила, что некто в костюме Фобоса, передавая ей эту вещицу, что-то говорил о прославлении несравненной Астарты. Тогда она была занята совершенно другим. А сейчас почему бы не прочитать? Открыв футляр, Фелиция достала вложенный в него маленький бумажный сверток, развернула и помертвела, увидев одно из своих писем к Сергиусу Рону. Липкий страх мгновенно сковал все ее существо. Начиная осознавать ужас происходящего, она чувствовала ярость и бессилие.

— Неблагодарный ублюдок! Лжец! Подлый негодяй! — вскрикивала она сквозь подступавшие к горлу рыдания. — Это плата за все, что я сделала для него. Он просил писать почаще, говорил, что плачет, сжигая мои письма, а сам собирал их... Зачем? Да ведь он попросту собирался меня шантажировать, — вдруг осенило ее. — И так было бы, не подохни он тогда... — Фелицию невольно передернуло от жутких воспоминаний.

«Что же делать? Что мне теперь делать?» — лихорадочно думала супруга Правителя, но ответить на свой вопрос была не в силах. Зато с ужасающей отчетливостью осознавала, что некто, в чьих руках оказались ее письма, дает понять о своем намерении воспользоваться ими. Но как? Неужели он передаст их мужу? И что тогда? Картины, одна страшнее другой, теснились в ее голове. Обладая Фелиция способностью логически мыслить, она непременно подумала бы о том, что, передав эти ужасные письма ее супругу, неизвестный шантажист уже никогда не сможет ими воспользоваться. Увы, логическое мышление никогда не относилось к числу ее главных достоинств.

* * *

Очутившись в большой бальной зале дворца, Дастина почувствовала себя, как в волшебной сказке. Никогда раньше ей не приходилось бывать на настоящих балах.

С сожалением вспомнив о том, что завтра, а вернее уже сегодня, заканчивается ее замечательное приключение и начинается рутинная работа, регулируемая Механизмом, она решила не думать об этом, а в полной мере насладиться праздником. Дастин сказал, что у него тут образовалась небольшая работа перед получением новых координат. Значит, веселиться, танцевать и объедаться сладостями она будет в компании Квинта Юста, который, несомненно, уже обеспокоен ее долгим отсутствием.

«Бедный Квинт, — подумала девушка, испытывая нечто похожее на угрызения совести, — он ведь влюблен в меня и даже не представляет, что в его распоряжении осталось всего каких-то несколько часов, и больше мы с ним уже никогда не увидимся. Мне тоже будет его не хватать. Что ж, со временем он утешится. Все рано или поздно утешаются. Правда, можно на прощанье стереть все, связанное со мной, из его памяти. Но, во-первых, не хочется, а во-вторых — это будет несправедливо. Каждый должен сам распоряжаться своими воспоминаниями. Но почему-то не каждый может», — добавила она мысленно, имея в виду саму себя.

Дастина была права лишь отчасти. Начальник тайной полиции действительно был влюблен. Только в отличие от большинства влюбленных, он отдавал себе ясный отчет в происходящем. Знал, хотя нет, скорее чувствовал, что времени у них осталось очень мало. Квинт Юст был почти уверен — счет пошел уже не на дни, а на часы. Как назло, вместо того, чтобы провести их с ней, он должен был работать. Это приводило его в бешенство.

Наблюдая за перемещениями Гая Сервия, начальник тайной полиции вскоре увидел то, что, по его мнению, уже давно должно было произойти. Приблизившись к возвышению, на котором сидел Тит Брицилл, премьер, теперь уже в костюме бога Ареса, склонился в низком поклоне и, прижимая одну руку к груди, второй что-то передал Правителю. Охрана была предупреждена и позволила ему после этого беспрепятственно смешаться с толпой.

«Ну вот, — с облегчением подумал Квинт Юст, — теперь уже скоро».

А между тем Гай Сервий, уверенно лавируя между танцующими, пробирался к выходу. Оказавшись на площади, он миновал первые ряды карет, среди которых была и его собственная, и юркнул в неприметный наемный экипаж. Через короткое время он снова появился на площади, но уже в костюме Асклепия¹. Убедившись, что никто за ним не наблюдает, премьер снова направился во дворец. Сегодня он был доволен собой. Все прошло как нельзя лучше. Теперь Правитель и Фелиция всецело в его руках. Оставалось, правда, еще разделаться с этим на редкость живучим князем. И тогда уже ничто и никто не сможет ему помешать.

Нервы Тита Брицилла долгое время были на пределе. Сегодня он и вовсе с трудом сдерживался, чтобы не сорваться. Едва взглянув на содержимое футляра с якобы прославлением бога Юпитера, он тут же убедился — страхи его не напрасны. Это действительно было то, чего он ждал и чего больше всего боялся.

«Да куда же они все подевались? — негодовал он про себя, не видя ни Вика Лициуса, ни Квинта Юста. — Если Сабина принесла эти треклятые документы, будь они неладны, нужно было сразу хватать мерзавца, а не устраивать здесь нелепые представления. Он ведь в костюме. Никто и не узнал бы».

Правитель прекрасно понимал, что схема, предложенная первым сенатором, разумна и сводит к минимуму возможные потери. Он тщетно пытался успокоиться и знал, что это не удастся ему до тех пор, пока бумаги, обещанные Собиной в обмен на то, что пообещал он сам, не окажутся в его руках и не будут им уничтожены.

Первый сентатор никогда не спешил. Он просто делал все вовремя. Вот и сейчас, велел позвать к себе начальника тайной полиции, Вик Лициус скептически рассматривал перевязанные шнуром и запечатанные сургучом документы, которые только что передала ему Сабина.

¹ В древнегреческой мифологии бог медицины и врачевания.

«Всего лишь несколько листов бумаги, а какова цена, — думал глава сената. — И только лишь потому, что они о золоте, о единственном металле, обладающим удивительным свойством лишать людей разума».

— Вы звали меня, Вик, — вывел его из раздумий подошедший Квинт Юст. — Ну что? Она принесла? Да?

Вик Лициус устало кивнул.

— Хвала богам, — со вздохом облегчения произнес начальник тайной полиции. — А где же сама Сабина? Она ведь...

— Надеюсь, она уже скоро будет дома, Квинт, — мягко перебил его первый сенатор. — В этой части наших договоренностей произошли кое-какие изменения. Но, по моему мнению, это не повлияет на конечный результат. «Князь» Ингвар с «сестрой» уже здесь. Это он загипнотизировал Сабину и, как она сама мне сказала, велел ей отправляться домой. Послушайте, друг мой, — невозможно продолжал Вик Лициус, — сейчас самое время немного успокоить нашего Правителя. Он совершенно извелся за последние дни. Отнесите ему эти бумаги. Поверьте, вам будут очень, очень рады. А после подведите к нему министра налогов и сборов и оставьте их. Надеюсь, Валенту Руфу удастся пролить бальзам на раны Тита Брицилла. Если да, я не исключал бы внесения его кандидатуры на пост премьер-министра, который вскоре, как мне кажется, станет вакантным.

* * *

В черном с серебром костюме бога Хроноса Дастин был изумительно хорош. Маска закрывала лишь верхнюю часть его лица, обрамленного светлыми волосами, оттеняя прозрачную бледность кожи и подчеркивая мужественный, несколько надменный рисунок рта и подбородка. Будучи дальше, чем кто-либо, от желания произвести впечатление, он все равно невольно его производил.

Не желая ни на минуту расставаться с Дастиной, нет — с Анной, и зная, что отведенное им до утра время

тает так же быстро и неумолимо, как свеча, зажженная с обеих сторон, он намеревался по возможности быстрее сделать то, что должен был. Потом, когда Юлии ничего уже не будет угрожать, следовало поговорить с ней. Он прекрасно понимал, чего она ждет от него, и не представлял, какие слова сможет сказать ей в утешение, чтобы не оскорбить ее чувств, не ранить самолюбие и не травмировать разум. Можно было заставить все забыть... Нет, ни за что. Анну уже заставили. Никто не имеет права, чем бы он не руководствовался, лишать другого воспоминаний, какими бы они ни были.

Усилием воли заставив себя не думать сейчас об этом, Дастин скользкой походкой направился к Гаю Сервию, который теперь уже в костюме Асклепия отдавал должное легким закускам, сладостям и прохладительным напиткам у одного из столов, расположенных по периметру центрального зала.

— Интуиция подсказывает мне, Гай, — произнес он, подходя к премьер-министру и на ходу снимая маску, — что вы хотели меня видеть. Или я ошибаюсь?

— Мне всегда приятно вас видеть, дорогой князь, — несколько смешался от неожиданности Гай Сервий. — Но как вы узнали меня?

— Как-никак я бог времени, — беспечно улыбнулся Дастин, — а значит, мне ведомо и подвластно все. Прошлое, настоящее и, конечно же, будущее каждого.

Что-то неуловимо настораживало премьер-министра в сегодняшнем поведении князя. Что — он и сам не понимал. Но это было не так уж важно. Постепенно поворачивая перстень с двойной дозой смертоносного яда емкостью к ладони, он продолжал смотреть на князя и поддерживать с ним разговор.

«Как удачно, даже разыскивать его не пришлось», — ухмыльнулся про себя Гай Сервий.

— Не желаете ли чего-нибудь из напитков, князь? — произнес он вслух. — Они прекрасно утоляют жажду. И надолго, — добавил он многозначительно.

— С удовольствием, — глядя в глаза премьеру, в тон ему ответил Дастин. — Я полагаюсь на ваш вкус. Но

лучше чего-нибудь легкого. Когда мы с сестрой были у вас в гостях, да-да, не с Юлией, а именно с сестрой, — вы же не станете обижаться на нас за эту невинную шутку, — я выпил слишком много алонийского и потом скверно себя чувствовал. Очень скверно, поверьте.

— Тогда я предложу вам малинового, нет, лучше клюквенного морса со льдом, — благодушно произнес премьер и, наклонившись над столом, наполнил кубок напитком, незаметно высыпав туда весь порошок из полости перстня. — Моя жена его очень любит. Прошу.

«Пора заканчивать», — как-то безразлично подумал Дастин и, положив ладонь правой руки, украшенную массивным треугольным перстнем, на стол около емкости с напитком, долгим холодным взглядом окинул Гая Сервия.

— У меня нет больше времени для вас, Гай, — тихо сказал он. — А у вас его вообще больше нет. Впрочем, я готов подарить вам еще несколько минут, может быть, вы успеете что-то понять. Хотя нет, вряд ли. А теперь прощайте, я спешу. Да, и вот еще что. Когда будете пить, не забудьте посмотреть на свое правое запястье. Вам ведь нравятся треугольные знаки, не так ли?

Последние слова Дастин говорил, уже повернувшись спиной к премьеру и подняв вверх, словно в знак прощанья, правую ладонь, на которой наливался багровым огнем старинный перстень.

«Время и память, — думал Исполнитель, — наверное, две самые непостижимые вещи на свете. Время, облаченное в пестрые одежды истории, то и дело подсовывает людям подсказки, которыми они не хотят или не умеют воспользоваться».

«Все это уже было, — нашептывает некто невидимый за правым плечом, — и заканчивалось весьма печально. Остерегайся. Не давай опьянить и одурманить себя сегодняшним успехам и победам. Знай, что завтра изменчивая удача может отвернуться от тебя и улыбнуться другому. Помни, птицу счастья нельзя схватить за хвост и посадить в клетку. Колесо фортуны не может, по чьему бы то ни было жела-

нию, замереть и остановиться. Маятник не волен поменять траекторию своего движения и, качнувшись влево, он обязательно качнется вправо. Не забывай об этом. Думая о будущем, извлекай уроки из прошлого, из истории. Люди, жившие когда-то раньше, совершали разные поступки, продиктованные озарениями и заблуждениями, благородством и подлостью, щедростью и алчностью. История — всего лишь сумма этих поступков, помноженная на непредсказуемость и жестокость природных катаклизмов.

Люди, однако, в большинстве своем предпочитают слушать того, кто, стоя за левым плечом, шепчет медоточивые слова об их исключительности и непогрешимости, лаская слух и услаждая ненасытное эго. Уверовав в эту коварную, льстивую ложь, они вопреки здравому смыслу, вместо того чтобы учиться на чужих ошибках, совершают такие же — собственные. Часто роковые и непоправимые. Понимание приходит слишком поздно, когда ничего уже нельзя ни исправить, ни изменить. Проходит время. Настоящее становится прошлым и превращается в историю, уроками которой мало кто пользуется. Все снова и снова повторяется сначала...»

Панический ужас, застывший во взгляде Гая Сервия, устремленном вслед уходящему Хроносу, казалось, сейчас обретет подвижность и выплеснется из глазниц. Рука премьера вопреки его страху тянулась к кубку с ядом, приготовленному им для князя Ингвара. Собственное тело, словно парализованное чужой волей, отказывалось повиноваться ему. С глухим рычанием он попытался перевернуть кубок, но вместо этого только крепко сжал его в левой руке. Рука медленно поднялась и, словно живя отдельной от тела и разума жизнью, стала приближаться к губам. Губы послушно разжались и приняли первый глоток, второй... Он пил, не отрывая глаз от собственной правой руки, на которой сначала едва заметно, а потом все четче проступал красный треугольный контур. Опорожнив кубок, Гай Сервий зачем-то аккуратно поставил его на стол и тут же схватился обеими руками за

горло, словно желая вырвать из себя эту нечеловеческую, сжигающую внутренности боль.

«Зачем? Зачем все это?» — успел подумать он о чем-то, ведомом лишь ему одному. На этом его время закончилось.

Внезапно скончавшийся премьер-министр был обнаружен придворными в промежутке между двумя танцами. Многие дамы и кавалеры, истратившие столько сил и средств на подготовку к долгожданному празднику, чувствовали досаду и разочарование. Бал для них оказался безнадежно испорчен.

Когда доложили Правителю, он тут же велел создать комитет по организации торжественных похорон Гая Сервия. Первому сенатору было поручено передать весьма существенную сумму из государственной казны вдове и детям покойного. Что бы там ни говорили, Тит Брицилл умел держать слово. Теперь документы, из-за которых пришлось столько пережить, были у него, Гай Сервий был мертв, а значит, место премьер-министра — вакантно. Министр налогов и сборов действительно предоставил ему чрезвычайно ценную информацию, касающуюся золота, украденного у государства и спрятанного этим проходимцем Сергиусом Роном в свои тайные хранилища. Такая услуга должна быть, несомненно, по достоинству оценена. Он обязательно подумает над этим в самое ближайшее время.

Только сейчас Правитель понял, как он смертельно устал. Видеть никого не хотелось. Кроме, конечно же, старины Дуката, верно ожидавшего его возвращения в благодатной тишине личных апартаментов. Поискав взглядом дочь и обнаружив ее в обществе князя Ингвара, Тит Брицилл невольно залюбовался ими и резонно рассудил, что Юлии сейчас вовсе не до него. О супруге он почему-то даже не вспомнил.

* * *

Любящее сердце способно к познанию, которое недоступно самому изощренному разуму.

Когда Дастин подошел к Юлии, девушка с трудом сдержалась, чтобы не броситься ему на грудь, не заплакать, не прокричать слова, которые столько раз повторяла про себя и не смела произнести вслух. Вместо этого она лишь посмотрела на него с нескрываемой нежностью и тихо произнесла:

— Как хорошо, что ты пришел. Как хорошо, что ты вообще пришел.

Что можно было сказать на это в ответ? Только правду. Они стояли лицом к лицу посреди всеобщей суматохи, вызванной скоропостижной кончиной премьер-министра. И Дастин мучительно думал о том, а нужна ли ей эта правда?

— Скажи мне, скажи, что будет с нами? — будто подслушав его мысли, спросила Юлия.

— Все будет хорошо, — стараясь быть убедительным, ответил Дастин и, взяв ее за руку, повторил: — У нас все будет хорошо.

— Но ты ведь скоро покинешь меня, — укоризненно глядя на него, сказала она. — Не говори, что нет, я чувствую это.

— Да, сложилось так, что мы с сестрой действительно должны... уехать, — произнес он. — Иначе нельзя, к сожалению.

— Ты вернешься? Ты когда-нибудь вернешься? Я должна знать это. Должна, понимаешь? — девушка замолчала, ожидая ответа, как приговора.

Дастин остро и мучительно почувствовал, что не смеет солгать и не может сказать ей правду.

— Ну конечно! — раздался вдруг прямо около них веселый, уверенный голос Дастины. — Конечно, он вернется. Как может быть иначе. Ведь мой брат влюблен в вас, дорогая Юлия. Неужели вы до сих пор этого не поняли? Просто есть кое-какие обстоятельства, которые, к сожалению, не зависят от наших желаний. — Если б вы знали, как мне самой не хочется покидать ваши края, — без всякого притворства продолжала она, — как не хочется прощаться с новыми друзьями, особенно с Квинтом. — Дастина заговорщицки подмигнула Юлии. —

Но что поделаешь, все мы, увы, не вольны в своих поступках. Позвольте же мне обнять вас на прощанье, как сестру. Тем более, мы и похожи, как сестры.

Девушки обнялись. Треугольный перстень на правой руке Дастины словно сверкнул на мгновение зелеными искрами и тут же погас.

Увидев, как просветлел взгляд Юлии, и зная, что теперь она на самом деле уверена, что все будет хорошо, он понял: спонтанное решение Дастины сейчас единственно правильное. Но все равно ему было как-то не по себе.

— Мы с братом как раз собирались благодарить ваших родителей за внимание и гостеприимство, — окончательно взяв инициативу в свои руки, бодро продолжала Дастина, — а тут... — она сочувственно покачала головой. — Кто бы мог подумать? Такая неожиданная смерть.

— Все это действительно ужасно, — тут же согласилась Юлия, которой стало очень неловко от того, что собственные переживания отодвинули внезапную кончину Гая Сервия на второй план. Подобно всем молодым людям, она воспринимала смерть не как естественное завершение жизни, а как некую досадную абстракцию. — Отец, видимо, очень расстроился и ушел к себе. А вот матушку я сейчас велю разыскать. Она должна быть где-то здесь.

Появившаяся вскоре Фелиция являла собой образчик скорбящего величия. Глаза ее были красны от слез, а в углах чувственного рта залегли две скорбные морщины. Супруга Правителя сердечно попрощалась с князем и его сестрой. Она была уверена в том, что они покидают двор ненадолго. Хотя, честно говоря, сейчас ей было вовсе не до того и уж тем более не до кончины премьер-министра, который никогда не вызывал у нее особых симпатий.

Сославшись на головную боль, Фелиция удалилась к себе. Оказавшись в своих покоях, женщина снова дала волю слезам.

— Как все несправедливо, — всхлипывала она. — За что? За что все это? Неужели я не заслуживаю если не

семейного счастья, то хотя бы маленьких женских радостей? А теперь моя жизнь будет протекать в постоянном страхе разоблачения.

Супруга Правителя, конечно же, не могла знать, что часть ее писем Сергиусу Рону уже сожжена Сабиной, а остальные Валент Руф собирался передать ей уже сегодня, но просто не нашел для этого подходящего момента.

* * *

— Даже представить себе не могла, что ты можешь так поступить, — обиженно протянула Дастина. — Хотя бы предупредил. Я ведь и потанцевать как следует не успела. Неужели нельзя было хоть немного подождать с этим?

В ответ Дастин только развел руками и виновато улыбнулся.

— Прости, но времени до утра осталось не так уж много, а мне нужно было все здесь закончить до получения новых координат. Кроме того, я действительно не подумал, что нужно дать тебе хоть немного времени поиграть в настоящий бал. А еще я спешил поговорить с Юлией.

— Ну, как ты собирался с ней поговорить, я имела удовольствие наблюдать, — насмешливо произнесла Дастина. — Удивительно. Просто удивительно. Неужели ты не понимаешь, что иногда ложь во благо бывает намного лучше больно ранящей правды. Какую правду ты собирался ей поведать? Ту, в которую невозможно поверить, которая разбила бы ей сердце? А это, поверь, хуже любой лжи. О том, что мне нужно поговорить с Квинтом, ты вообще, по-моему, не вспомнил. Эгоист.

Дастин и не подумал возражать, потому что она была абсолютно права.

— Подожди меня немного. Я попрощаюсь с ним, пока еще есть время. А потом попрощайся ты. И, прошу, сделай для него то же, что я сделала для Юлии. Мне не хочется, чтобы он страдал.

Осведомленность Квинта Юста об истинных причинах происходящего никак не спасала его от сердечной боли, которой он отчаянно сопротивлялся.

— Сегодня утром мне нужно будет уехать, — сказала Дастина начальнику тайной полиции. — Я не могу оставаться здесь дольше. Никак не могу.

— Понимаю, — произнес Квинт, старательно избегая ее взгляда. Он не задавал никаких вопросов, как будто недосказанность оставляла ему надежду.

— Сейчас мы должны проститься, — виновато сказала она. — Времени осталось очень мало.

— Не могу, — ответил он, подняв на нее глаза. — Я не могу с тобой прощаться. Просто уходи, раз нужно. Прямо сейчас.

— Дорогой Квинт, — раздался вдруг за его плечом голос князя Ингвара, — простите великодушно, что вторгаюсь в вашу беседу, но боюсь не найти другого времени, чтобы попрощаться. Увы, неотложные дела требуют моего безотлагательного отъезда. Позвольте уверить вас, что я очень рад нашему знакомству и питаю к вам самые искренние дружеские чувства.

С этими словами он протянул руку начальнику тайной полиции, и мужчины обменялись крепким дружеским рукопожатием, во время которого перстень на руке Дастина сверкнул на мгновение ярким зеленым светом и сразу же погас.

То, что Квинт Юст не задавал никаких вопросов и не выражал никаких надежд на скорую встречу в будущем, могло бы показаться странным. Но и Дастин, и Дастина были слишком заняты своими переживаниями, чтобы обратить на это внимание.

После прощания с князем Ингваром настроение у начальника тайной полиции существенно улучшилось. Расставание с Дастиной теперь уже не казалось ему непоправимой катастрофой. «Нужно принять все как есть», — вспомнил он мудрый совет Вика Лициуса, которым все последние дни безуспешно пытался воспользоваться.

— Поцелуй меня, — просто сказала ему Дастина, — и будь счастлив.

Потом она быстро развернулась и стремительно пошла к выходу, придерживая обеими руками драгоценную струящуюся ткань костюма неумолимой мойры Атропос.

Квинт Юст знал, что она не обернется, и понимал, что это правильно, но все равно смотрел ей вслед до тех пор, пока ее хрупкая фигурка не скрылась в дверном проеме.

* * *

Праздничное веселье в каретной мастерской Лоя Мария давно сменилось приятной послепраздничной усталостью. Друзья были кто больше сыт, кто больше пьян, но все в отменном настроении. Расходиться было уже поздно и еще рано. Хозяин дома и начальник смены почетного караула мирно посапывали в обнимку. Архивариус с кондитером вполголоса беседовали о всякой всячине. Кому-кому, а им всегда было о чем поговорить, и, кроме того, они всегда понимали друг друга.

За окнами уже серело, когда внезапно раздался стук дверного молотка.

— Кто бы это мог быть? — сразу же встрепенулся Руфус Филч. — Может в кондитерской что-то случилось? Пойду-ка я открою, Лой все равно спит.

Пока кондитер возился с тяжелой щеколдой, Барти Круз почувствовал, что его начинает клонить в сон. Глаза упрямо слипались, а голова опускалась все ниже и ниже.

Услышав радостные возгласы своего двоюродного брата, архивариус мгновенно очнулся от дремоты и увидел, что Руфус Филч, всплескивая руками от радости, бестолково топчется вокруг Дастины, с опаской поглядывая при этом на стоявшего рядом Дастина.

«Какая красивая пара», — подумал Барти Круз, невольно залюбовавшись ими и словно забыв на мгновение, кем на самом деле были эти двое. А вспомнив,

почувствовал какую-то непривычную тяжесть в сердце. Он поднялся и, пытаясь не дать выкатиться двум предательским слезинкам из выцветших стариковских глаз, пошел навстречу Дастину.

— Прощаться? — тихо спросил он, глядя на своего нового друга так пристально, будто хотел запомнить его именно таким — серьезным, бледным, в черном с серебром костюме бога Хроноса.

— Не люблю прощаться, Барти, — заговорил Дастин, глядя на архивариуса с несвойственным его холодному облику выражением нежности. — Но это, увы, неизбежно. А с неизбежным приходится мириться. Не так ли? Впрочем, это не главное. Я хочу, чтобы вы знали, — он на мгновение задумался, — ближе вас у меня никого нет и никто не сделал мне столько добра. Просто так. Ни за что, — он выразительно посмотрел на Дастину, любезничавшую с совершенно счастливым кондитером. — Если бы не вы, я ничего не узнал бы о ней и, скорее всего, мы не встретились бы здесь, оказавшись волею судьбы так близко. Пусть Анна не вспомнила меня, но все равно что-то происходит в ее голове. Представляете, она сказала, что до нашей встречи видела меня в своих снах. А ведь это были не сны. Но что делать, теперь наши с ней пути расходятся. Анна уже знает свои новые координаты, а я еще нет. В любом случае, как только окончательно рассветет, мы будем уже далеко отсюда. Очень далеко.

— Знаете, Дастин, — голос Барти Круза слегка дрожал, — я, кажется, впервые пожалел, что у меня нет детей. Всю жизнь мне хватало любимого дела, работы, а теперь... — он замолчал, потом заговорил снова: — Я ведь уже стар и скоро умру. Кроме Руфуса, у меня никого нет. А он ведь тоже одинок и не молод. Пройдет время, и никто не будет вспоминать обо мне, приходиться на мою могилу... Да что это я разнылся? — встрепенулся вдруг архивариус. — Нашел, тоже, время, старый дуралей.

— Я буду, — серьезно сказал Дастин. — Я буду вспоминать вас столько, сколько мне отведено времени.

— Это долго, — попытался пошутить Барти Круз, но получилось как-то невесело.

— И на могилу когда-нибудь придете? — не унимался приободрившийся архивариус.

— Непременно, — ответил Дастин уверенно. — Хотя, возможно, мы еще увидимся.

— Ну вы и шутник, — вдруг заразительно рассмеялся Барти Круз.

Тем временем Руфус Филч, уяснив, что его ненаглядная спасительница прямо сейчас покидает их края, ужасно разнервничался. Во-первых, ему не хотелось с ней прощаться, а, во-вторых, он уже не успевал приготовить ей в дорогу достойную корзинку со снедью и сладостями.

— Как же так, ну как же так, — не находя себе места, причитал расстроенный кондитер. — Это же никуда не годится — в дорогу и без корзинки. Позор мне, позор. А задержаться никак нельзя? — с надеждой поинтересовался он у Дастины. — Хотя бы до первой утренней выпечки.

— Нельзя, — ласково ответила Дастина. — Но это ничего. В следующий раз, милый Руфус, я, если не возражаете, прямо у вас и поселюсь. И буду обедаться сладостями с утра до вечера. Договорились?

Кондитер расцвел на глазах и украдкой смахнул слезу. Он хотел спросить, когда будет этот следующий раз, но почему-то передумал.

Девушка обняла Руфуса Филча и поцеловала его в пухлую щеку. Перстень на ее руке сверкнул зелеными искрами и тут же погас.

Дастин, прощаясь с Барти Крузом, думал о том, что, может быть, ему еще удастся побывать здесь и застать старика живым. А если нет... он все равно выполнит свое обещание.

— До свидания, Барти, — прошептал он, обнимая худые плечи архивариуса. — До свидания, мы еще обязательно увидимся, — несколько зеленых искр словно растаяли в воздухе.

Лой Марий и Роб Свэнс сладко посапывали. Судя по всему, им снились хорошие сны.

Барти Круз и Руфус Филч стояли на пороге каретной мастерской, глядя вслед удалявшимся Дастину и Дастине.

Руфус Филч снова подумал о том, как хорошо было бы все-таки удочерить Дастину и потом завещать ей свою кондитерскую.

— В следующий раз я так не оплошаю, — уверенно произнес кондитер, — и корзинку для моей дорогой девочки приготовлю заранее. Да и подкормить ее нужно будет. Уж больно худенькая.

— Да, — мечтательно протянул архивариус, — это уж точно. В следующий раз ты, Руфус, ни за что не оплошаешь. Ты лучший кондитер в мире, лучший родственник и самый лучший мой друг.

Фигуры юноши и девушки были все еще видны. Вдруг они одновременно обернулись и помахали старикам руками, а потом словно растаяли в предзвездном тумане.

— Идем, — сказал Барти Круз, — холодно что-то, — и, поежившись, взял двоюродного брата за руку, увлекая его в теплое помещение каретной мастерской. Старый архивариус незаметно для себя самого поверил, что еще непременно увидит Дастина. В том, что чудеса бывают, он уже убедился.

* * *

Они снова стояли возле Стелы Свободного Выбора. Прощаться не хотелось ни ей, ни ему. Дастин все еще ждал новые координаты, а они почему-то не приходили.

— Как жаль, — сказала девушка. — Мне бы очень хотелось знать, где ты будешь. Подождем еще немного. У меня есть около четверти часа. Давай... знаешь что сделаем... — она будто сомневалась, но потом решила и заговорила дальше. — По-моему, Квинт и Юлия очень подходят друг другу и могли бы стать счастливой парой. Я почему-то в этом уверена. Давай попробуем им помочь.

— Как? — растерянно спросил Дастин.

— Ты прекрасно знаешь как, — ответила она.

— Но мы не можем этого делать. Нам нельзя.

— А все остальное нам можно? — в ее вопросе слышался укор. — Не дай мне подумать, что ты мелкий ревнивец и эгоист. Решайся. Или сейчас, или никогда. Потом будет поздно. И, к тому же, каждый из нас в отдельности не сможет этого сделать. Только вдвоем.

Он кивнул. Они стали рядом и, соединив правые руки, подняли их вверх. Яркая струя чистого зеленого света устремилась в небо.

— По-моему, у нас получилось, — произнесла она.

— Мне тоже так кажется, — согласился он. — Правда, нам вряд ли удастся это проверить.

— Какой же ты все-таки зануда, — покачала головой девушка. — Пессимист и зануда...

— Извини, — перебил ее Дастин. — Кажется, координаты пришли.

Он прикрыл глаза и сосредоточился. Потом покачал головой и снова заговорил.

— Ну вот, пожалуй, и все. Время отправляться. Не люблю работать в этих временах и не очень хорошо их знаю, но что поделаешь, выбирать не приходится.

Дастин не мог представить себе, что вот сейчас, сию минуту он снова потеряет Анну.

— Я хочу поцеловать тебя на прощанье, — сдавленным голосом сказал он.

Она сама обняла его и нежно поцеловала.

— Где ты будешь? Я хочу знать, где ты будешь, милый, — спросила девушка.

Дастин назвал координаты и оторопел от реакции Дастины. Она вскрикнула и бросилась ему на шею.

— Мы вместе! Понимаешь, мы отправляемся туда вместе. Невероятно, но координаты в точности совпадают. Я там уже бывала. Место неплохое, а время гиблое. Не представляю, что же там должно твориться, если Механизм отправляет сразу двоих. Раньше такого, по-моему, никогда не было. Но все равно, здорово! Правда?

Дастин еще не верил в реальность происходящего. Но, судя по всему, это не ошибка. А раз так, значит, еще есть время и есть надежда, что Анна вспомнит.

— Пора, — сказала она.

— Да, уже действительно пора, — откликнулся он.

Они подошли вплотную к Стеле Свободного Выбора и прислонили к ней ладони правых рук.

* * *

Здесь было по-весеннему тепло и по-утреннему безлюдно. Вокруг белыми и розовыми свечами цвели каштаны. Редкие в такую рань автомобили пока еще свободно двигались по главной улице столицы. Стела Независимости на площади с таким же названием существенно отличалась от других аналогичных сооружений, которые раньше приходилось видеть Дастину. Видимо, для «удобства» свободных граждан кнопки с именами министров, сенаторов и прочих властьпридержащих были расположены в верхней трети почти шестидесятиметровой колонны, увенчанной внушительной женской фигурой. При этом сами граждане о наличии кнопок, видимо, даже не подозревали. Сведения о том, что в действительности представлял собой монумент, давным-давно были вымараны из всех хроник и летописей. Караул или какая бы то ни было охрана за ненадобностью отсутствовала.

Кнопок оказалось чуть более полутысячи. Почти половина из них были раскалены до предела. А значит, работа предстояла серьезная.

Впрочем, срок, назначенный Механизмом по первой ликвидации, истекал, как всегда, только в полдень. Поэтому им можно было не спешить.

Літературно-художнє видання

БУКРАБА Олена

<Ostrakon>

РОМАН

Російською мовою

Редактор Г. А. Теремко
Коректор Т. А. Дічевська
Комп'ютерна верстка Є. М. Байдюка

Формат 84×108/32. Ум. друк. арк. 15,96. Зам.

Видавничий центр «Академія»,
м. Київ, вул. Дегтярівська, 38—44.

Тел./факс: (044) 483-19-24; 456-84-63.

E-mail: academia-pc@svitonline.com; academia.book@gmail.com
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 555 від 03.08.2001 р.

ВАТ «Білоцерківська книжкова фабрика».
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 567 від 14.08.2001 р.

Букраба Е.
Б90 Ostrakon : роман / Елена Букраба. — К. : ИЦ «Академия», 2012. — 304 с.

ISBN 978-966-580-391-1

Можно ли измерить зло, творимое людьми? Существует ли его критическая масса, за которой неотвратимо наступает возмездие? Хотелось бы думать, что да, хотя оснований для этого не так уж много.

Впрочем, ответы на эти вопросы стоит поискать в романе «Ostrakon». В нем — прелюбопытнейшие события, которые никогда и нигде не происходили.

УДК 821.161.1(477)-312.9
ББК 84.4.УКР-РОС6-445

Чи можна виміряти зло, яке чинять люди? Чи існує його критична маса, за якою неминуче настає відплата? Хотілося б думати, що так, хоча підстав для цього не так уже й багато.

Втім відповіді на ці питання варто пошукати в романі «Ostrakon». У ньому — цікаві події, які ніколи і ніде не відбувалися.